Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

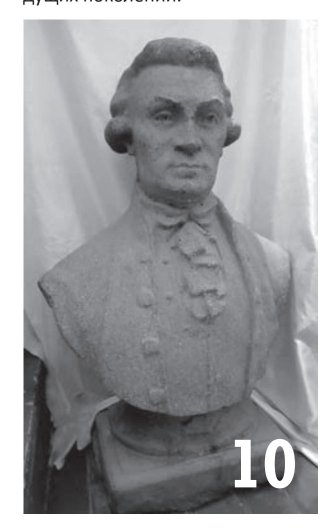
№ 2 (22) / 2017

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.fessl.ru/KNDV/

Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru,volkotrubova.olga@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Имя С. П. Крашенинникова прочно вписано в летопись не только региона, но и музея. Сегодня музейщики, как и десятилетия назад, обращаются к ставшему классикой исследованию Степана Петровича, черпая оттуда кладезь наблюдений и фактов. Наша задача — сохранить и приумножить эти знания для будущих поколений.

10

Личность Владимира Ивановича Клипеля особенна. По армейской судьбе, на службе с 1939 года, где прошёл путь от рядового бойца до гвардии майора. Довелось прознать войну во всех ипостасях — от окопов и траншей до штабных блиндажей. С первых же её дней с тяжёлыми боями, с нелёгким отступлением и выходом из окружения до победных дорог и бездорожья Маньчжурии, с перевалом через Хинганские горы, как суворовские Альпы, до прославленного Порт-Артура. Сколько особой фронтовой ответственности с пониманием всякий день, как зависят от тебя жизни и боевой дух других, с тем и успех не только малый — роты, батальона или полка, дивизии, армии, а и слава Отечества!

28

Целенаправленная переселенческая политика правительства Российской империи на восточные окраины страны обуславливалась как внутренними потребностями, так и необходимостью военно-политической безопасности России на тихоокеанском побережье. С момента присоединения Приамурья и Уссурийского края их заселение связывалось со стратегическими интересами государства — нужно было закрепить Амурскую и Приморскую области в составе Российской империи.

82

Рыбья кожа встречается в культуре разных народов — саамов, хантов, сахалинских нивхов и ороков, но именно на Нижнем Амуре технологии её обработки достигли наивысшего уровня. Древнее ремесло развивалось и совершенствовалось веками, сформировавшись в самобытное этническое искусство.

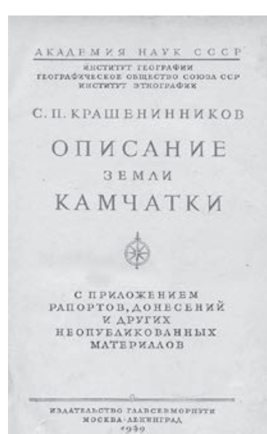

99

Театральность — главная линия творчества Александра Новикова, протянувшаяся от скромных юношеских попыток оживить концертное исполнение академической музыки к театру, где композитор проявил в полную силу своё музыкальное дарование.

133

ДИВНИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА

С ИМЕНЕМ СТЕПАНА КРАШЕНИННИКОВА

В статье рассказывается о знаковом краеведческом мероприятии Дальневосточного региона — Крашенинниковских чтениях, когда-то проходивших на сцене сельского клуба и ставших в наши дни визитной карточкой главной библиотеки Камчатки. Публикация приурочена к 280-летию со дня высадки Степана Крашенинникова на берег этого далёкого полуострова.

Ключевые слова: Степан Крашенинников, Крашенинниковские чтения, Камчатка, краеведение, библиотека.

Keywords: Stepan Krasheninnikov, Krasheninnikovskie reading, Kamchatka, local history, library.

Крашенинниковские чтения (далее — Чтения) проводятся уже более сорока лет. За это время скромное краеведческое мероприятие, организованное группой энтузиастов-краеведов в небольшом камчатском селе, вышло на международный уровень. И по-прежнему главная мысль Чтений выражается в словах Степана Петровича Крашенинникова: «Знать своё Отечество во всех его пределах...»

Как всё начиналось

5–6 декабря 1976 года члены Камчатского отделения Всероссийского добровольного общества любителей книги и Камчатская областная библиотека провели первые Чтения в селе Мильково. Их основной целью была популяризация книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» — как раз в том году исполнялось 220 лет со дня её выхода в свет.

Участники I Крашенинниковских чтений у памятного знака на месте первого русского поселения Камчатки — Верхне-Камчатского острога. Декабрь 1976 года.

Идея организации и проведения такого мероприятия принадлежала ответственному секретарю правления Камчатского отделения областного добровольного общества любителей книги Владимиру Михайловичу Овчинникову. В нём приняли участие известный краевед Нина Захарова — библиограф областной библиотеки, этнограф Владимир Малюкович, охотовед Виталий Николаенко, биолог Дмитрий Чугунов, сотрудник станции юных натуралистов, геоботаник Нина Ефремова, геолог Иван Карбивничий, писатель Николай Санеев и многие другие.

Завершили Чтения творческие вечера камчатских писателей.

Все участники I Крашенинниковских чтений были награждены памятной медалью, отлитой по эскизу мильковского художника Михаила Угрина.

Следующие Чтения проводились в Усть-Большерецком, Усть-Камчатском, Тигильском, Соболевском районах. Их участники побывали во многих камчатских сёлах и посёлках. Читались мини-доклады, велись краеведческие беседы, к работе активно привлекались студенты и школьники, которые делали сообщения по истории, географии Камчатки. Завершались мероприятия концертами.

С течением времени форма и содержание Чтений изменились.

Крашенинниковские чтения и библиотека — новый этап

С 1995 года Камчатская краевая библиотека им. С. П. Крашенинникова ежегодно проводит стационарные Крашенинниковские чтения совместно с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, библиотеками края, Камчатским краевым отделением Русского географического общества.

Основная цель Чтений — изучение и популяризация страниц истории, экономики и географии Камчатки, особенностей её животного и растительного мира, жизни населения, вопросов и проблем экологии и природопользования. А темы за эти годы были самые разные: «Связь времён» — к юбилею А. С. Пушкина, «Горькая правда огненных лет» — к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне; «Изучение и освоение Камчатки в XX веке», «Ветер веков в парусах России», «Камчатка: прошлое и настоящее», «Веков связующая нить», «Камчатка: события, люди», «Люди великого долга», «Верные долгу и Отечеству», «На перекрёстке континентов».

Очень часто темы Чтений определяли цитаты из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»: «Знать своё Отечество во всех его пределах…» — к 290-летию С. П. Крашенинникова и 60-летию Камчатского отдела РГО, «О Камчатской земле написано…», «Камчатка разными народами обитаема», «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся», «О Камчатке: её пределах и состоянии».

Чтения быстро вышли на международный уровень: к настоящему времени в них уже приняли участие учёные

Обложки сборников с материалами Крашенинниковских чтений.

Германии, Дании, Японии, США, Швеции, Канады, Англии, Украины.

По инициативе Фонда компенсации (в пользу народов Севера) и его председателя Артура Изосимовича Белашова в 1995 году была учреждена краеведческая премия имени Степана Крашенинникова, которая стала ежегодно вручаться перед началом Чтений. Это общественная форма признания заслуг и благодарности настоящим патриотам Камчатки, сделавшим значительный личный вклад в изучение и развитие территории, охрану природы, становление краеведения.

Первым лауреатом премии стала библиограф-краевед Нина Игнатьевна Захарова. В числе других лауреатов — коллектив Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова и её сотрудники Ирина Васильевна Витер и Надежда Ивановна Курохтина. В 2017 году премия была присуждена постоянному участнику Крашенинниковских чтений, кандидату исторических наук Татьяне Владиленовне Воробьёвой — заведующему кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

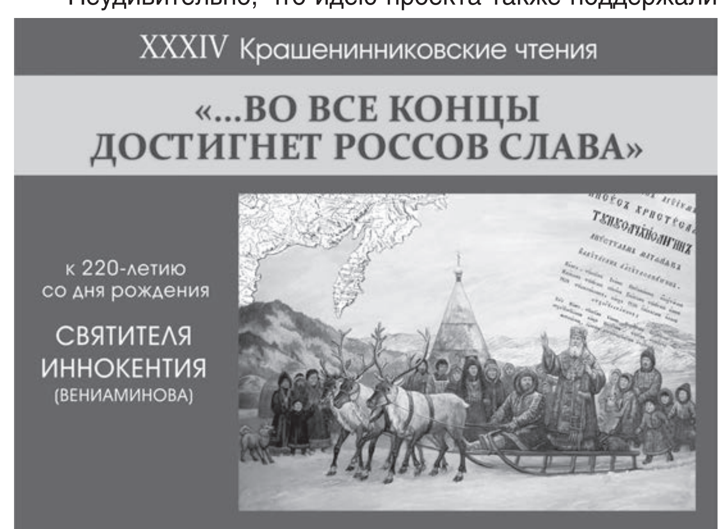
Крашенинниковские чтения: «Путь святителя Иннокентия»

XXXIV Крашенинниковские чтения прошли 5–6 апреля 2017 года. Это был заключительный этап большого национального духовно-просветительского проекта «Путь святителя Иннокентия», разработанного Иркутской областью и Русским географическим обществом к 220-летию со дня рождения просветителя Америки и Сибири митрополита Иннокентия (Вениаминова). Проект поддержал Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В 1840 году овдовевший священник-миссионер Иоанн Вениаминов, постриженный в монашество с именем Иннокентий, стал первым епископом Камчатской, Курильской и Алеутской епархии. Он совершил многократные путешествия по Камчатскому полуострову, территории Русской Америки, по Амуру и Якутии, а в 1868 году был назначен митрополитом Московским и Коломенским.

В 1977 году митрополит Московский Иннокентий был прославлен в лике святых Русской Православной церковью и Православной церковью в Америке как апостол Сибири и Америки.

Неудивительно, что идею проекта также поддержали

Афиша XXXIV Крашенинниковских чтений.

Торжественное открытие XXXIV Крашенинниковских чтений.

Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Камчатский и Забайкальский края, Амурская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ и штат Аляска (США), ведь имя святителя Иннокентия равно значимо для всех этих регионов.

Проект стартовал в 2014 году, и Камчатский край принял самое активное участие в его осуществлении.

В октябре 2015 года представители Петропавловской и Камчатской епархии, правительства Камчатского края, историки и сотрудники нашей библиотеки прошли по камчатскому маршруту архипастырской поездки епископа Иннокентия, которую тот совершил в 1842–1843 годах.

Выступает протоиерей Андрей Близнюк, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва).

16 октября 2015 года в посёлке Усть-Камчатске был установлен поклонный православный крест с надписью «Памяти святителя Иннокентия (1797–1879), епископа Камчатского, Курильского и Алеутского». Крест освятил епископ Петропавловский и Камчатский Артемий. Для жителей посёлков долины реки Камчатки демонстрировалась выставка Иркутского областного краеведческого музея, священники и краеведы проводили беседы о жизненном пути апостола Сибири и Америки.

28 марта 2017 года был освящён храм во имя святителя Иннокентия, митрополита Московского, в посёлке Козыревске Усть-Камчатского района.

Заключительным этапом проекта «Путь святителя Иннокентия» для Камчатки стало проведение библиотекой совместно с Петропавловской и Камчатской епархией XXXIV Крашенинниковских чтений «Во все концы достигнет россов слава», посвящённых 220-летию со дня рождения святителя Иннокентия.

Представленные на Чтения доклады раскрывали следующие темы: северо-восток в межкультурном пространстве России, Японии, США; миссия Православной церкви на северо-востоке Азии и северо-западе Америки; коренные народы Северной Пасифики.

Все Крашенинниковские чтения традиционно являются тематическими. В этом году названием, прекрасно раскрывшим вышеназванные темы, стала строка из стихотворения М. Ломоносова: «И наша досягнёт в Америку держава, и пусть во все концы достигнет россов слава».

Участниками XXXIV Чтений стали учёные, священнослужители, работники библиотек, архивов, музеев (среди них

Выступает Аарон Коэн, профессор исторического факультета Калифорнийского государственного университета (США).

5 докторов и 18 кандидатов наук) из Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга, Москвы, Рязани, Хабаровска, Владивостока, Якутска, зарубежных стран — Германии и США. Было заслушано 26 выступлений, каждое из которых вызвало живой интерес. 43 доклада были представлены в формате стендовых.

Гостями мероприятия стали епископ Уссурийский Иннокентий (Ерохин), протоиерей Андрей Близнюк, учёные из Москвы, Владивостока и американского города Сакраменто.

Владыка Иннокентий, викарий Владивостокской епархии, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Дальневосточного федерального университета, представил доклад «Архиерейские путешествия из Владивостока на Камчатку в начале XX в. (по материалам Епархиальных ведомостей)».

Протоиерей Андрей Близнюк, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, клирик храма святителя Николая в Кузнецах (г. Москва), выступил с докладом «Актуальность миссионерских наставлений святителя Иннокентия Московского в современной миссии Церкви». Сразу после выступления отец Андрей отправился в миссионерскую поездку по районам Камчатского края.

Не первый раз приезжает на Камчатку доктор исторических наук Александр Юрьевич Петров, главный научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (г. Москва), специалист по истории Русской Америки, Российско-американской компании, Калифорнии, запада США. Его доклад «История и наследие России на севере Тихого океана в контексте развития российско-американских отношений» был как всегда интересен, логичен, обоснован.

Доктор исторических наук Мария Борисовна Сердюк, профессор кафедры культурологии и искусствоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), выступила с докладом «Изучение жизни и деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова)».

Профессор исторического факультета Калифорнийского государственного университета, специалист по российско-американским отношениям Аарон Коэн на хорошем русском языке поделился своими размышлениями о роли Русской Америки в российско-американских отношениях.

Ольга Владимировна Косик, кандидат филологических наук, бакалавр религиоведения, научный редактор журнала «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета», в своём докладе осветила «Дальневосточный период в деятельности священномученика епископа Дамаскина (Цедрика)».

За время пребывания на Камчатке гости встретились со студентами двух учебных заведений: Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

Но особенно приятно, что сами сотрудники Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова всегда являются активными участниками Крашенинниковских чтений. В этом году прозвучали доклады И. В. Витер, Е. Р. Островской, Л. В. Садовниковой, Л. А. Абрамян, Н. В. Дивниной. Последние три доклада были подготовлены на основе переводов редкой иностранной краеведческой литературы, которые выполнили сами докладчики.

Чтения проходили два дня. 5 апреля были прочитаны доклады, освещающие деятельность святителя Иннокентия на берегах Америки, на Камчатке, Амуре и в Якутии, а также доклады по культуре и истории Дальневосточного региона.

Вручение премии «Просветитель» Татьяне Анатольевне Диковой, директору Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

Ирина Васильевна Витер — организатор и ведущая Крашенинниковских чтений.

В тот же день была торжественно вручена премия имени святителя Иннокентия (Вениаминова) «Просветитель». Лауреатом её стала Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова.

А литературная премия имени камчатского писателя Е. В. Гропянова за лучшее историческое произведение о Камчатке по праву досталась писателю Александру Смышляеву за книгу «Популярная история Камчатки».

6 апреля с докладами выступили учёные Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, Камчатского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Традиционно этот блок выступлений завершился презентацией научной и популярной литературы, посвящённой сохранению биологического разнообразия и экологии региона.

Посетители и участники Чтений смогли познакомиться с разнообразными книжными, планшетными, художественными выставками, которые раскрывали различные темы истории региона и работали на всех трёх этажах библиотеки. Среди них — большая планшетная выставка «Путь святителя Иннокентия», подготовленная специалистами Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

XXXIV Крашенинниковские чтения посетили более 300 человек — студенты, школьники, учёные, краеведы.

Ведущая роль в организации и проведении Чтений уже много лет принадлежит научному сотруднику отдела краеведения Ирине Васильевне Витер — историку, краеведу, заслуженному деятелю культуры Российской Федерации, почётному гражданину г. Петропавловска-Камчатского. Благодаря её многолетним трудам ежегодные Крашенинниковские чтения стали одним из главнейших научных событий Камчатки.

С 1997 года по материалам Чтений и конференций выпускаются сборники, которые проходят предпечатную подготовку в издательском центре краевой научной библиотеки. С 2010 года к изданию прилагается диск с мультимедийными презентациями. В 2011 году библиотекой был издан «Указатель содержания XVII–XXVIII выпусков Крашенинниковских чтений».

Часть докладов по согласованию с авторами размещается на сайте Камчатской краевой научной библиотеки (http://www.kamlib.ru).

Крашенинниковские чтения давно обрели свою аудиторию, растущую с каждым годом, ведь интерес к истории и экономике, этнографии и геологии, экологии и географии, литературе и искусству Камчатского края не ослабевает. А впереди нас ждут уже XXXV юбилейные Чтения!

Список использованных источников

1. *Введенская, Т. В. Мильково — родина первых Крашенинниковских чтений / Т. В. Введенская // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся…» : материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 35–37.*
2. *Витер, И. В. Крашенинниковские чтения, конференции / И. В. Витер // Имени Крашенинникова : библ. альм. (к 180-летию Камчат. обл. науч. б-ки им. С. П. Крашенинникова). — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 25–27.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 06.09.2017 г.

Сведения об авторе: Дивнина Наталья Валентиновна, главный библиотекарь отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).

Контактные данные: e-mail: glashenka44@mail.ru; тел.: 8-909-837-69-05, (4152) 25-19-69.

ГРАФСКАЯ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

ИМЯ СТЕПАНА КРАШЕНИННИКОВА В ФОНДАХ КАМЧАТСКОГО КРАЕВОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ

В статье отражена взаимосвязь имени исследователя Камчатки Степана Петровича Крашенинникова (1711–1755) с фондами одного из крупнейших региональных учреждений культуры — Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский), и проанализирован пласт источников по данной проблематике, относящихся ко второй половине XX века.

Ключевые слова: С. П. Крашенинников, Камчатский краевой объединённый музей, Камчатка, «Описание земли Камчатки», краеведение.

Keywords: S. P. Krasheninnikov, Kamchatka Regional Joint Museum, Kamchatka, “Description of the Kamchatka land”, local history.

Камчатский краевой объединённый музей (ККОМ, до 2003 года — Камчатский областной краеведческий музей), созданный в 1911 году, сегодня по праву можно назвать ведущим музеем Камчатки. В настоящее время он выступает как цитадель знаний о нашей территории, ведь цель учреждения — собрать, сохранить и показать историческое прошлое, природные особенности Камчатского полуострова, культуру народов, издавна живущих здесь.

Музей, перешагнувший вековой рубеж, имеет богатую историю, в его фондах сохранилось множество архивных документов, редких и уникальных книг, фотографий, предметов изобразительного искусства, этнографии. И имя Степана Петровича Крашенинникова — великого учёного, создавшего безгранично ценный труд «Описание земли Камчатки», ставший итогом всей его научной работы, навсегда вписано в историю не только края, но и музея.

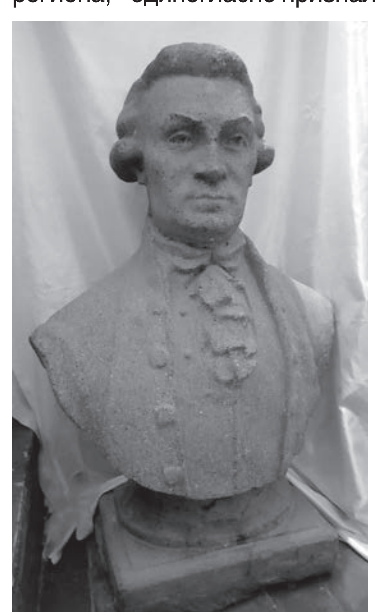
Для того чтобы понять, какое непреходящее значение имеет для Камчатского краевого объединённого музея имя великого исследователя XVIII века, проследим собирательскую деятельность учреждения второй половины XX века и познакомимся с источниковедческой базой.

Находясь в постоянной экспозиции ККОМ, невольно ловишь себя на мысли, что все художественные образы, особенно рассказывающие о культуре коренных народов Камчатки, очень знакомы. Ничего удивительного в этом нет. Слушая старожил, узнаёшь, что в 1980-е годы, когда музей вернулся в своё здание, выстроенное предположительно в 1910–1912 годы и предназначавшееся для канцелярии губернатора Камчатской области, возникла необходимость создания новой экспозиции. Коллектив музейщиков взялся за это непростое, но очень интересное дело. Для художественного оформления экспозиционных залов пригласили художника из г. Курска Владимира Ивановича Зорина. Поистине замечательный мастер, он, знакомясь с главным трудом С. П. Крашенинникова, сумел передать всю природную красоту нашей территории, представил сценки из жизни и быта ительменов и коряков. Таким образом, В. И. Зорину удалось перевести «Описание земли Камчатки» в художественные образы.

О том, что сами музейщики безмерно любили С. П. Крашенинникова и неоднократно обращались к нему в своей работе, говорит не только экспозиция музея. В фондах хранятся тетради с конспектами, подготовленными директором музея Клавдией Васильевной Мечтановой. Записи датированы 1958 годом и были предназначены для жителей Корякского национального округа. Вот одна из цитат для жителей селения Палана (центр Корякского национального округа): «Крашенинников о Палане. Верстах в 5 ниже озера есть на ней великий порог, называемый Пилялян, по которому казаки и всю реку Палланом, вместо Пиляляна прозвали…» [5].

В 1989 году для фондов музея было закуплено два тома книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Это было второе издание, выпущенное в 1786 году в Санкт-Петербурге. Несмотря на плохую его сохранность (отсутствие переплёта, многочисленные надорванности страниц, угасание печати), это стало уникальным событием для нашего музея. О большой значимости этого приобретения для ККОМ говорит и стоимость: за два тома была отдана немалая сумма — одна тысяча двести рублей. В фондах музея также хранится издание С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов, выпущенное в 1949 году издательством Главсевморпути.

Изучая документы архивного фонда, посвящённого истории Камчатского краевого объединённого музея (архивный фонд № 1), находим протокол № 1 заседания музейного совета при Камчатском областном краеведческом музее от 1 августа 1959 года, где был поднят вопрос о сооружении на территории учреждения двух бюстов: «первому исследователю земли Камчатской — Степану Петровичу Крашенинникову, и русскому мореплавателю — исследователю Алексею Ильичу Чирикову». Музейный совет, в состав которого входили учёные и краеведы, такие как геолог И. Н. Карбивничий, ихтиолог А. Г. Остроумов, участник Великой Отечественной войны П. Ф. Грибков, краевед И. Ф. Махоркин, музейщик К. В. Мечтанова и другие, внёсшие большой вклад в развитие экономики, культуры нашего региона, «единогласно признал постройку 2-х бюстов вполне необходимым мероприятием — ценным, как для современников, так и для будущих поколений» [3]. Было рекомендовано оформление их как бюстов в полтора раза больше натурального размера, а также решено изготовление бюстов поручить скульптору Ощепкову.

Бюст С. П. Крашенинникова. Скульптор Ощепков П. Г. (?).

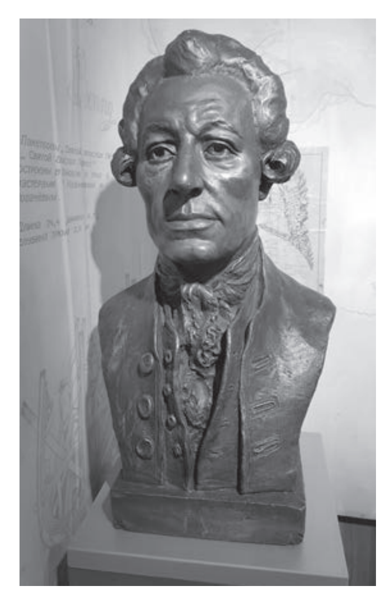
В конце года члены музейного совета вновь собрались для обсуждения моделей бюстов С. П. Крашенинникова и А. И. Чирикова. Директором музея К. В. Мечтановой по бюсту С. П. Крашенинникова

Дом по улице Набережной, где размещался Камчатский областной краеведческий музей. Здесь видны два бюста — С. П. Крашенинникову и А. И. Чирикову. Петропавловск-Камчатский, 1965 год.

были высказаны некоторые замечания, которые касались нижней части его лица. Было принято решение провести дополнительную отделку и исправления, приблизить модель бюста Крашенинникова к изображению, представленному в книге «Описание земли Камчатки», после чего «допустить к дальнейшему оформлению и отливке» [4]. И уже в перспективном плане работы Камчатского областного краеведческого музея на 1959–1965 годы в разделе «Экспозиционная работа» пунктом 2 запланировано: «Дополнить экспозицию исторического отдела экспонатами, приобретенными в результате археологических изысканий, и экспонатами научно-вспомогательного значения: скульптурными портретами великих русских исследователей Чирикова и Крашенинникова…» Таким образом, к 1964 году планировалось создание и размещение бюстов в постоянной экспозиции, но, как показывает ещё один источник — фотодокумент, в экспозиции бюсты не разместили. На фотографии 1965 года мы видим два бюста, скромно установленных около музея по улице Набережной. К сожалению, информации об установлении здесь бюста С. П. Крашенинникова найти не удалось. Единственным источником об этом событии мог бы послужить печатный орган — газета «Камчатская правда». Просмотрев её подшивки за период с 1960-го по 1965 год, такой информации не обнаруживаем. Созданные Ощепковым скульптуры в 1970 году поступают в фонды музея на постоянное хранение, где и находятся в настоящее время.

Ещё одним исторически сложившимся упущением является и то, что, к сожалению, во всех музейных документах, архивных и учётных, обозначена только фамилия скульптора Ощепкова. Нет ни имени, ни отчества. Можно предположить, что это был камчатский скульптор Пётр Григорьевич Ощепков. Талантливый человек, работник домостроительного комбината, ветеран Великой Отечественной войны, он стал автором памятника Г. М. Елизову, открытому в канун 50-летия Октябрьской революции в пос. Паратунке Елизовского района, идейным вдохновителем монумента скорбящей матери (его открытие состоялось 8 мая 1975 года в честь 30-летия По-

Скульптурный портрет С. П. Крашенинникова — пластическая реконструкция Г. Лебединской.

беды возле Дворца культуры и спорта, г. Петропавловск-Камчатский).

Но в музее это не единственная скульптура, посвящённая великому исследователю.

В 1981 году в фонды учреждения на постоянное хранение поступает предмет, который сразу становится объектом внимания не только научных сотрудников, но и посетителей музея, а впоследствии и неотъемлемой частью новой экспозиции. Это ещё одно скульптурное изображение Степана Петровича Крашенинникова, великого русского учёного, основателя изучения нашей территории, внёсшего огромный вклад в развитие отечественной науки. Бюст был передан сотрудником Мильковского филиала Камчатского областного краеведческого музея Михаилом Иосифовичем Угриным. Как бюст попал к нему, неизвестно: учётные документы музея за предшествующие годы скудны, а дарителя уже нет в живых. Можно лишь предположить, что данное скульптурное изображение, являющееся исторической реконструкцией, созданной на основе останков, найденных в раскопе погребения С. П. Крашенинникова при Благовещенской церкви на Васильевском острове в г. Ленинграде в 1963 году антропологом Галиной Вячеславовной Лебединской, является одной из копий оригинала.

Таким образом, проанализировав лишь небольшой пласт источников ККОМ, мы видим, что имя С. П. Крашенинникова прочно вписано в летопись не только региона, но и музея. Сегодня музейщики, как и десятилетия назад, обращаются к ставшему классикой исследованию Степана Петровича «Описание земли Камчатки», черпая оттуда кладезь наблюдений и фактов. Наша задача — сохранить и приумножить эти знания для будущих поколений.

Список использованных источников

1. *Величко, К. Н. Памятники Камчатской области / К. Н. Величко ; [фото И. Вайнштейна, О. Груздева, В. Иванченко, И. Евстратенко ; худож. П. К. Деревянко]. — Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1979. — 44 с. : ил.*
2. *Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : с прил. рапортов, донесений и других неопубликов. материалов / С. П. Крашенинников. — Москва ; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1949. — 842 с.*
3. *Протокол заседания Музейного Совета от 1 августа 1959 г. // Архив Камчат. обл. краевед. музея (КОКМ). — ОФ 34016/34.*
4. *Протокол заседания Музейного Совета от 1 декабря 1959 года // Архив КОКМ. — ОФ 34016/38.*
5. *Тетрадь Мечтановой К. В. 1958 г. // Архив КОКМ. — ОФ 31561.*
6. *Город Петропавловск 1965 г. : фотодокумент // Архив КОКМ. — НВФ 2629.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 18.10.2017 г.

Сведения об авторе: Графская Светлана Владимировна, главный хранитель Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский).
Контактные данные: e-mail: grafskaya@kamchatka-museum.ru; тел.: 8 (4152) 42-54-12, 8-909-834-42-45.

НОВОМОДНЫЙ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА В ПЕРИОД ЕГО РАБОТЫ ДИРЕКТОРОМ ГРОДЕКОВСКОГО (ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО) МУЗЕЯ (1910–1919, 1924–1926 гг.)

В статье приводятся полученные в основном в результате исследований автора краткие сведения о людях, работавших в Гродековском (Хабаровском краевом) музее в те периоды, когда директором являлся талантливый путешественник и исследователь, писатель Дальнего Востока России Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). Анализируется доступность путей формирования коллекционного фонда в то время и генетические причины специализации руководителя (и музея одновременно) в этнографии и археологии. Освещается жизненный путь и вклад в музейное дело его соратников и сподвижников: ботаника Нумы Августовича Десулави (1860–1933), зоолога Андрея Ивановича Кардакова (1891–1938), ботаников-музееведов Семёна Яковлевича Сизых (1890–1940) и Евгении Алексеевны Кардаковой-Преженцовой (1900–1970), препаратора-таксидермиста Георгия Евграфовича Сольского (1876–1951).

Ключевые слова: Дальний Восток России, Гродековский музей, Хабаровский краевой музей, В. К. Арсеньев, Н. А. Десулави, С. Я. Сизых, А. И. Кардаков, Е. А. Кардакова-Преженцова, Г. Е. Сольский.

Keywords: The Far East of Russia, Grodekovsky Museum, Khabarovsk Territory Museum, V. K. Arsenyev, N. A. Desulavi, S. Ya. Sizykh, A. I. Kardakov, E. A. Kardakova-Prezhentsova, G. E. Solsky.

Замечательный дальневосточный путешественник-исследователь, самобытный учёный и писатель, Владимир Клавдиевич Арсеньев в течение почти одиннадцати лет жизни в Хабаровске занимал должность директора музея, личным участием решал производственные задачи этого учреждения, пополнял и систематизировал фондовые коллекции. Без сомнения, ему многое удалось на этом поприще, особенно что касается этнографии и археологии, но известно, что в других областях естествознания он всегда предпочитал опираться на знания людей более сведущих, узких специалистов. В этой статье мы вкратце обобщаем собранные нами данные о людях, которые рука об руку трудились с Владимиром Арсеньевым на благо музея.

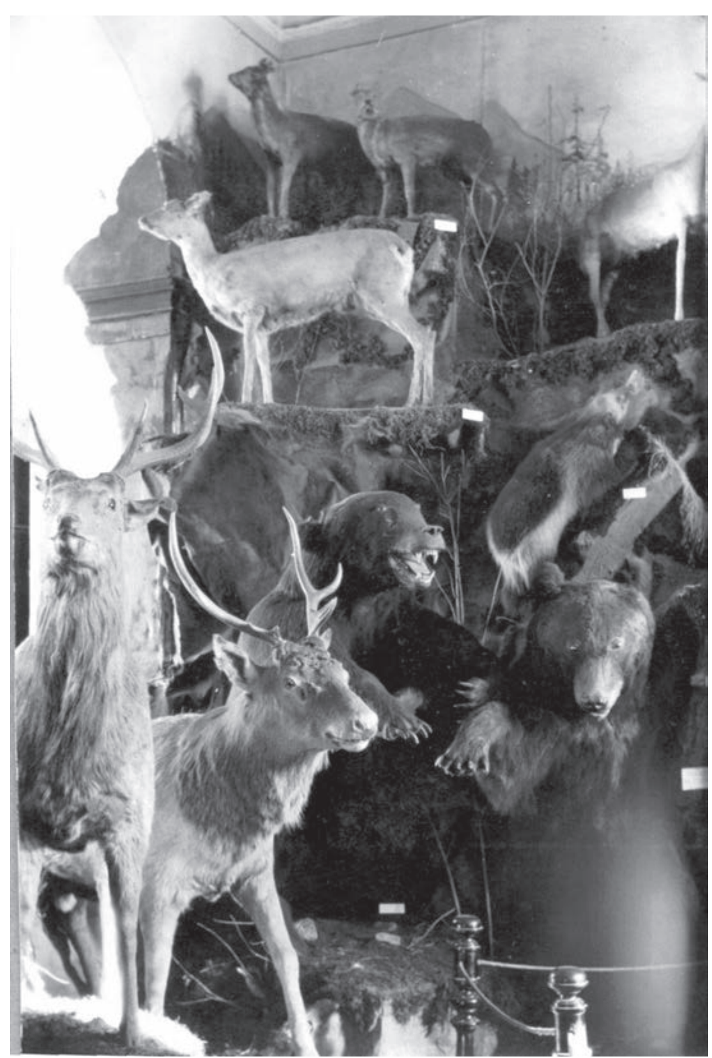

В. К. Арсеньев в костюме охотника-ороча (1910 год).

Региональный по статусу, общественный по форме организации Гродековский музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО) изначально создавался по типу комплексного естественно-исторического (современным языком «естественно-научного»). В те времена губернский музей рассматривался как научно-исследовательский центр, направляющий деятельность входящих в Общество натуралистов. Выдающийся отечественный орнитолог М. А. Мензбир считал, что «в него должны стекаться коллекции, в нём должны определять эти коллекции, давать указания относительно того, на что следует обратить особенное внимание при изучении тех или других естественных произведений страны, устраивать объяснительные чтения и публичные лекции, учить, как собирать коллекции, сушить растения для гербария и пр. и пр.» [6]. А результаты этих научных занятий обязательно должны быть опубликованы, изданы.

Обобщая свой опыт, директор Зоологического музея академик А. А. Штраух писал, что «средства, при помощи которых производилось и поныне производится пополнение и обогащение коллекций, следующие: во 1) покупка, во 2) обмен; в 3) экспедиции и путешествия, снаряженные Академией [наук] или поддерживаемые ею, и наконец в 4) пожертвования» [13]. При создании музея практически только последний вариант первоначального обзаведения был доступен членам ПО ИРГО, потому что на другие были бы нужны большие финансовые средства и время. Но в Хабаровске чудесным образом нужные материалы нашлись, и воодушевлённые идеей люди всех сословий в короткий срок принесли и отдали много разрозненных предметов и даже целые домашние коллекции, а первые лица губернии показали в этом деле личный пример. Правда, довольно скоро ручеёк почти иссяк: на благотворительности долго не продержишься, нужны были целенаправленно работающие оплачиваемые сотрудники или же бессеребренники-энтузиасты, ведь наряду с памятниками материальной культуры в подобных музеях всегда представлены также «изделия» самой природы. И если первые чаще всего поступают в более или менее кондиционном для хранения и экспонирования виде, то вторые, как правило, для этого сначала нужно подготовить: препарировать, научно обработать (определить название, законсервировать и т. п.) и даже воссоздать прижизненный облик — как, например, в таксидермической скульптуре (чучеле). Всё это составляет очень дорогой и длительный процесс, который невозможен без штатной должности препаратора [8]. К сожалению, в хабаровском музее, в отличие от владивостокского, где временами их было трое (финансы позволяли), эта должность до революции 1917 года чаще всего была занята случайными людьми, самоучками. Поэтому исторически сложилось, что «во Владивостоке основной ведущей специальностью была зоология, а в Хабаровске — этнография, в соответствии с чем при этих музеях были собраны значительные коллекции по данным разделам» [1].

Экспозиции Хабаровского краевого музея. Иллюстрации к книге А. М. Бодиско «Из жизни Хабаровска» (1913 год).

Самым преданным сотрудником В. К. Арсеньева по музею в первый, дореволюционный период его директорства был ботаник-любитель Нума Августович Десулави (Numa-Augustin Dessoulavy) (1860, Нёвшатель, Швейцария – 1933, Мукден, Маньчжурия). По профессии преподаватель французского языка, в 1901 году он переехал в Хабаровск из Орла для усиления педагогического коллектива кадетского корпуса. За свой счёт совершая путешествия, в орловский период жизни Нума Августович десять лет посвятил изучению альпийской флоры Главного Кавказского хребта, нашёл несколько новых для науки видов, которые были обработаны выдающимися российскими ботаниками Д. И. Литвиновым, В. Л. Комаровым, И. П. Бородиным, Н. И. Кузнецовым, Г. Г. фон Эттингеном. Было собрано более 6 000 гербарных листов. В 1925 году он писал: «На Дальнем Востоке мною было собрано 3 350 номеров [видов и разновидностей растений], в количестве более 20 000 гербарных листов. И здесь, как и на Кавказе, я работал самостоятельно и без посторонней поддержки, исключая годы 1907, 1908 и 1911, когда был участником экспедиций В. К. Арсеньева» [Цит. по 10].

С 1902 года Н. А. Десулави становится действительным членом ПО ИРГО, а в следующем году, как писали «Приамурские ведомости», начинает «систематизировать ботанические коллекции, которые до сих пор обретались в кипах на чердаке» [Цит. по 10]. Гербарных листов было несколько тысяч, поэтому минуло два года, пока на заседании Совета ПО ИРГО 14 апреля 1906 года не прозвучало сообщение: «Представлены составленные членом отдела Н. А. Де-Суляви каталоги Гербария музея: один хронологический и один систематический. Постановили: благодарить Н. А. Де-Суляви за его ценный труд» [Цит. по 10].

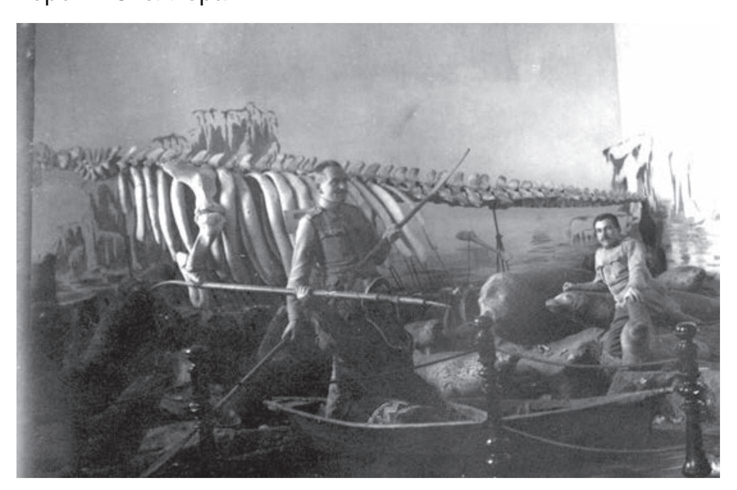
Оба каталога сохранились до наших дней в научном архиве музея. Один озаглавлен как «Систематический каталог гербария Маньч[ж]урской Флористической Области по [системе] Englera и Prantl`a» и представляет собой амбарную книгу большого формата. На её страницах каллиграфическим почерком представлен список видов

по-латыни, сгруппированных по семействам и родам, с указанием номеров экземпляров и папок, где находится данный образец. Судя по дополнениям к первоначальным записям, Н. А. Десулави продолжал работать с ним и все последующие годы пребывания в Хабаровске. Аналогично выглядит второй, «Хронологический каталог гербария Хабаровского Музея», где растения расписаны в алфавитном порядке. Самоотверженная и кропотливая работа по обработке гербария навела на мысль уезжавшего за пределы края, а потому снимавшего с себя полномочия директора музея, учёного-агронома Ф. Р. Дульского рекомендовать кандидатуру Десулави на эту должность, но тот отказался. Тем не менее он единственный специалист, который участвовал в трёх экспедициях В. К. Арсеньева. В общей сложности он безвозмездно передал в хабаровский музей более 2,5 тысячи гербарных листов собственноручных дальневосточных сборов (по современному учёту, но, возможно, до нас дошло не всё), а также уникальное издание Российской академии наук, — «Гербарий Русской Флоры» (тираж всего 50 экземпляров!). Старожил Хабаровска, чиновник и общественный деятель С. С. Бабиков, рассматривал Десулави в качестве одного из тех «китов», на которых держался до революции хабаровский музей. Он писал: «Не имея возможности отдаться всецело служению на пользу музея, В. К. Арсеньев наметил своим помощником препаратора — художника В. В. Домбровского... и музей, приобретя для себя таких работников, как Арсеньев, Домбровский и Десулави, сделал крупный шаг вперед» [2]. Так как о штатном работнике Домбровском сегодня нам почти ничего не известно, приведём характеристику на него, составленную перед мобилизацией на войну. «Удостоверение. Дано Валенту Викентьевичу Домбровскому в том, что с 1909 года по октябрь 1914 года он состоял консерватором Гродековского музея ПО ИРГО. Высокая честность, трудолюбие, энергия, правильное ведение отчетности и знакомство с бухгалтерией являются его отличительными чертами. За время его пребывания в музее последний принял, как и подобает научному заведению, благоустроенный вид. Директор В. Арсеньев» [3].

Н. А. Десулави (1912 год). Публикуется впервые.

Из-за безвыходного положения в годы Первой мировой войны директор даже использовал профессиональные знания и опыт бесплатных специалистов из числа военнопленных, которых в то время в Хабаровске было много. Ими оказались знаменитый впоследствии скульптор-миниатюрист Карл Туттер и геолог-палеонтолог Адальберт Либус. Сохранилась фотография, на которой они позируют на фоне редкого экспоната — скелета морской коровы Стеллера.

Работники Гродековского музея из числа военнопленных Первой мировой войны К. Туттер (слева) и А. Либус на фоне редкого экспоната — скелета морской коровы Стеллера (1916 год).

Как известно, во многом потому, что денег для закупки новых экспонатов взять было неоткуда, В. К. Арсеньев все годы своего директорства настойчиво просил приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти об организации новых экспедиций, всегда дававших обильные поступления. Тот прямо не отказывал, но почему-то средств не отпускал. А потом Октябрьская революция и Гражданская война сами собой отменили взаимные обязательства. Но всё-таки в 1917–1919 годах, когда Арсеньев хоть на короткий срок возвращался в Хабаровск из поездок на Нижний Амур по инородческим делам, из Олгон-Горинской и Камчатской экспедиций, он неизменно принимал на себя заботы директора Гродековского музея — ведь в этом звании при любой власти он имел высокий социальный статус!

Период возрождения научной и общественной роли национализированного при новом общественном строе Хабаровского краевого музея в 1924–1929 годах чаще всего соотносят с возвращением В. К. Арсеньева. Верно, однако, в этом случае его роль уже принципиально другая, руководящая. Идеи организации музейного дела на местах были им выстраданы, что нашло отражение в программном заявлении, помещённом в информационном проспекте, выпущенном в 1928 году. «Хабаровский государственный краевой музей является базой всестороннего научного исследования Дальнего Востока. Своими коллекциями музей пред-

С. Я. Сизых, студент Санкт-Петербургского университета (1910 год). Публикуется впервые.

ставляет край от Забайкалья до Чукотки и Командорских островов, где он имеет своих добровольных сотрудников и корреспондентов. Для научных учреждений центра и отдельных частей Союза ССР (Академии наук с её учреждениями, работников университетов: Ленинградского, Киевского и прочих, различных музеев и т. д.) хабаровский музей является одним из основных средств научной связи с Дальним Востоком» [12]. В соответствии с этим В. К. Арсеньев приложил немало сил и энергии для укомплектования штата грамотными научными сотрудниками и обеспечения их материально.

Интересно, что ещё до его назначения в музей пришёл замечательный специалист-музейщик Семён Яковлевич Сизых (1890, Иркутск – после 1940, Хабаровск). Он был сыном владельца типографии. Ботаник по специальности, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, он со времён ученичества в свободное время работал в музее Восточно-Сибирского отдела ИРГО в Иркутске под руководством консерватора музея А. М. Станиловского. В Хабаровском краевом музее с 1 сентября 1924 года. Был консерватором, потом учёным секретарём, заместителем директора по научной части. При длительных отлучках и частой смене директоров музея временно исполнял их обязанности (суммарно до 4-х лет). Был автором многих выставок, плана кардинального переустройства всей экспозиции. Но с началом чисток он за отчёт, «составленный политически неграмотно», в 1932

А. И. Кардаков и Е. А. Преженцова (1926 год).

Экспозиция Хабаровского краевого музея. Иллюстрация к книге А. М. Бодиско «Из жизни Хабаровска» (1913 год).

году был уволен. С 1 марта 1934-го по 4 марта 1938 года опять работал научным сотрудником, заведующим отделом природы (если не считать вынужденный месячный перерыв в 1937 году, когда снова увольняли за отказ от «марксистского освещения основных вопросов естествознания», но был оправдан и восстановлен в должности). Как офицер, служивший в армии Колчака, впоследствии подвергался арестам. Будучи в заключении, потерял здоровье, поэтому умер преждевременно. Сизых относился к разряду тех трудяг, которые нужны любому руководителю. Вне зависимости от характера и собственных представлений о работе он всегда был компетентен и работоспособен, какие бы задачи перед ним ни ставились [7].

Уезжая из Владивостока, В. К. Арсеньев пригласил в музей своего сослуживца из акционерного рыбопромышленного общества, треста «Дальрыба», Андрея Ивановича Кардакова (1891, Вятская губерния – 1938, Хабаровск). Тот происходил из семьи довольно известных и богатых вятских купцов-толоконников, носивших звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Учился в Пермском университете, на родине в молодости интересовался ботаникой, собрал большой гербарий, но со временем увлёкся зоологией, стал профессиональным фотографом. В науке А. И. Кардаков специализировался по систематике и фауне хищных жуков — жужелиц, сохранились даже его коллекции. Во Владивосток попал вместе с братом, с каппелевцами. С 15 ноября 1924-го по 15 марта 1928 года работал заведующим зоологическим отделом. Был первым заместителем Арсеньева в экспедиции Дальневосточного переселенческого управления по маршруту Советская Гавань — Хабаровск (1927 г.). С 6 марта 1935 года он научный сотрудник, а с 15 января 1936-го — заведующий отделом природы, позднее работал заведующим фотоотделом Дальневосточного

краевого художественного музея [9]. По постановлению «тройки» [разг. — Трибунал в СССР] Управления НКВД расстрелян 11 октября 1938 года в Хабаровске «за сбор разведданных для спецслужб иностранных государств». Реабилитирован 26 мая 1989 года по заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 года. (Книга памяти Хабаровского края).

Дворянка по происхождению, дочь высокопоставленного железнодорожника, Евгения Алексеевна Кардакова-Преженцова (1900, Льгов – 1970, Владивосток) тоже с волной беженцев по воле случая оказалась в Хабаровске. В городе их семья задержалась, чтобы вылечить нетранспортабельную мать, но это не удалось, а когда она умерла, здесь уже «всерьёз и надолго» установилась советская власть. Как специалист, отец нашёл хорошую работу на железной дороге. Девушка редкой красоты привлекла внимание А. И. Кардакова, возникла взаимная симпатия, и они поженились. Естественно, что вслед за мужем она нашла для себя занятие в музее и связанной с ним библиотеке, так как она знала европейские языки — училась в столичном Смольном институте благородных девиц. Евгения Алексеевна в 1925–1926 годах работала под руководством Н. А. Десулави в ботаническом отделе хабаровского музея в качестве внештатного сотрудника — практикантки, тогда же она написала брошюру «Ядовитые растения ДВК». С 1 мая 1927 года Е. А. Кардакова-Преженцова совмещала функции заведующего архивным отделом Дальневосточной книжной палаты (до 1 октября 1927 г.) и научного сотрудника естественно-исторических отделов музея, временно заведовала ботаническим отделом (с 1 апреля по 15 июля 1928 г.). Вместе с Н. А. Серк она совершила этнографическую экспедицию на реку Хор (1 июня – 31 июля 1927 г.), а с А. И. Кардаковым — на Командорские острова (сентябрь 1928 г. – август 1929 г.), где собрала немаленький гербарий, который доставила в музей. Впоследствии работала в Тихоокеанском НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) во Владивостоке, стала известным дальневосточным специалистом по морским водорослям, кандидатом биологических наук. Евгения Алексеевна создала и двадцать один год заведовала Музеем морской фауны и флоры ТИНРО, преемником которого являлся владивостокский Морской музей — океанариум. Кстати, в ТИНРО её привёл В. К. Арсеньев [4].

Сотрудники Хабаровского краевого музея (слева направо). Нижний ряд: Андрей Иванович Кардаков, заведующий зоологическим отделом (в очках, фотографировал он). Средний ряд: Семён Яковлевич Сизых, учёный секретарь; Владимир Клавдиевич Арсеньев, директор музея; Александр Николаевич Толпегин, заведующий библиотекой; Георгий Евграфович Сольский, таксидермист-препаратор. Верхний ряд: Николай Николаевич Лебединский, заведующий канцелярией; Нина Алексеевна Богданова (Серк, Толпегина), заведующий отделом этнографии (декабрь 1925 года).

Напомню, что более всего Гродековский музей страдал из-за отсутствия профессионального препаратора-таксидермиста. В. К. Арсеньев был неплохим стрелком, во время экспедиций охотился на зверей и птиц, умел изготовить из них достаточно просто оформленный объект для научной работы — тушку или шкурку. В небольшом числе его орнитологические сборы сохранились в музее [5]. Но чаще он поручал эту работу своим более сноровистым спутникам, ведь снимать шкуру с добычи умеют практически все охотники. Однако изготовить высококачественный экспонат, когда зрители восхищённо говорят: «Он как живой!» — настоящее искусство. Считается, что для этого таксидермист должен вполне овладеть навыками шести профессий, а мастером может стать не раньше, чем через пять лет работы. В Россию это ремесло привёз из Германии специально приглашённый Академией наук консерватор Георг Шрадер [13]. Для обучения к нему были приставлены ученики из числа русской незнатной молодёжи и создана специальная лаборатория в Зоологическом музее. Некоторые выдающиеся ученики сами стали учителями — так возникла знаменитая петер-

Г. Е. Сольский и А. И. Кардаков на охоте (1925 год). Публикуется впервые.

бургская школа препараторского искусства.

Вот как раз там в 1880-х годах обучался таксидермии Георгий Евграфович Сольский (1876, Кронштадт – 1951, Сердобск, Пензенская область), которого В. К. Арсеньев нашёл в Иркутске и пригласил в Хабаровский краевой музей. Оценивая прошлое, можно сказать, что это была его самая большая кадровая удача. Сольский работал со многими выдающимися биологами страны, ассистировал им. Так, в 1898 году он перешёл на работу препаратором в Петербургский университет, где одновременно слушал лекции по зоологии, практиковался на занятиях по зоотомии, обучался лепке, скульптурным работам и рисованию. Впоследствии он работал по специальности в вузах Саратова, Киева, Томска, Иркутска, вёл научные наблюдения, имел статьи по орнитологии. В хабаровском музее работал препаратором, учёным препаратором, препаратором-инструктором чучельной мастерской с 17 апреля 1925-го по 20 февраля 1938 года. За этот срок им было изготовлено и отреставрировано множество экспонатов, которые сохранились до наших дней, подготовлено трое учеников. Во времена репрессий Г. Е. Сольский уехал в г. Сердобск, где продолжал работать в том же качестве в местном краеведческом музее [11].

Нужно признать, что в «арсеньевский» период жизни Гродековского музея в нём поработало немало заинтересованных специалистов, большинство из которых были естествоведами по образованию или по духу, считавшими собирание коллекций самым прямым путём изучения природы родного края, способом установления серьёзных научных контактов с профессионалами центральных научных учреждений России. Именно в такой роли представлял Гродековский музей В. К. Арсеньев.

Список использованных источников

1. Воробьёв, Д. П. Горнотаёжная станция Дальневосточного филиала Академии наук СССР и заповедник уссурийской флоры и фауны / Д. П. Воробьёв // Труды Горнотаёжной станции ДВ филиала АН СССР. — Хабаровск, 1936. — Т. 1. — С. 9–13.
2. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 63. Л. 113–114.
3. ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
4. Князева, М. Г. Деятельность Е. А. Кардаковой-Преженцовой в Хабаровском краевом музее / М. Г. Князева // Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке : шестые Гродековские чтения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., 20–21 апр. 2009 г., Хабаровск. — Хабаровск, 2009. — Т. 6. — С. 126–129.
5. Купцова, А. А. Орнитологические сборы В. К. Арсеньева в собрании Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / А. А. Купцова // Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке : шестые Гродековские чтения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., 20–21 апр. 2009 г., Хабаровск. — Хабаровск, 2009. — Т. 6. — С. 120–126.
6. Мензбир, М. А. Русские естественно-исторические общества и университеты / М. А. Мензбир // Русская мысль. — 1892. — Кн. VIII, отд. II. — С. 155–181.
7. Новомодный, Е. В. С. Я. Сизых — учёный секретарь Хабаровского музея / Е. В. Новомодный // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2002. — Вып. 4. — С. 98–101.
8. Новомодный, Е. В. Проблемы комплектования, учёта и сохранности естественноисторических коллекций музеев / Е. В. Новомодный // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России : четвёртые Гродековские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., 22–23 апр. 2004 г., Хабаровск. — Хабаровск, 2004. — Ч. 2. — С. 316–321.
9. Новомодный, Е. В. Исследователи Дальнего Востока зоологи братья Кардаковы / Е. В. Новомодный // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2004. — Вып. 9. — С. 159–171.
10. Новомодный, Е. В. Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августовича Десулави (1860–1933) : материалы к науч. биографии друга и сподвижника В. К. Арсеньева / Е. В. Новомодный. — Хабаровск : ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2008. — 91 с., 8 с. ил.
11. Новомодный, Е. В. Георгий Евграфович Сольский — препаратор-таксидермист Хабаровского краевого музея / Е. В. Новомодный, С. В. Гончарова, А. А. Пономарёва // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2010. — Вып. 24 : Природа Дальнего Востока. — С. 5–12.
12. Хабаровский музей : [реклам. проспект]. — Хабаровск : Изд-во «Кн. дело», 1928. — 31 с.
13. Штраух, А. А. Зоологический музей Императорской Академии наук : 50-летие его существования : обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея : читано 23 нояб. 1882 г. / сост. директор музея акад. А. Штраух. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1889. — [2], II, 372 с., 2 л. табл. — (Записки Императорской Академии наук. Приложение ; Т. 61, № 3).

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 13.10.2017 г.

Сведения об авторе: Новомодный Евгений Владимирович, научный сотрудник научно-исследовательского сектора природы Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: evgenov@mail.ru; тел. 8 (4212) 30-66-91.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВИЧ КАБУШКИН

ЧТОБЫ УСЛЫШАТЬ ЗВЁЗДЫ, НАДО ВЗОЙТИ НА ВЕРШИНУ…

Автор делится воспоминаниями о Владимире Ивановиче Клипеле (1917–2011), известном дальневосточном писателе-фронтовике, тем образом человека, который сложился у него за долгие годы совместной работы в Хабаровском книжном издательстве и из личных разговоров.

Ключевые слова: В. И. Клипель, Хабаровская писательская организация, Хабаровское книжное издательство, Дальний Восток, Вторая мировая война, писатели-фронтовики.

Keywords: V. I. Klipel, Khabarovsk Writers' Organization, Khabarovsk Publishing House, Far East, World War II, writers-front-line.

В. И. Клипель, 1975 год.

С Владимиром Ивановичем Клипелем мне посчастливилось познакомиться где-то в конце 1960-х годов. Тогда я жил в Комсомольске-на-Амуре и заочно учился в Литературном институте имени Горького в Москве. Вместе с писателем и первостроителем города юности Геннадием Николаевичем Хлебниковым мы руководили местным литературным объединением, которое посещал Владимир Коренев. Он жил в небольшом посёлке за амурсталевскими сопками, писал прозу и был очень молод, но его талант уже пробивал себе дорогу. До службы в армии Володя написал повесть «Шаман Коса» и послал её в краевое отделение Союза писателей. Рукопись попала в Хабаровское книжное издательство, а затем в руки Владимира Ивановича Клипеля. И он письмом пригласил Володю Коренева в Хабаровск для беседы…

Так случилось, что мы с Володей неожиданно оказались в Хабаровске вместе и он предложил мне пойти с ним в гости. Возможно, стеснялся встречи с редактором и писателем и взял меня для поддержки духа. И вот мы у Владимира Ивановича — в его трёхкомнатной квартире в доме по Амурскому бульвару, где на первом этаже располагаются до сих пор кассы Аэрофлота. Окно кабинета Клипеля находилось как раз над кассами. Короткий, деловой и, видимо, очень серьёзный разговор будущего писателя Владимира Коренева с Владимиром Ивановичем состоялся в этой небольшой комнатке, сплошь заставленной книгами, кореньями, поделками и рисунками. После беседы нас пригласили к столу. Красивая, улыбчивая и просто светящаяся счастьем, как мне показалось, молодая жена Владимира Ивановича подала ароматный чай с пирогом. Клипель — настоящий хозяин дома, совершенно лишённый всякой суетливости, знающий себе истинную цену. Сразу стало ясно, кто главный в семье. Его скромность и простота в общении не заслоняли привлекательности Марии Иосифовны. Супруги каким-то счастливым образом сочетались столь гармонично и естественно, что это даже не замечалось, принималось как данность жизни…

Присутствие хозяйки за столом, её почти незаметное, лёгкое участие в наших разговорах — всё это придавало встрече особое обаяние, некоторую воздушную трепетность. Она улавливала смысл и нить живого разговора и лишь иногда, как бы случайно, позволяла себе проронить несколько слов. Клипель называл её Марийкой.

Столько лет минуло с первого знакомства… За эти годы я несколько раз бывал в гостях у Владимира Ивановича, и каждая встреча оставляла в памяти что-то особенное…

Володя Коренев в соответствии с рекомендациями Клипеля доработал свою повесть «Шаман Коса», и вскоре его первая книга увидела свет. Для нас, комсомольчан, это было огромным событием. А что уж говорить о молодом авторе, который позднее был принят в Союз писателей... Владимир Иванович, как редактор и писатель, сумел разглядеть в нём талант, их дружба продолжалась долгие годы…

В это же самое время, вплоть до 1970-го, Владимир Иванович как редактор работал с Георгием Лоншаковым и Александром Демченко, членами нашего литобъединения. К его советам прислушивались и уже опытный литератор-первостроитель Геннадий Хлебников, и историк Ефим Дороднов, и многие молодые авторы Комсомольска-на-Амуре.

Я помню, когда Георгий Лоншаков написал свой роман «Один» о беглом белогвардейце. Скрываясь от советской власти, тот жил в глухой тайге с женой и ребёнком в небольшой, затерянной в дебрях зимовьюшке… Этот эпизод Георгий позаимствовал в одной из районных газет, из крошечной заметки, буквально в десять строчек. Она глубоко заинтересовала его как писателя… Лоншаков прекрасно знал Амур, любил бродить по тайге, ценил рыбаков, охотников и других истинных таёжников, и целый мир будущей книги ожил в его душе. В зимовьюшке с конца 1920-х и до начала Второй мировой войны скрывался с семьёй бывший белогвардейский офицер. Поручик Найдёнов — такую фамилию ему дал в романе Георгий и описал его отшельническую жизнь. Это было изображено реально, достоверно и точно… Найдено зимовье, остатки мужской и детской одежды, винтовочные патроны, стреляные гильзы, немецкая швейная машинка «Зингер», огарки свечей, обрывки старых газет и бумаг.

Роман был принят на общественном чтении городом юности довольно неоднозначно. Всех беспокоил центральный образ. Белогвардеец! Офицер царской армии! В литературе это тогда не поощрялось, вызывало большие сомнения. Вла-

димир Иванович прочитал роман и тут же отредактировал его, не дожидаясь общего одобрения и разрешения цензуры. Надо отметить, что цензура была не просто тотальная, а ещё и жесточайшая! Лоншаков в те годы учился на Высших литературных курсах в Москве, руководил которыми известный советский писатель, редактор журнала «Техника молодёжи». Единственный экземпляр рукописи Георгий повёз ему в Москву и отдал на рецензию, которую так и не получил, а сам оригинал таинственно исчез навсегда. Вскоре и автор скоропостижно умер. Несколько его рассказов были опубликованы в газете «Литературная Россия» и получили широкое одобрение у читателей и писателей. В дальнейшем в Хабаровском книжном издательстве вышла единственная книга Георгия Лоншакова «Горшок с просом»…

***

В 1970 году по приглашению директора Хабаровского книжного издательства я переехал из Комсомольска-на-Амуре в Хабаровск и стал работать редактором художественной литературы. С первого же дня мне выпала счастливая случайность: мой стол оказался рядом со столом Владимира Ивановича Клипеля. Мы встречались с ним каждый день, и мне приоткрылся блистательный и удивительный мир души, жизни и судьбы этого человека, чрезвычайно земного и в то же время — не от мира сего…

Владимир Иванович был талантлив во всём: редактор, художник, писатель, но главное — в нём был талант Человека...

Он редактировал быстро. Его работа была точна и безукоризненна. Клипель никогда ни с кем не советовался: ни с директором, ни с главным редактором, ни с заведующим редакцией художественной литературы…

В первые годы нашего знакомства Владимир Иванович, как мне кажется, на меня вообще не обращал внимания. Ну пришёл новый редактор и пришёл. Сидит, работает, как и все. Тогда нас в кабинете было четверо: писатели Михаил Белов, Владимир Клипель, я и заведующий редакцией художественной литературы энциклопедист Павел Богоявленский. Работы было много, и в общие разговоры мы вступали только тогда, когда в редакцию приходил кто-то из знакомых писателей: Иван Ботвинник, Василий Ефименко, младший Ефименко — Юрий, Вячеслав Сукачёв, который стал в дальнейшем редактором издательства, Александр Грачёв, Николай Наволочкин, Юлия Шестакова, Григорий Ходжер, поэт Андрей Пассар… В соседнем кабинете, в редакции сельскохозяйственной литературы, работал поэт Арсений Семёнов, весёлый, жизнерадостный человек. Он вносил в жизнь издательства особую атмосферу свободы и творчества, когда можно говорить о чём угодно и заниматься чем угодно: играть в шахматы, пить чай или кофе, а иногда даже поднять рюмку или две — за ту или иную новую книгу. В издательстве это почти не возбранялось. Но Владимир Иванович Клипель не принимал участия в чаепитиях, не пил кофе, а уж тем более водку, да ещё в рабочее время… Он не терпел праздности.

Никогда не вступал в полемические дискуссии по литературной проблематике, не пытался при этом навязывать своё мнение. Хотя у него на всё была своя твёрдая точка зрения, но, однажды высказав её, он уже не повторялся. И поколебать его было невозможно… Мнение же других всегда выслушивал терпеливо. Сиюминутных заключений и оценок романов, повестей и рассказов Владимир Иванович никогда не делал, только после основательного знакомства с рукописью. И если случалось, что Владимир Иванович выступал на совещаниях, то делал он это кратко, ёмко и внятно. Всем было ясно, что он настоящий профессионал, знаток своего дела…

Редакторский и писательский опыт Клипеля за годы работы в Хабаровском книжном издательстве позволил выпестовать многих молодых авторов. Владимир Иванович отредактировал множество книг о войне, природе, Дальнем Востоке. Его мнением дорожили и известные писатели: Николай Наволочкин, Юлия Шестакова, Григорий Ходжер, Николай Занин, Василий Ефименко, Иван Ботвинник, Владимир Русское, Александр Демченко, Александр Мишкин, Константин Овечкин… Владимир Иванович проявлял большой интерес к литературному творчеству в Амурской области. Крепкие отношения сложились у него с Борисом Машуком и Николаем Фотьевым.

Особую значимость для Владимира Ивановича Клипеля имела его тесная дружба с Николаем Задорновым. При редких посещениях Хабаровского издательства известный писатель находил время для встречи с ним. Вот и в последний раз, возвращаясь из длительной творческой поездки из Японии, Задорнов, конечно, зашёл в редакцию, встретился с Владимиром Ивановичем. Он относился к военным писателям с сердечным участием, в особенности к настоящим фронтовикам.

В те годы старшим редактором был Виктор Шевченко — краевед, большой знаток дальневосточной истории, культуры, литературы и устного народного творчества коренных народов. С редакторским опытом Виктора Шевченко считались многие краеведы и учёные не только Дальнего Востока, но и страны, в том числе академики. Десятки книг были подготовлены им для большой исторической серии. Клипель тоже очень интересовался историей и культурой Дальнего Востока — с древнейших времён и по настоящее

время. Мне приходилось наблюдать беседы Владимира Ивановича с Виктором Сергеевичем, двух талантливейших людей.

Каждой весной, когда благоухала природа, в издательство приезжал писатель, краевед и учёный Николай Васильевич Усенко. Он жил в Вяземском, преподавал в техникуме, занимался селекцией растений и изредка привозил в издательство пучки дикого лука и каких-либо диких ягод. Усенко обходил кабинеты, угощал всех лесными дарами. Вешней порой привозил букетик цветущих ландышей и снова шёл по кабинетам и дарил женщинам по нескольку цветущих ароматных стебельков. С каким огромным взаимным интересом Владимир Иванович и Николай Васильевич говорили о тайге, растениях, диких животных и просто о жизни… Я видел, как преображался и вдохновлялся при этом Владимир Иванович, как озарялась его тонкая душа, столь много чувствующая и переживающая за всё… Я видел, как бережно держал он тоненький стебелёк цветущего ландыша, боясь на него дохнуть… Незабываемое время!.. А однажды Николай Васильевич Усенко принёс Владимиру Ивановичу большой свёрток: «Это вам подарок от меня!» Клипель удивился, развернул его: «Кап! Какая прелесть! Спасибо!» Потом из этого капа он вырезал скульптуру «Трое у костра» и принёс её в редакцию, чтобы все увидели это чудо.

Владимир Иванович приветливо и уважительно относился к молодому автору Анатолию Буйлову, жителю одного из амурских сёл, охотнику, старателю и бывшему помощнику пастуха-оленевода…

Писатель и профессор медицины Константинов, писатели Иван Ботвинник, Николай Наволочкин, Сергей Тельканов, Степан Смоляков, когда бывали в издательстве, заходили поговорить с Владимиром Ивановичем. Эти откровенные и радостные встречи и разговоры, воспоминания — своего рода братство бывших воинов, в душах которых грохотала война. В этот круг входили также Андрей Пассар и Василий Ефименко, один из участников подписания акта о капитуляции империалистической Японии в 1945 году. Один раз в год, на День Победы, фронтовики надевали свои боевые награды — ордена и медали, и в издательстве был парад защитников Отечества.

Клипель воевал в Белоруссии, поэтому проявлял большой интерес к творчеству Виктора Кононова, чьи сёстры жили там. Любил и поддерживал Геннадия Голышева, который прекрасно знал дальневосточную природу. В то время повесть Голышева «Шатун» гремела на всю страну. Десятки миллионов жителей Советского Союза читали «Сельскую новь», где она печаталась, и с нетерпением ожидали каждый номер.

Добрые отношения у Владимира Ивановича сложились с Петром Проскуриным, творчество которого получило широкую известность в наших союзных республиках и во всём социалистическом лагере Европы. Он высоко ценил Всеволода Никаноровича Иванова, любил книги Александра Матвеевича Грачёва, особенно его «Лесные шорохи», своего рода классику дальневосточной природы. И всякий раз Клипель в них находил для себя что-то новое, некую особинку и привлекательность…

Писатель и учёный Востриков, писатель и ботаник Нечаев, заходя в издательство, первым делом навещали Клипеля. Их долгие и тихие беседы напоминали загадочные встречи шаманов или древних жрецов, обладающих великими тайнами Природы и Мира…

Надо отдать должное Владимиру Ивановичу: ко всем писателям, и к молодым, и к маститым, он относился профессионально и заинтересованно, никого особенно не выделял, не подхваливал, как это нередко делается. У него были на всё свои мерки, суровые и объективные. Он никогда не был одинок и не чувствовал себя одиноким. Это было видно по всему: по его работе в издательстве, постоянной занятости, жажде и работе ума…

Из всего этого и складывался для меня жизненный и писательский образ Владимира Ивановича. Созидание, радость жизни, понимание её ценности и неповторимости — вот главные ключи, которыми в полной мере он владел… И сегодня, раздумывая над судьбой этого человека, мне хочется добавить лишь несколько слов: крестьянская жизнь, небывалая по жестокости война, судьба Амура и Дальнего Востока, величайший дух русского патриотизма — всё это впитала могучая натура Клипеля… Упорнейший труд — это был его главный бог. Жизнь многому научила, закалила и дала большой опыт человеку и писателю. Владимир Иванович обладал необычайной крепостью духа и мужеством. Теперь это вполне можно назвать могуществом духа! Он сам создал свою судьбу, выстроил храм своей жизни, в котором был хозяином и работником. И в этом — смысл его бытия: одна жизнь, одна любовь, одна война… Это помогло ему подняться на вершину жизни и духа, откуда открываются миры и пути в бессмертие…

***

Владимир Иванович Клипель, как мне кажется, обратил на меня внимание только где-то после 1974 года. Тогда я совершил короткое, рискованное, но увлекательное путешествие из района Полины Осипенко вверх до истоков реки Нилан, что у подножья господствующей вершины хребта Дуссе-Алинь. Километрах в восьми от реки, в районе не-

большого горного плато, я вышел к истоку Левой Буреи, а от неё — к посёлку Шахтинскому. В общей сложности маршрут составил около 250 километров, считая путь по тропам и сплав по реке. Поход занял 19 дней. Но в пути мы хлебнули всякого… Даже, как говорят, «горячего до слёз…». Владимир Иванович о моём путешествии не знал. Я ему ничего не рассказывал. Но вскоре мой очерк о походе был опубликован в журнале «Дальний Восток». Потом он появился в сокращённом варианте в газете «Правда» и тут же был издан в книге путешествий по Хабаровскому краю.

Как-то мы с Владимиром Ивановичем остались в кабинете вдвоём. Я заметил, что он смотрит на меня внимательно и необычно. И вдруг спрашивает: «Коля, скажи откровенно, было страшно в тайге?» Видимо, он прочитал мой очерк. Вопрос вроде случайный, но доверительный и прямой. Я тоже привык говорить прямо и, не изменяя этому правилу, чистосердечно ответил: «Было очень страшно первые два дня. Я боялся дикого зверя… На третий день понял, что надо либо жить рядом со зверем, либо сдохнуть от страха… Или вернуться назад и больше никогда не совать нос в тайгу». Владимир Иванович удивлённо вскинул брови. Мне показалось, что он не ожидал такого ответа… Может быть, хотел меня как-то проверить… Но сказал, что да, действительно, со зверем проще. Бояться нужно человека. Душа его закрыта, и не знаешь, чего от него ожидать, тем более в тайге… Эти несколько слов запали мне в душу, они полностью соответствовали моим ощущениям… После этого разговора Владимир Иванович ко мне потеплел. Мы с ним стали часто резаться в шахматы…

***

В 1980 году я женился, потом родилась дочка. В то время в мире и в России все вдруг заговорили об экологии. Я тоже обеспокоился этим и неожиданно понял, что надо завести дачу. С женой и маленькой дочкой мы несколько раз съездили на Уссурийский остров — с целью выбора места. Мне хотелось заиметь собственный кусочек земли, чтобы выращивать для своей семьи чистые овощи.

В один из воскресных дней мы отправились пешком через весь остров в поисках участка для дачи. На это у нас ушёл почти целый день, но ничего подходящего не попалось. На обратном пути я вспомнил, что меня приглашал на дачу Владимир Иванович: «Коля, рядом со мной есть брошенный дачный участок. Занимай! Вот это и будет твоя дача…»

Мы нашли дачу Клипеля с маленьким домиком из толстых потемневших от времени досок. Очаг был на улице. Владимир Иванович провёл нас на соседний участок, где были только обгорелые деревянные ошметья да старая, зияющая дырами небольшая кухонька… «Годится!» — решили мы с женой. Около пятнадцати лет мы провели в тесном соседстве с семьёй Клипеля.

Владимир Иванович не очень-то верил, что из меня получится хоть какой-то дачник. Поначалу они с Марией Иосифовной нередко наблюдали, как я копаю землю, как делаю грядки.

— Откуда у тебя такой опыт? — однажды спросил Клипель. — Я думал, что ты не знаешь, с какой стороны лопату брать. А ты, оказывается, умеешь всё.

— Как же, Владимир Иванович, мне не знать землю, — ответил ему, — ведь я вырос в деревне!

Единственное, о чём я спросил Марию Иосифовну, как сажать помидоры. Она терпеливо мне это объяснила. С посаженных мною 70 кустов «хабаровского розового» получил невиданный урожай! У меня едва хватило сил перевезти его домой.

Рядом с нашими дачами, метрах в пяти, была небольшая проточка, периодически пересыхающая. По её берегам плотно росли камыш и аир, там построили свой домик ондатры. Днём их, как правило, не было видно. Вечерами мы с Владимиром Ивановичем наблюдали дикую жизнь ондатр — взрослых и детёнышей. В золотом сиянии луны было хорошо видно, как взрослая ондатра или её детёныш плывёт по поверхности воды, держа в зубках подрезанную ветку камыша или аира. Какая-либо значительная рыба не водилась. Но дети для забавы всё же рыбачили, смастерив удочки из ивы: ловили мелких карасиков или ротанов.

В один из воскресных дней мы приехали с семьёй на дачу и застали Владимира Ивановича удручённым и расстроенным. «Ты понимаешь, — взволнованно и с горечью сказал он, — какой-то негодяй поставил сетку, и в ней задохнулись маленькие ондатры! И даже сетку бросил, вон там она, в воде, частью на берегу». Я не пошёл смотреть, мне было жаль погибших детёнышей…

В те времена шли переговоры между Россией и США о сокращении вооружений. И раз приехав на дачу, услышал от Владимира Ивановича следующую историю.

— Вчера вон с той стороны, — он показал в сторону Амурского моста, — пролетели две огненные летающие тарелки.

— Какой величины? — спросил я.

— Да так, — ответил Владимир Иванович, — чуть больше автомобильного руля…

Мы пришли к выводу, что началось уничтожение баллистических ракет.

Но чуть позже произошло незабываемое событие. Както, возвращаясь после купания в проточке, Владимир Иванович остановился у своей калитки, увидел меня и говорит:

— Вон там, — он показал на южную оконечность Хабаровска, — около часа назад я видел ядерное облако.

— Не может быть, — возразил я, — откуда оно здесь?

— Точно! Это было ядерное облако, — настаивал на своём Владимир Иванович. — Оно было грибовидное, с характерным ядерным рисунком…

Я не стал его переубеждать. Но каково же было моё удивление, когда на следующий день по всему Хабаровску поползли слухи о том, что в посёлке Ильинка в шахте взорвалась ракета! Правда, в следующие дни СМИ наперебой опровергали эти домыслы. Тогда стали говорить о том, что взорвалась только боеголовка, а само ядерное устройство осталось цело… Наверное, это было военным секретом… Но я был очень удивлён наблюдательностью Владимира Ивановича. Ничто не ускользало от его внимания.

***

О войне мне лично Владимир Иванович рассказывал редко. Когда фашистов уже выбивали с территории СССР и они отчаянно сопротивлялись, в штабе разведки армии разработали одну операцию. В дальнейшем она вошла в учебные пособия для военных. Из штаба армии в тыл противника был заслан наш разведчик, который в форме гитлеровского офицера проработал там около месяца. Он блестяще знал немецкий, и всё же его вычислили — он вынужден был срочно пробиваться через линию фронта. Гитлеровцы буквально «наступали ему на пятки». И уже казалось, что его плен или гибель неминуемы. Была зима, и наш разведчик прошёл все фашистские кордоны. Оставалось метров сто до первых окопов наших разведчиков, где его уже ждали несколько суток… Разведчик был ранен, из последних сил отстреливаясь от преследователей, он рухнул без сознания за проволокой с пустыми консервными банками, которую соорудили немцы перед линией наших окопов. Как оказалось, он упал на заснеженный бруствер окопа, в котором сидели наши разведчики. Они подкопали под ним снег, и он скатился в окоп. Так удачно завершилась эта операция, в разработке которой прямое участие принимал Владимир Иванович Клипель. А спасённым разведчиком был Владимир Карпов, будущий Герой Советского Союза, автор романов «Вечный бой», «Маршальский жезл», «Полководец», «Взять живым» и других...

В годы работы в издательстве Владимир Иванович получал много писем от однополчан и нередко с горечью говорил: «Вот ещё один ушёл. Всё меньше нас остаётся…» Однажды он поведал мне одну грустную историю.

— Когда мы воевали в центре России, я хорошо помню, что там были колхозные поля. Мы там окопы рыли. И вот недавно мне снова довелось побывать на местах наших прошлых боев. И что ты думаешь! — с возмущением восклицал Владимир Иванович. — Сегодня там нет никаких полей! Заболоченные места. А кое-где лес поднялся до десяти-пятнадцати метров. Там неподалёку устроили водохранилище. Непутёвые головы! Заполнили его водой и на десятки километров вокруг подтопили все облагороженные ещё сто лет назад хлебородные земли… Неужели мы за это воевали, чтобы наша плодородная пашня была так варварски угроблена и превращена в болота?! Зато насколько бережно немцы относились к своей земле! Когда мы вступили в Европу и оказались на окраине Кенигсберга, там были хорошо спланированные поля. Но война есть война… Наши солдаты стали рыть окопы. При этом в земле часто попадались какие-то керамические черепки. Как оказалось, все эти поля ещё много лет назад были обустроены ирригационными керамическими системами, которые регулировали влажность, лишняя вода отводилась в каналы…

***

Я хорошо помню время возвращения Солженицына из США. Окололитературные круги в стране подняли такой ажиотаж вокруг этого раздутого, как мыльный пузырь, события, такой поросячий визг, что в ушах звенело… В журнале «Дальний Восток», которым руководил в то время Валентин Фёдоров, в Хабаровской писательской организации об этом говорили все кому не лень. Некоторые писатели даже взяли свои книжки и поехали на вокзал, чтобы встретить «вермонтского сидельца» и получить от него роспись… Не надо никому объяснять, что Владимир Иванович Клипель во всём этом не принимал никакого участия. Он понимал, что холёный, откормленный и благополучный бородатый «сиделец» устраивает прилюдное шоу… Это был цирк, это было просто кино!.. Фактически бывший лагерник ни Россию, ни русский народ не знал. И ему следовало бы сейчас наступить на собственную бороду, упереться носом в русскую землю и пропахать её от Дальнего Востока до Калининграда для того, чтобы хоть что-то о ней узнать, прочувствовать и испытать сердцем и собственной шкурой… Владимир Иванович остался совершенно равнодушен ко всему происходящему. Только однажды он бросил по этому поводу короткую реплику, всего одно слово — «чужак», ни к кому конкретно не обращаясь, как будто бы сам для себя. И в этом был весь Клипель…

С молодых лет судьба испытывала на прочность Владимира Ивановича. Сначала война с белофиннами, затем — с фашистскими оккупантами, а потом — с вояками милитаристской Японии… Он прошёл военный ад, смотрел

Владимир Иванович Клипель с женой Марией Иосифовной, 1946 год.

смерти в глаза… Знал цену жизни… В его душе пробудилась писательская жажда — надо было рассказать о пережитом. И он был счастлив, когда Маршал Советского Союза Малиновский дал положительное заключение на его первый роман «Медвежий вал». Владимир Иванович написал большую эпопею о войне, обыденно, без приукрашивания, стараясь обо всём рассказать так, как это было. Истина для него была дороже всего, и все его романы о войне — окопная правда. Его писательский труд, я уверен, потомками ещё будет оценён. Ведь по этим романам, которые порой напоминают военную хронику, можно не только изучать минувшую войну, но и постичь величие подвига народа!

На войне Клипель встретил свою любовь. Находясь уже в поверженном Кенигсберге, Мария Иосифовна и Владимир Иванович сыграли скромную свадебку... Им удалось сохранить свою любовь на всю жизнь…

Зимой, когда Амур покрывался крепким льдом, они с Марией Иосифовной совершали пешие путешествия на левый берег, по протоптанной среди торосов тропинке. Почти всегда эти походы завершались небольшим костерком на той стороне, поджариванием бутербродиков, наколотых на палочку… Там росла их любимая ива, к которой супруги ходили на свидание…

Владимир Иванович был похож на большого ребёнка. Он хорошо помнил, как в детстве они с мальчишками часто ложились на лёд и в его глубине разглядывали большие и маленькие пузырьки, в чём-то похожие на цветы… С тех пор ощущение чуда сохранилось в его душе. Позднее, уже будучи юношей, а потом и солдатом, повидавшим смерть, он, как в далёком детстве, любил на льду реки рассматривать рисунки природы. Чувство восторга и открывающейся красоты и новизны мира — всё это окрыляло душу, поднимало её до неведомых вершин… Кто же там рисует? Как и почему, и для кого? Кто он — художник? Каков его лик, какова его душа?.. Владимир Иванович долго не находил ответа… Он, без сомнения, думал о жизни и смерти, о вечности и ему хотелось заглянуть ещё дальше, туда, за пределы жизни, в те глубины и тайны, о которых человек пока не знает почти ничего… Потом он напишет новеллу «Ледяные цветы». Любопытство писателя поможет ему сделать маленькое открытие, позже это подтвердят и ботаники...

***

Владимир Иванович Клипель прожил долгую жизнь, не сгибаясь, как созидатель, как ратник, как солдат Отечества. Хабаровчане по достоинству оценили труд его жизни, когда избрали его почётным гражданином города. Владимир Иванович принял это звание спокойно и достойно. С таким же достоинством он мог бы принять звание почётного гражданина России… С полным правом он мог бы носить и то и другое.

Похоронен он на окраине Хабаровска — на самой вершине одной из окрестных сопок… Чудная панорама открывается отсюда. Видны город, Амур, даже железнодорожный мост, в строительстве которого принимал участие, будучи кузнецом, его отец… Далеко-далеко открывается лазурная заамурская даль. Она распахивается просторно, вольно и широко, как и золотая человеческая душа Владимира Ивановича, так много отдавшего отеческой земле, свободе духа народа и совершившего так много добрых деяний — во имя неугасающей жизни…

Фотографии предоставлены Хабаровским краевым музеем им. Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 26.10.2017 г.

Сведения об авторе: Кабушкин Николай Тихонович, писатель, поэт, журналист, член Союза писателей России (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел. 8-914-408-24-75.

ЕФИМЕНКО ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

НЕСДАВШИЙСЯ СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВА

В представленных воспоминаниях о Владимире Ивановиче Клипеле известный дальневосточный писатель предстаёт прежде всего как человек прямой, чьи жизнь и характер навсегда заложила война. Автор цитирует несколько наградных листов писателя-фронтовика.

Ключевые слова: В. И. Клипель, Великая Отечественная война, Маньчжурская операция, «Солдаты Отечества», писатели-фронтовики, Дальний Восток.

Keywords: V. I. Klipel, The Great Patriotic War, the Manchurian Strategic, “Soldiers of the Fatherland”, writers-front-line, Far East.

Последняя встреча с Владимиром Ивановичем Клипелем без труда извлекается из памяти. Нестираема. Быть может, из-за остро охватившего тогда предчувствия, что станет последней. Я уже знал, Владимир Иванович очень плохо видит, ещё хуже слышит. На моих, одного из «детей войны», глазах на фронтовиков не раз обрушивалась чёрная мощь фронтовых перегрузок. На кого раньше, на кого позже. Даже самым крепким, кому довелось прожить за восемьдесят, затем и за девяносто, не уйти от неё, тем более что они в большинстве своём не спешили лишний раз поберечься — укрыться в поликлиниках, госпиталях, больницах. Мой отец-фронтовик на новость о смерти очередного знакомого из своих ровесников отзывался просто: «Так, снаряды ложатся всё ближе…»

Эта встреча произошла в чугунном начале, ничего хорошего не обещающего и далее, двадцать первого века. На собрании писательской организации. Помнится, со слов близких, Клипель уже не выходил из дома. После смерти своей и самой удивительной из писательских жён Марии Иосифовны, фронтовой разведчицы, соратницы по боям Великой Отечественной, он терял здоровье не по дням, а по часам. И вдруг появился в зале. Завели и посадили недалеко от двери. Я пересел к нему. Протянул руку. И он сразу же почему-то узнал.

В. И. Клипель с женой Марией Иосифовной.
Хабаровск, 1985 год.

Думаю, наши лидеры, страдавшие от хронической неявки членов, привезли его просто для *кворума*. По-русски говоря, для числа. Заранее зная, что выступать он не может и не будет.

А Клипель как раз и стал выступать. Да ещё как! Не по какому-то регламенту или приглашению, а сам по себе — по внутреннему движению переполнявшего его чувства крайней горечи. «Зачем воевали?! — говорил он мне с выстраданной, острейшей болью. — Столько народа полегло — зачем?!» Это была не ораторски задуманная и заготовленная речь — нажитые и вырвавшиеся наконец мысли и переживания. И ему до крайности важно было ими поделиться.

Говорил он, как водится за глуховатыми людьми, очень громко. На весь зал. Не видя и не слыша, что в президиуме уже пытаются начать собрание. Перебивая ведущего, кого наверняка не различал. А, может, и вообще не собирался, хорошо понимая, что это последний выход к собратьям по перу. А вот им-то и не хватило чувства собратства — раздался окрик *уважаемого лица*: «Юрий Васильевич, ну отсядьте же от него!» Я только крепко сжал Владимиру Ивановичу руку. Он замолчал. Больше не произнёс ни слова. О чём он думал?..

Его жизнь на её перепутьях заложила и навсегда определила война. Самое строгое из испытаний в человеческой жизни во все давние и новые века. И не важно, каков ты и с чем попал на неё — важнее, каким был на ней и с чем вышел. А это зависит для начала от её характера. И от твоего тоже. Очень придирчивое сложение! За ошибки отправляет не в угол или на гауптвахту, а на тот свет. Лишь в самом щадящем случае — в госпиталь.

Опаляющую главу в биографии Владимира Ивановича Клипеля сложили одна за другой три войны — финская, Великая Отечественная и с Японией. Воевал с 1940 года по 1945-й. Пять лет — сродни вузовской учёбе! Срок наивысшего фронтового образования. Для такого пытливого человека, как он, внутренне собранного, всегда глубоко сосредоточенного на распознании действительности, какая ни перепадала, двойной академический курс! Войну недаром засчитывают как минимум год за два. А в иные дни — можно и за три, за пять и за десять лет.

Из этого, уверен, следует наверняка исходить, оценивая его взгляды, его мировосприятие, как и творчество. Писатель-фронтовик — это звание! Ещё какое! А не сугубо биографическая черта.

Подлинные, по закалке не одним днём с единственным боем — годами из будто непрерывного грохота и мелькания смертей, всем лихолетьем войны, фронтовики о ней не любили рассказывать, лишний раз вспоминать её. По разным причинам. Да уже и потому, что её дела и события прожили вовсе не празднично. Многое хочется и дозволено забыть. Это я слышал не от одного из них. А вот писателю-фронтовику запамятовать никак не дано — не положено! Ни дня.

Клипель это хорошо знал и хранил как заповедь. И не только носил в себе — поведал другим столько окопных страниц, что хватило бы на полную солдатскую энциклопедию Великой Отечественной.

Его личность особенна. По армейской судьбе, на службе с 1939 года, где прошёл путь от рядового бойца до гвардии

майора. Довелось прознать войну во всех ипостасях — от окопов и траншей до штабных блиндажей. С первых же её дней с тяжёлыми боями, с нелёгким отступлением и выходом из окружения до победных дорог и бездорожья Маньчжурии, с перевалом через Хинганские горы, как суворовские Альпы, до прославленного Порт-Артура. Тысячи простреленных километров за спиной! Сколько напряжения сил и способностей! Сколько особой фронтовой ответственности с пониманием всякий день, как зависят от тебя жизни и боевой дух других, с тем и успех не только малый — роты, батальона или полка, дивизии, армии, а и слава Отечества!

Наградные листы 1941-го и 1942-го годов зачастую не доходили до штабов, теряясь или погибая вместе с ними или с командирами, которые должны были подписать, направив дальше. Или вручить. Бывало, и писать было некогда, не на чем, да и некому. Всегда надо иметь в виду, не удивляясь этому, что какие-то из наград долго, десятилетиями, ждали своих героев. Война по-своему бюрократична, но и не образец делопроизводства. Погибшие письмоносцы, посыльные, раскиданные по земле письма и бумаги попадали Клипелю на глаза не раз.

Наградные листы небогаты подробностями. Всё сконцентрировано: что сделал и каков был представленный к награде. Тексты наградных листов В. И. Клипеля сохранены мной, какими были.

Наградной лист от 19 марта 1943 года. Клипель Владимир Иванович, гвардии капитан, первый помощник начальника штаба 738-го полка 134-й стрелковой дивизии, кандидат ВКП(б); в боевых действиях — в 1940-м в Финляндии, с 7.07.41 — Отечественной войны; ран и контузий не имеет:

«…Прошёл путь от бойца до ПНШ 1. Неоднократно участвовал в боях за город Белый и проявил себя решительным и боевым командиром. Обеспечивал организацию боя и лично под огнём руководил расстановкой боевых порядков. Умело организовывал работу штаба при овладении полком укреплённого опорного пункта противника «Заозёрье» в августе 1942 года, чем в значительной степени обеспечил успех операции.

Достоин представления к Правительственной награде ордена “Красная Звезда”». Полковая печать. Подпись: командир полка гвардии подполковник Бирстейн [2].

Вместо ордена Владимир Иванович получил медаль «За боевые заслуги». Такое случалось при первом награждении. Мнение вышестоящего начальства!

Подробная картина именно этих изнурительных боёв есть в его книге «Солдаты Отечества».

Наградной лист от 7 сентября 1943 года. То же звание, та же должность. Те же полк и дивизия. Но уже член ВКП(б). Фронтовой коммунист! И прибавлено — 84-й стрелковый корпус 39-й армии. Ранений и контузий по-прежнему нет. Счастливая доля! Сколько пуль и осколков мимо!

«…Неоднократно участвуя в боях с немецкими захватчиками, проявил мужество и отвагу офицера Красной Армии. С 13 августа 43 г. по 6 сентября 43 г. в период наступления в боях за дер. Тетерино Смоленской обл. и за высоту 259,1 под сильным арт.-мин. огнём противника, непосредственно находясь в боевых порядках подразделений, умело организовал оперативное руководство ими, что обеспечило успешное отражение 8 вражеских атак, прикрываемых самоходными пушками и танками, и захват данных рубежей с 5 пленными, уничтожив при этом силами подразделений полка до 380 немцев, чем способствовал успеху в выполнении общей задачи» [2].

И снова тот же командир полка Бирстейн, но теперь полковник, представляет Клипеля к ордену Красной Звезды. Получил!

Наградной лист от 11 апреля 1944 года. То же звание. А должность другая — «ст. пом. начотделения по использованию опыта войны оперотдела штарма 39». Военный аналитик штаба 39-й армии. Полевой учитель боёв! Военные аналитики Красной армии сыграли огромную роль в той войне, и о том ещё мало написано. Уже «имеет контузию». Значит, рядом разрыв снаряда или бомбы. Опять же, как бы повезло. Могло быть и хуже. Кстати, в следующем наградном листе будет и уточнено — контужен 17 июля 1943 года.

«Гвардии капитан Клипель с декабря 1943 г. служит в должности ст. пом. начальника по использованию опыта войны оперотдела штарма 39. С первых дней Отечественной войны в действующей армии… Имея большой опыт, широко использует его на порученном участке. С исключительным старанием и пытливостью выполняет даваемые поручения по выявлению, обобщению и доведению до войск имеющегося опыта боёв. Много работает над передачей боевого опыта курсантскому составу курсов младших лейтенантов. За подготовленный капитаном Клипелем сборник тактических примеров для курсов младших лейтенантов имеет благодарность командования армии. В последнее время высокой оценки заслуживает проделанная им в частях и соединениях работа по поднятию штабной культуры.

Достоин награждения орденом “Отечественная война II степени”» [2].

К слову, анализ боёв, командирская учёба и рост штабной культуры — вот ещё составляющие нашей победы в Великой Отечественной войне. Ничуть не «трупы, трупы», которыми заваливают ныне ушлые умники не только гитлеровцев — саму победу, услужливо передавая её на второй фронт подловатым «союзникам».

Наградной лист от 14 мая 1945 года. Заканчивается

Великая Отечественная. Та же должность, но звание майора. Ранений и контузий не прибавилось. А шансов их заполучить хватало. Сродни заговорённому!

«В завершающих боях на Земландском полуострове, стремясь запечатлеть боевой опыт войск для будущего строительства вооружённых сил, тов. Клипель непосредственно в боевых порядках наступающей пехоты произвёл свыше 40 фотоснимков, изображающих различные моменты боёв.

Перу тов. Клипель принадлежит большинство листовок — памяток по наступательному бою, доводимых до красноармейца, сержанта и офицера; им же разрабатывались различного рода указания войскам, материалы к разборам боевых действий, весьма ценные статьи для центральных журналов.

Неутомимая деятельность тов. Клипель в области изучения и использования опыта войны делает его достойным награждения орденом Отечественной войны 1 степени» [2].

Гвардии майор Владимир Клипель. Порт-Артур, 1946 год.

И, наконец, завершающий фронтовой наградной лист за 5 сентября 1945 года. Должность и звание те же. Театр войны другой — Маньчжурия.

«С началом Маньчжурской операции войск Армии т. Клипель, находясь на НП Командарма, по его заданию беспрерывно вылетал на самолёте в войска и, приземляясь в районе действующих соединений, помогал командованию ориентироваться на местности, а также выводил на нужный маршрут части и соединения, уклонившиеся от заданного пути движения. По специальному заданию умело организовал погрузку частей 262сд на автомашины и переброску их вперёд.

С выходом войск Армии в Центральную Маньчжурию неоднократно вылетал в действующие войска для проверки выполнения указаний командования и для передачи командирам соединений боевых приказов.

С выходом на железную дорогу по приказанию Командарма досрочно и умело организовал ремонт и пуск в эксплуатацию первых захваченных паровозов для переброски войск по железной дороге, а затем успешно выполнял задания по организации ж. д. сообщения для быстрого продвижения войск.

За отличное выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом личную храбрость, мужество, энергию и инициативу достоин награждения его орденом “Красное Знамя”» [2].

Чего только ни довелось Владимиру Ивановичу делать на войне. Ещё и паровозы ремонтировать. Да как — досрочно! И движение наладить не только по пустыне, но и на железной дороге.

Вспоминая маньчжурский поход сорок лет спустя, член Военного совета (заместитель командующего) 39-й армии, Герой Советского Союза Василий Бойко отметил: «Оперативный отдел трудился в эти дни особенно много. Офицеры отдела подполковник Свиньин и гвардии майор Клипель разработали типовые схемы походных колонн полка, батальона, дистанции и порядок размещения на привалах» [1, с. 209].

Трудиться на войне «особенно много» Клипелю выпало с избытком. Такое не каждому выдержать!

Здесь же кроется и начало его писательской жизни.

Писателем не рождаются однажды и неким чудесным или случайным образом, как любят рисоваться популярные актёры. Писатели вырастают из собственной и широкой жизни. Дух писателя, как пепел Клааса в груди Тиля Уленшпигеля, стучится в сознании. И ты не знаешь ещё, что и как будет написано, но ясно представляешь — о чём и зачем.

Теперь, по прочтении наградных листов, мы знаем: писать Клипель начал ещё на войне и строго о ней же. Для Победы! Где-то в архивах по-прежнему лежат и «подготовленный капитаном Клипелем сборник», и «большинство листовок — памяток по наступательному бою, доводимых

до красноармейца, сержанта и офицера», и «весьма ценные статьи для центральных журналов». Пропитанный боями исток его признанного литературного наследия.

Подлинно фронтовой офицер, кто получал и повышал свои звания за хорошую учёбу лишь в «военно-полевом» университете — в боях, Владимир Иванович человеческое и профессиональное возмужание прошёл прежде всего в ежедневно смертельных испытаниях на Калининском фронте, где зимой 1941–1942 годов и решилось — отстоим или нет Москву и Родину. И потому, на мой взгляд, главным его произведением стал роман «Солдаты Отечества» как раз о тех, на пределе человеческих возможностей, боях. Одно из самых «окопных» произведений о Великой Отечественной войне в одном ряду с книгами «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Живые и мёртвые» К. Симонова, рассказов и повестей Е. Носова.

И не случайно, уверен, он ещё раз возвращался к тем событиям, что легли в основу «Солдат Отечества», в последней, в сущности, по содержанию фронтовой книге «Исповедь», досказав то, что раньше не было дано.

На рабочем столе у Клипеля всегда лежали тома «Опытов» Мишеля Монтеня, одного из самых удивительных мыслителей прошлого, чьи светлые, жизнелюбивые и пронизывающие века умные мысли служили ему в двадцатом столетии крепкой опорой. Как другим — Библия. Вослед Владимиру Ивановичу «Опыты» завелись и на моём, а Монтень стал тем другом, у кого в трудный час всегда найдёшь верную подсказку.

Владимир Иванович Клипель, не склонивший услужливо или покорно головы перед новыми, пропитанными денежным духом принципами и правилами, перед не принятым его окрылённой душой новым, стяжательским, укладом, перед новой, не оставившей никакого места для его уважения властью. Нравится кому-то или нет — факт именно таков.

Как преданный до последнего патрона и завершающего мига своего бытия Солдат того Отечества, которому он искренне присягал. Как часовой наивысшего из наших человеческих завоеваний — Совести.

Быть может, последний такой в нашей округе. Не хочется в это верить. Но и глаз не закрыть на правду…

Список использованных источников

1. Бойко, В. Через Большой Хинган / В. Бойко // Новый мир. — 1985. — № 11. — С. 205–224.

2. Клипель Владимир Иванович 1917 г. р. [Электронный ресурс] // ОБД «Подвиг народа 1941–1945». — Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#id=16074673&tab=navDetailManAward.

Фотографии предоставлены Хабаровским краевым музеем им. Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 31.10.2017 г.

Сведения об авторе: Ефименко Юрий Васильевич, член Союза писателей России (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел. (4212) 31-32-33; e-mail: uvefimenko@mail.ru.

СУМСКАЯ АЛЛА ГЕОРГИЕВНА

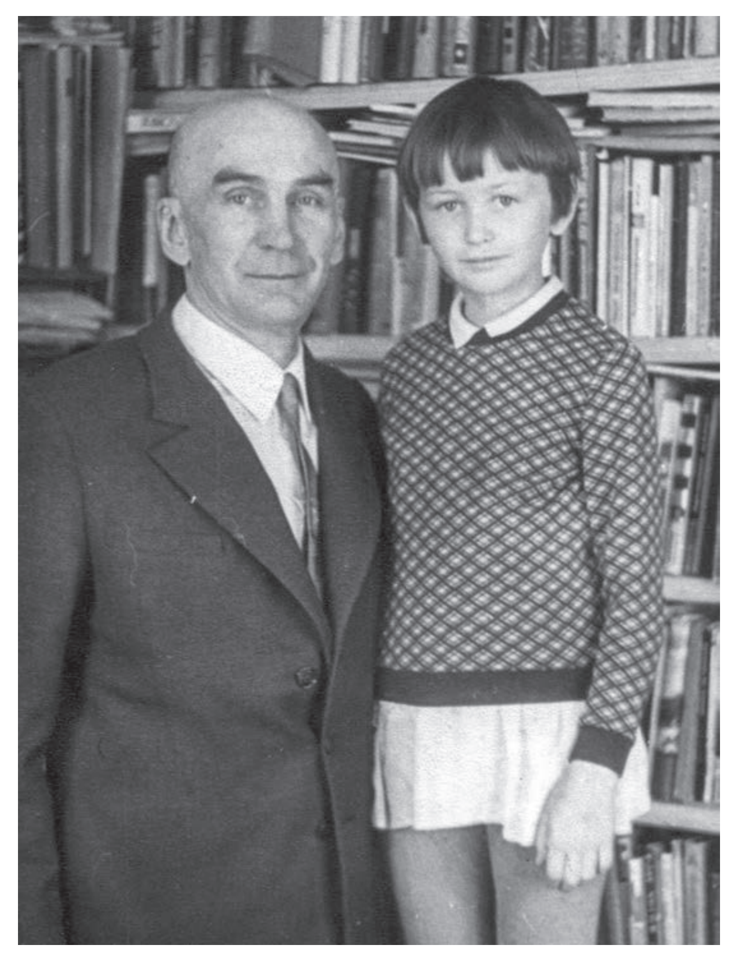
ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ

Настоящие воспоминания написаны единственной дочерью писателя и переводчика Георгия Георгиевича Пермякова (24.11.1917–9.12.2005) в связи со 100-летием со дня его рождения. Автор делится собственным видением отца, эпизодами из своего детства. В виде приложений впервые публикуются «Предисловие к рассказам Георгия Георгиевича Пермякова о Харбине и Тяньцзине», а также два его рассказа «Елена Прекрасная» и «Мила Лесник».

Ключевые слова: Георгий Пермяков, Хабаровск, Тяньцзин, Харбин, СССР.

Keywords: Georgy Permyakov, Khabarovsk, Tianjin, Harbin, the USSR.

Жизнь отца состояла из двух основных периодов — харбинского и советского (хабаровского). Личность Георгия Георгиевича Пермякова сформировалась именно в Харбине, в котором он проживал с 1927-го по 1945 год, выехав в СССР в возрасте 28 лет. Я была единственным и поздним ребёнком и поэтому свидетель только хабаровского периода жизни отца, а про Харбин знала лишь с его слов. Но хочется представить два разных взгляда на жизнь Георгия Пермякова. О своей «первой» жизни расскажет он сам (см. Приложение 2), а я поведаю о «второй» её половине, о том, каким я запомнила отца.

Георгий Пермяков с дочерью Аллой в своём кабинете (Хабаровск, 1971 год).

Мои воспоминания состоят из отдельных эпизодов и пока не складываются в общую картину, надеюсь, со временем из них получится яркая мозаика.

Эпизод 1. Быт семьи с 1961 года

Я родилась в 1963 году и выросла в двухкомнатной тесной «хрущёвке» почти на окраине тогдашнего Хабаровска, на Заводской. Это жильё отцу дал Г. Е. Подгаев,

Георгий Георгиевич Пермяков с супругой Анной Павловной (Хабаровск, примерно 1966–1967 годы).

председатель хабаровского горисполкома. Отец отказался от трёхкомнатной квартиры, хотя Григорий Ефимович предложил именно трёхкомнатную и сказал, что «потом жалеть будешь». Так оно и вышло. Отец выбрал квартиру себе сам — на пятом этаже и с торцевым окном на юг в маленькой комнате, заняв эту солнечную комнату под свой кабинет. Мы ютились втроём в одной комнате, я спала 20 лет на раскладушке, мама — учительница английского языка — всю жизнь жаловалась, что у неё нет своего рабочего стола. Но и это пространство постепенно заняли книги, потеснив нас. В кабинете же стен просто не было — всё, даже место под потолком и над окнами, было занято книгами и рукописями. Периодически мама вела борьбу за окна, потому что книги «поселялись» и на подоконниках.

Как-то у отца (это были 1970-е годы) был харбинец, который назвал нашу квартиру кроличьей норой и удивлялся, почему тот не сменит жильё на большее. Отец был консервативен и достаточно неприхотлив в жизни. Ему просто не хотелось переезжать, поэтому многолетние разговоры о переезде и расширении жилплощади оставались только разговорами. Так, до своей кончины отец и прожил на Заводской, более 40 лет…

В его кабинете, маленькой комнатке, едва помещался большой стол и кресло, всё остальное место занимали книги. Они жили не только на стеллажах, но и на отцовском столе, за столом и на окнах. Именно жили, потому что они были главными в нашем доме. Сначала они стояли в один ряд, потом в два, затем появился стеллаж в свободном простенке между столом и окном. Когда и этого стало мало, книги поселились на новой полке над окном, однажды даже огромный атлас мира, который наполовину висел, едва не убил меня, свалившись на спину. Постепенно книги переместились по периметру всей квартиры, заняв даже половину

и без того крохотного коридорчика. Там над головой уютно разместились письма, которые временами приходили к отцу пачками. На каждое письмо, требовавшее ответа, отец отвечал.

Наша жизнь всецело была подчинена его творчеству и ритму жизни. Он любил тишину, поэтому музыки дома почти не было, как и моих подруг, в гости к ним ходила я. Вставал отец рано — в 5–6 утра, делал гимнастику, сам себе готовил завтрак. Шёл на почту за газетами и журналами (у него был там свой ящик), потом весь день работал, с небольшим перерывом на обед и дневной сон.

Район Заводской был кварталом тогдашних новостроек. Теперь я понимаю, что люди были счастливы переселиться из ветхих частных домов и общежитий в квартиры со всеми удобствами. В каждой была печь для приготовления еды. Надо сказать, что наш дом строили, как тогда выражались, «фазаны» — в основном дети из неблагополучных семей или те, кто не хотел учиться дальше. Они оканчивали 7–8 классов средней школы, а потом их определяли в ПТУ, или, по-народному, «фазанку» (по-старому училища назывались ФЗО). Поэтому печи были сложены кое-как, дымили и коптили. Коптила и наша, её в первый же год благополучно разобрали, осталось лишь отверстие — дымоход. Для хранения дров и угля у каждой семьи был сарайчик. Большинство было вынуждено отказаться от печей, потому что носить на верхние этажи уголь и дрова тяжело и неудобно, печь дымит — словом, каждый переходил на альтернативные источники, как сейчас модно говорить. Кто-то пользовался керогазом, кто-то — примусом, у некоторых, имеющих блат, у первых появились газовые плиты с баллоном. Это была мечта всех хозяек того времени! У нас были две спиральные плитки из магазина, они без конца перегорали. Спираль надо было заменять, если убегало молоко или каша, а это случалось постоянно, всё это горело и чадило…

Семейная фотография: Георгий Пермяков с женой и дочерью (Хабаровск, 1973 год).

За домом были разбиты огородики, у каждого была одна грядка. Мама садила морковку, горох и зелень. Дальше тянулись сарайчики, которые имели общие стены с соседями, многие держали там свиней и всякий хлам. Насколько я помню, родители не были хозяйственными и им это было не нужно (сарая и кладовки в подвале у нас никогда не было). Между рядами сараев мы, детвора, дружно играли в прятки и другие игры. Самый лучший сарай был у соседа-плотника дяди Феди Шестакова, он стоял отдельно и имел две большие ступеньки — подобие крыльца. Мы любили там сидеть и, когда дядя Федя что-нибудь мастерил там, околачивались рядом, — это был намёк, чтобы нас угостили лещиной, которую сосед собирал в лесу мешками и запас которой всегда хранился в его сарае. Дядя Федя помогал нашей семье в случае необходимости отремонтировать мебель или полы.

За огородами шла прекрасная берёзовая роща, а за ней с горки вниз, уже около судостроительного завода, было два пруда, где водились ондатры и несметное количество лягушек. Вечерами они так орали, что порой было невозможно уснуть. Всё вокруг было живое — стрекотало, квакало и пело. Район был тогда окраиной, здесь было зелено, под окнами росли заботливо посаженные соседом с первого этажа дядей Борей Коняевым дикая яблоня, две черёмухи, слива, карагана, несколько кустов шиповника и чёрной смородины. Для своих кенарей дядя Боря (он всегда держал клетки с певчими птицами) сеял под окном специальную низенькую травку — сурепку.

Косить траву тогда как-то никому и в голову не приходило, и вокруг было царство полыни, лебеды, диких злаковых и крапивы. У других соседей под окнами росли цветы и сирень. Летом мы, дети, бегали босиком. Играли в игры с мячом: в лягушки, выжигалы, «роза, берёза, мак, василёк» и многие другие. В ливни пускали кораблики, которые плыли достаточно далеко вниз, к судостроительному заводу (это называлось «пускать вниз завода»), иногда сотни метров. Асфальта почти не было. Шла только узкая асфальтированная дорожка вокруг и вдоль дома для проезда машин. В межсезонье на этом пятачке асфальта мы играли в «пинушки» и «классики». Зимой заливалось два катка, где катались на коньках, играли в хоккей, а у кого не было ни того ни другого — просто протирали валенки на льду или катались с горки, которую ставили каждую зиму. Было шиком съехать с горки на ногах. Я, когда стала постарше, каталась только на ногах (съехать на досточке считалось приличным только для «малышни»). Для езды с горки надо было найти хорошую фанерку и, обдав её холодной водой, заморозить, тогда катание было с шиком, мы летели с горки с ветерком и далеко.

Но длилась эта полудеревенская жизнь не так долго, лет шесть-восемь. На пустыре началось строительство новых крупнопанельных домов, всё снесли. В одном из разорённых погребов застрял трактор, который ломал сараи, причём застрял, к нескрываемой радости соседей, намертво (его вытаскивали краном). Потом заселившееся племя, словно дикие орды татаро-монгол, уничтожило всё, что росло, были выдраны все цветы, ободраны и сломаны деревья, трава вытоптана, окрестности замусорены, голуби, гнездившиеся под крышами, съедены, лавочки расковырены и снесены. Отец неустанно вёл борьбу с этим безобразием, гонял мальчишек. За это мы поплатились — нам умудрились разбить стёкла на пятом этаже, меня травили овчаркой и отнимали мячики. Через несколько лет всё начало приходить в норму, заново высадили клумбы с цветами, посадили деревья, но прежней идиллии уже не было.

Эпизод 2

Каждое лето в жаркие дни отец водил ребятню купаться на «пески» — на Уссури. Я обходила всех соседских детей, они быстро отпрашивались у родителей и бабушек, брали нехитрую снедь — варёные яйца, серый хлеб, редиску, соль в спичечном коробке, старые покрывала. Иной раз набиралось человек 15. С Заводской мы шли в сторону улицы Сурикова. При первой возможности все разувались и складывали сандалии в громадную авоську «дяди Егора», всё остальное обычно тащил тоже отец, нагружался, как ослик, и нёс через плечо два баула, связанных между собой носовым платком. На Сурикова работали земснаряды и намывали горы прекрасного жёлтого песка. Мы выбирали уютное место недалеко от воды и раскидывали табор. Отец шёл проверять дно и спуск в воду. Если его всё устраивало, мы располагались тут же; если дно было обрывистым или отец замечал там колючую проволоку, мы меняли дислокацию. Затем он доставал детский металлический совок (мой), и мы прочёсывали всю акваторию и глубоко, острыми краями вниз закапывали битые бутылки и консервные банки (их всегда было немало). Только когда территория была очищена, все вместе расстилали старенькие покрывала и бегом отправлялись купаться, отец тоже ополаскивался и внимательно следил за нами. Когда мы синели, загонял на берег, мы ели, копали и строили замки из песка, бегали, играли в мяч. В пятнашки отца никто никогда не мог поймать, скорость и реакция у него были изумительными. Когда мы окончательно выдыхались и он видел наше разочарованье, то поддавался, и мы с радостью ловили его.

Молниеносная реакция отца однажды спасла мне жизнь. Песок намывался вперемешку с водой, поэтому образовывались очень опасные зыбучие пески. Я попала в такую песочную ловушку и стала уходить вглубь, барахтаясь в трясине, которая меня затягивала. Отец с громадным усилием выдернул меня оттуда.

Когда мы играли на берегу, он играл с нами или читал газеты или книгу. Вечером уставшая процессия возвращалась домой, а отец всю обувь и покрывала также тащил на себе.

Эпизод 3

Если летом долго не было горячей воды, все соседи начинали жаловаться отцу. Он ехал в редакцию ТОЗ [краевая газета «Тихоокеанская звезда»], звонил оттуда большому начальству (у него откуда-то были все телефоны), говорил, что звонит корреспондент ТОЗа, что люди жалуются на длительное отсутствие горячей воды, просил помочь в этом вопросе. В ближайшую субботу давали воду на два дня, отец лично обходил всех соседей и сообщал об этом. Все дружно спускали ржавую воду, мылись и стирались, в понедельник воду опять отключали.

Вообще к отцу обращались самые разные люди — и знакомые, и незнакомые. Приходили лично и писали по самым разным поводам, он помогал всем: какую-то бабушку бил сын и отнимал пенсию, какую-то беспокоили соседи-пьяницы, кто-то выкидывал мусор и бутылки с балкона, кому-то надо было написать властям, чтобы восстановить справедливость, чьей-то дочери помочь поступить в институт и т. д. Отец отдавал этим вопросам много времени и сил, словно староста или депутат. Его знала «каждая собака» в районе. Мне это очень не нравилось, потому что я всегда была на виду и все знали, что я дочь «писателя»; нельзя было шкодничать, ведь все мои проказы тут же становились известны отцу.

Он часто писал в Москву в министерства и ведомства с просьбой навести порядок в том или ином вопросе. Так, когда не были завезены зимой лимоны, отец писал, что дальневосточникам нужны витамины. Через некоторое время лимоны были завезены.

Когда в 1970-е годы отец вычитал в иностранных газетах, что в Турции вышел прекрасный 12-серийный фильм, снятый по мотивам «Тысяча и одной ночи», про приключения Синбада-морехода, то написал в министерство с просьбой закупить эти фильмы. Несколько серий были куплены и с большим успехом прошли по всему Союзу. Таких маленьких, но очень важных добрых дел, о которых никто не знал и даже не догадывался, были тысячи, поскольку отец был очень деятелен и обладал широким кругозором. Помогал людям бесплатно и по существу.

Эпизод 4. Отношение к деньгам

У отца было очень странное отношение к деньгам. Мама говорила, что у него деньги проходят сквозь пальцы. Гонорары были мизерными. Писал он всегда добросовестно, по многу раз переписывая статьи и затрачивая массу времени. Основным добытчиком в семье до перестройки была мама. Мы жили втроём большей частью на её зарплату, за исключением редких больших гонораров, что получал отец несколько раз. И только в перестроечные времена и после основным добытчиком стал отец, когда открыл курсы японского языка. Когда я вышла замуж, то он помогал и моей семье, платил мне установленную им самим зарплату, чтобы я занималась детьми, не отдавала их в детский садик и не стремилась рано выйти на работу. Это была очень большая материальная поддержка для нас, он давал денег больше, чем зарабатывал мой муж, за что я ему благодарна до сих пор, потому что у меня была возможность развиваться дальше. В этот период времени я окончила курсы кройки и шитья, научилась вязать на машине, начала изучать японский язык в группе отца, преподавание которого впоследствии стало моей новой профессией.

Семья Г. Г. Пермякова. Слева направо — стоят зять Ю. А. Шаклеин (актёр Хабаровского театра драмы), внук Евгений Шаклеин, дочь Алла Шаклеина; сидят старший брат зятя В. А. Шаклеин (известный в России правозащитник), внучка Анна Шаклеина, жена Анна Павловна Пермякова, сам Г. Г. Пермяков (Хабаровск, 1991 год).

У отца была своя глубокая убеждённость и моральная шкала в оплате его труда, основанная на глубоком внутреннем чувстве справедливости. Он называл себя «бессеребреником», легко расставался с деньгами, легко давал в долг и прощал долги. Странность заключалась в том, что, когда он работал с издательствами, газетами, иностранным телевидением и прочими подобными организациями, то у него было своё понятие о гонораре. Если

Георгий Пермяков с дочерью Аллой (Хабаровск, 1991 год).

гонорар был выше той суммы, на которую он рассчитывал, то он от него полностью отказывался. Это было не раз или два, а частенько. Так было с японцами, когда приехали представители газеты «Асахи-симбун». За интервью ему заплатили 300 долларов (для справки: однокомнатная квартира в центре Хабаровска тогда стоила 4 500 долларов). Отец отказался, потому что ему показалось, что его подкупают. Он не доверял японцам и был очень осторожен с ними, не подписал ни одного их документа. По этой же причине он не подписал контракт на издание своей книги «Жёлтый меч» в Японии (при подписании контракта ему сразу выплатили бы гонорар в размере 500 долларов). Он написал в письме своей давней знакомой, что «это слишком жирно». В то же примерно время ему предложили издать книгу с этим же материалом в Москве, он также отказался, так как посчитал, что там платят слишком мало. Он писал в письме, что «даром» работать не будет. В 1960-х годах, когда был подписан договор на издание его книги (книга уже была полностью готова и отредактирована, но был сокращён тираж по независящим от издательства обстоятельствам; люди постарше помнят, что в стране была «напряжёнка» то с бумагой, то ещё с чем-нибудь), отец отказался от гонорара в 4 000 рублей, это при средней зарплате по стране в 120 рублей в месяц. Мы жили очень скромно, если не сказать бедно. Для бюджета семьи это были бы громадные деньги.

Кроме того, отец много лет помогал семье Арсеньева, особенно он поддерживал в последние годы её жизни Веру Яковлевну Арсеньеву, вдову младшего брата Арсеньева, Александра Клавдиевича. Её пенсия была 16 рублей 38 копеек, на селе было невозможно прожить на эти деньги, родственники не помогали, хотя, я думаю, вполне могли бы. Её письма к отцу — это крик души о помощи. Он отдавал Вере Яковлевне не только все гонорары, связанные с публикациями об Арсеньеве, но периодически и свои личные средства, присылал лекарства.

Эпизод 5. Отношение к опозданиям

Отец не любил опаздывать и не любил людей, которые опаздывают, считая это большим неуважением к человеку — заставлять себя ждать. Часто с гордостью говорил, что никогда в жизни никуда не опоздал. На лекции и занятия приходил за час-полтора. Если кто-то из учеников опаздывал несколько раз подряд, то он просто выгонял такого.

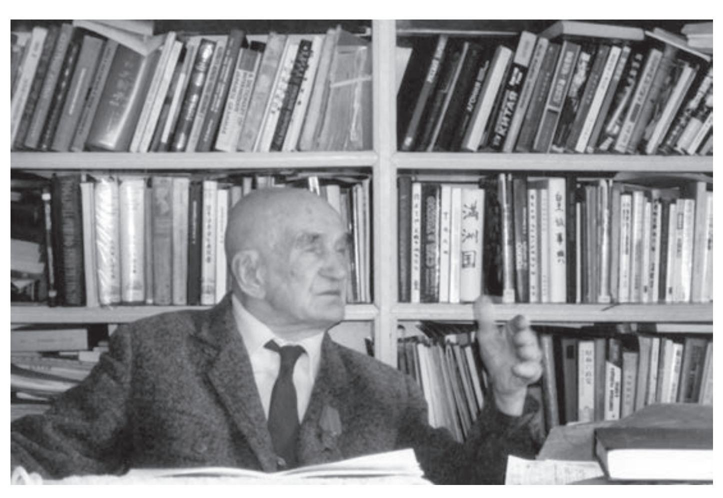
Эпизод 6. Арсеньев

Отец был восхищён Арсеньевым, его талантом писателя, учёного и труженика. Он прекрасно понимал, что книги Арсеньева, которые читала вся Россия, были призывом для молодёжи ехать на Дальний Восток, осваивать этот дикий и малоизученный край. Из этой среды в будущем вышло много учёных и путешественников.

У него с Арсеньевым было очень много общего — энергичность, тяга к знаниям, ко всему новому и неизведанному, писательский талант, оба были патриотами Родины и Дальнего Востока. Именно отец разыскал ближайших родственников В. К. Арсеньева — его первую жену Анну Константиновну, сына Волю, младшего брата — дядю Шуру (ездил к нему в командировку в Сибирь и два месяца записывал его воспоминания) и десятки других. Кроме того, он просил тех людей, которые присутствовали на лекциях Владимира Клавдиевича, написать воспоминания. Это было сделано вовремя — в 1950–1960-е годы, ибо в большинстве своём они были уже очень пожилыми людьми. Было потрачено много сил, месяцев тяжкого труда. Собрался объёмный материал в тысячи машинописных листов. В результате была написана книга «Тропой женьшеня».

Эпизод 7

Отец не был востребован полностью, это наполняло его жизнь большой горечью. Как-то сказал старую поговорку: «Служил сто лет, выслужил сто реп». С другой стороны, он был по развитию на голову выше окружавших его людей. Я сейчас понимаю, что его сознание и развитие опережали на одно-два поколения, то есть на 30–50 лет. Он знал, что вместе с людьми уходит целая эпоха, свидетелями которой они являлись. Это все известные дальневосточники — участники Гражданской войны, первокомсомольцы, создатели советской милиции, военные, писатели, поэты, врачи и учёные. Отцом был создан уникальный архив, который требует своего исследования и в наши дни.

Г. Г. Пермяков в своём рабочем кабинете во время интервью с японскими журналистами (Хабаровск, примерно 2003 год). Последние пять лет жизни он писал воспоминания о своём участии в ряде исторических событий. Пермяков был переводчиком Хабаровского бактериологического процесса, Семёновского процесса, активно содействовал их подготовке. Он участвовал в Международном военном трибунале в Токио; с 1945-го по 1950 год работал в лагере для высокопоставленных военнопленных в Хабаровске «Спецобъект № 20-45» и там же был личным переводчиком и учителем последнего китайского императора Айсингёро Пуи.

Отец был моралистом и прирождённым учителем. Он был непримирим к пьянству, лени и другим порокам. У него было своё внутреннее ощущение предназначения, он всегда подтягивал окружающих до себя, не уступая никому ни в чём, что раздражало подавляющее большинство.

Казалось, что это человек «не от мира сего» и «с приветом». Отсюда и смех за спиной, и осуждение, и многое другое. Но те, кто понимал его (в основном ученики и люди-самородки, которые стремились к саморазвитию), добились очень многого в жизни. Он общался выборочно, надо было заслужить его уважение и желание общаться, тогда открывался совершенно другой человек, без маски, очень добрый, гостеприимный и готовый отдать всё.

Он любил общаться с самородками — учёными, врачами, всеми людьми, у которых горели глаза и была жажда познания, пусть это были самые простые и малообразованные люди.

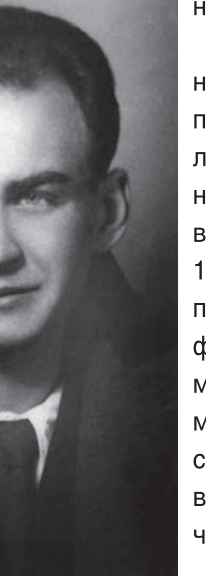
Высоко ценил личную порядочность и сам был глубоко порядочным человеком. Никогда не взял ничего, что «плохо лежит». В 1990-е годы в трамвае было время без кондукторов, стояли билетные кассы и компостеры. Он платил за проезд всегда, чуть ли не единственный в транспорте.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Предисловие к рассказам Георгия Георгиевича Пермякова о Харбине и Тяньцзине

Мой отец Георгий Георгиевич Пермяков был из интеллигентной семьи, дворянин по материнской линии. Среди дворян и интеллигенции того времени было принято вести дневники.

Не был исключением и мой отец и тоже с детства вёл дневник. Эта привычка осталась у него на всю жизнь. В семейном архиве сохранилась масса записных книжек и дневников. Прочесть их полностью почти невозможно, так как отец делал записи на трёх языках — русском, японском, китайском, да ещё скорописью — одновременно с использованием стенографии. Читабельны только отдельные эпизоды, написанные по-русски.

Г. Г. Пермяков — начальник отдела переводов Генерального консульства СССР в г. Харбине (Харбин, 1943 год).

Эти юношеские дневники и легли в основу воспоминаний о самых счастливых годах его жизни, написанных примерно в возрасте 60 лет в 1970-х – 1980-х годах, частично по памяти. Память отец имел феноменальную, помнил мельчайшие подробности много лет. Все фамилии он сохранил. Семья отца того времени состояла из пяти человек.

Бабушка со стороны его матери — Матрона Михайловна Трофимова — родила 12 детей, самую младшую — мать автора — в 61 год. Она прожила в семьёй дочери до самой смерти в 98 лет.

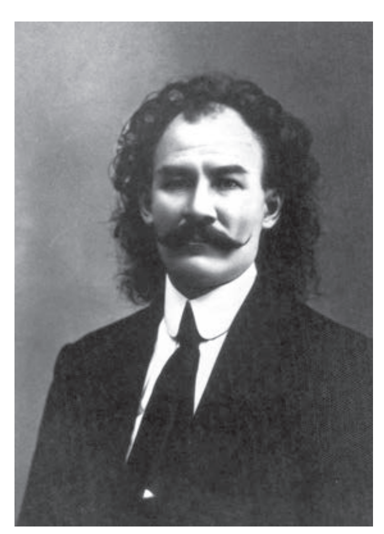
Отец автора — Георгий Никитович Пермяков, 1867 года рождения, аптекарь и парфюмер, большой любитель музыки, хорошо играл на гитаре. Он был и поэтом, неоднократно печатавшимся, масоном, дружил со многими известными людьми: маршалом Блюхером, губернатором Гондатти, бывал в гостях у деда Николай Рерих с сыном.

Мать Прасковья Трофимовна Пермякова (урождённая Трофимова), 1892 года рождения, была прекрасной хозяйкой, великолепно готовила, шила, вязала, знала четыре языка, обладала абсолютным слухом — пела, играла на мандолине.

Младшая сестра моего отца Сусанна — прекрасная пианистка, занималась спортом, балетом и танцами, позже, по возвращении в Союз, стала чемпионкой Хабаровского края по фигурному катанию. Долгое время проработала директором вечерней музыкальной школы города Сочи, подготовила многих одарённых учеников к поступлению в консерваторию.

Семья Пермяковых. Слева направо: младшая сестра Сусанна Пермякова, отец Георгий Пермяков, мать Прасковья Пермякова, Георгий Пермяков (Харбин, примерно 1939–1940 годы).

Отец Георгия Георгиевича Пермякова — Георгий Никитович Пермяков (Тяньцзин, 1920-е годы).

Прасковья Трофимовна огромное внимание уделяла тому, чтобы дети росли здоровыми и закалёнными. Отец получил, без преувеличения, спартанское воспитание, был очень здоров и силён, жизненная энергия рвалась из него наружу постоянно, много сил уходило на её сдерживание, помогал в этом спорт. С детства он спал на свежем воздухе, даже в мороз до –18 градусов. Питался простой пищей, имел превосходное пищеварение. Отец отличался железной волей и любознательностью, с ранних лет хотел стать писателем, поэтому ему были интересны все стороны жизни и быта людей, он, так сказать, везде совал свой нос. Мать была очень верующим человеком, христианские традиции

и воспитание сыграли большую роль в становлении личности писателя и переводчика. Всё это вместе породило уникальную личность, во многом противоречивую.

Детство в жизни каждого человека оставляет яркий след. Одним из замечательных воспоминаний писателя являются его рассказы о детстве и юности, проведённых в Тяньцзине и Харбине. Представляем два не публиковавшихся ранее рассказа из архива Георгия Георгиевича Пермякова.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Рассказы Г. Г. Пермякова

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В 1921 году наша семья приехала в Тяньцзин, что в 7 милях от Пекина.

Тяньцзин — город-порт, плоский, как поднос, тогда был разделён на 6 концессий: английскую, французскую, итальянскую, бельгийскую (бывшую германскую), русскую и японскую. Там мы жили на итальянской, а потом и на русской концессии, как советские подданные. Русских в городе было мало, повсюду звучала иностранная речь.

Г. Г. Пермяков (Тяньцзин, примерно 1924–1925 годы). Семья жила на итальянской концессии. Костюм с матроской сшила мать Прасковья Трофимовна.

Каждая концессия была маленькой отдельной страной со своей архитектурой, правилами и законами. Отца взяли управляющим и главным технологом на фабрику мыла и духов на итальянскую концессию, что находилась на берегу реки Байхэ, по которой быстро бежала грязная вода, полная трупов людей, свиней, брёвен и щепок, заполненная судами от крейсеров до джонок и шаланд. Мы её называли каналом, купаться там нам запрещали из-за грязной воды, поэтому мы купались в лужах — пресных и солёных. На реке была верёвочная переправа, по Байхэ ходили суда и военные корабли. Жили мы в двухэтажном доме из красного кирпича при фабрике, мы с младшей сестрой катались по квартире на трёхколёсном велосипеде. Я просил двухколёсный велосипед, но отец поставил мне условие — выучить «Конька-горбунка» Ершова наизусть. Я не выучил и велосипед так и не получил.

Тяньцзин был городом с тёплым климатом, тихими и мирными китайцами, любящими детей. Я свободно гулял по городу со своим другом Николаем Снарским. Всё лето я бегал босиком в белых трусах и белой панаме, мама давала мне 20 центов карманных денег, надевая на меня панаму, каждый раз говоря: «Голова — не тыква, шляпу просит». Благодаря её заботе я ничем никогда не болел, кроме кори в 10 лет. Я много общался с китайскими сверстниками, поэтому рано научился говорить по-китайски, они меня назвали «шао-ё». Всё лето в городе до осени пели цикады (когда уже был взрослым, в Токио на МВТ [Международный военный трибунал] их пение возвращало меня в моё босоногое беззаботное детство).

В Тяньцзине, до переезда семьи в Харбин в 1927 году, я жил как Робинзон Крузо, как дикарь и анахорет. Население было всё китайцы и англичане, которые не жаловали русских, ссорились и ругали нас на весь мир, унижая русское имя.

Поэтому, когда театр объявил о выступлении лилипутов, вся наша семья — отец, мать, сёстры — заволновались.

В то время я уже хорошо читал и знал таблицу умножения. С 6 лет я стал читать американские газеты, дело в том, что их использовали в магазинах вместо упаковки. Дома товар распаковывали, и газеты доставались мне, они были цветными, особо мне нравились комиксы.

Я знал много сказок и особенно был очарован образом Елены Прекрасной. Дети всегда любят тех, кто похож на их мать. Моя мать была красива, как говорили все: профиль, густые волосы — коса тёмной блондинки, серые глаза, яркие губы, фигура, бюст, кротость нрава и шарм. Елена Прекрасная и мать, подсознательно слившись в моей голове, родили у меня, крошки, идеал женщины.

Я был поражён, когда увидел на сцене театра лилипутку-красавицу — живое воплощение Елены Прекрасной. Она прекрасно пела по-английски, танцевала плавные танцы, была в кисее, но главное — у неё была роскошная белокурая коса почти до крестца. И я влюбился в неё. Придя домой, я только и говорил, что о Елене Прекрасной, звал всех пойти посмотреть на неё ещё. Я не понимал тогда, что лилипут — больной человек. Я говорил, что буду с ней дружить до смерти, буду её пажом, никогда её не покину, поеду за ней всюду, что её красота божественна. Всё это, конечно, детскими словами. Чем больше я восхищался красавицей, тем больше на меня странно смотрели старшие. Никто не

хотел идти на лилипутов ещё раз. Наоборот, все говорили о них со скукой, это меня задевало.

Уже с крохотных лет я много ходил и бегал, порой совершая километровые вояжи. И я ушёл к своей возлюбленной. Кое-как я пешком добрался до театра, который был очень далеко. Тайком пробрался в него, т. к. оставалось часа два до начала выступлений. Проник за кулисы и после поисков нашёл уборную моей возлюбленной. Маленькому юркому мальчику много не надо, чтобы найти тайную точку обозрения. Я взобрался на какие-то ящики или театральную лестницу, нашёл окошечко, проделал там глазок и стал смотреть за Боготворимой, она как раз примеряла костюмы. У меня пересохло в горле, волнение охватило меня. Богиня была уже в другом платье, но тоже в роскошном, в жемчугах, серебре, парче, атласе — точь-в-точь как пишется в сказках.

Пришла помощница — крупная рослая женщина — помочь ей переодеться. И тут я увидел все тайны моей Елены Прекрасной, когда она стала снимать с себя бутафорию, чтобы отдохнуть перед выходом на сцену. Я был раздавлен. Чудесная коса оказалась фальшивой, волосы же самой Богини были коротки и некрасивы, бюст и ресницы были накладными, румянец на лице оказался гримом. Была она кособока и некрасива, как ощипанная курица. Я увидел простую, некрасивую, больную лилипутку, сухую, вылинявшую и зелёную.

Я был так разочарован, что едва не упал со своей тайной вышки. Домой я шёл подавленный и умудрённый первым жизненным опытом. Дома я всё рассказал и с наслаждением выслушал рассказ старших о том, что дорогие каменья на платьях артисток — стекло и подделки; что атлас и парча на их плечах — тоже дешёвые сорта шелков, усыпанных мишурой. Тогда я узнал целый набор иностранных слов, означающих подделку, фальшь, ложь, пусканье пыли в глаза: бижутерия, стекляшки, канитель, мишура, галуны, конфетти и т. д.

Долгое время я, читая вновь сказки о Елене Прекрасной, вспоминал свою любовь, и едкая горечь почему-то заливала мне лёгкие. Даже сейчас я не могу забыть Сказочную Красавицу, так околдовавшую меня при первой встрече и так убившую при второй.

МИЛА ЛЕСНИК

С 1921 по 1927 год наша семья жила в Тяньцзине. Последние два-три года мы жили на русской концессии этого большого города. Тут было тихо, широкие улицы, каменные дома, много деревьев, прекрасный большой парк, в центре которого стояла русская церковь на каменном оранжево-розовом фундаменте. Лес из шелковицы в парке усыпал землю чёрно-красными сладкими ягодами, порхали удивительные дельтовидные бабочки, бурые снаружи и яркие, бело-красные изнутри. Помню тепло, обилие фруктов, которые я ел тогда тоннами. Помню романтическое советское консульство близ нашего дома с алым шёлковым флагом на стальном флагштоке, его обомшелые стены, интересное кино и лекции по воскресеньям (вместо церкви, в которую все тогда ходили), портрет Ленина и классиков, огромную иву в консульстве, на которую меня тянуло влезть, но это мне запрещал отец.

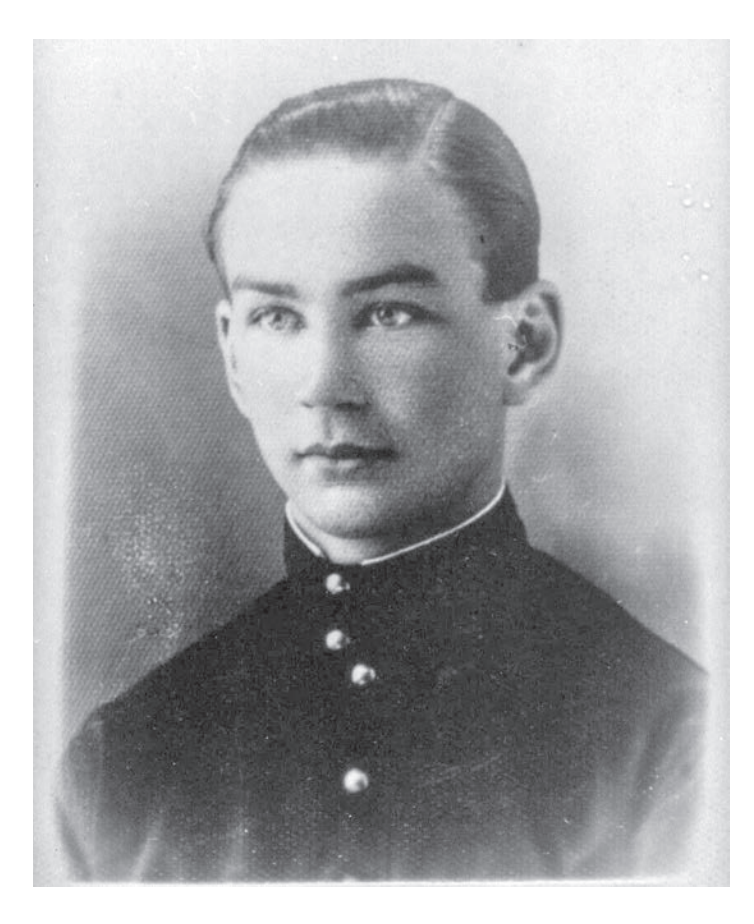

Георгий Пермяков — гимназист Реальной гимназии имени Достоевского (Харбин, 1928 год).

После нашего поспешного отъезда из Тяньцзина в Харбин жить мне стало ещё приятнее: много русских мальчиков и девочек, русская речь, правда, другая одежда, зимняя и летняя. Отец снял крохотную квартиру из четырёх комнат (на итальянской концессии у нас был дом в 12 комнат, мы с сестрой ездили по дому на трёхколёсном велосипеде), и мы впятером — бабушка, отец, мать, сестра и я — стали ютиться в них. У меня не было даже своей комнаты.

Хозяин был кореец Пак. Он взял себе в жёны овдовевшую русскую с двумя дочерьми Милой и Зиной. Зине было лет 15–16, она была серьёзной и некрасивой, а Мила Лесник была и красивой, и душой общества, лет 13. И я, 10-летний мальчишка, стал поклоняться Миле, т. к. до сей поры видел белых девочек только издали, в Тяньцзине они все были англичанки, француженки или немки, и контакта у меня с ними не выходило. А тут мы часто встречались с Милой, играли с сестрой Саной, Зиной и Милой в прятки, жмурки, пятнашки. Было весело, я стал поклонником Милы. Она заставляла меня вытворять всякие шутки. Спрячет меня в яму для заборного столба и накроет простыней. Кто-то идёт, она свистнет, и я встаю во весь рост. Получается, встаёт вурдалак из могилы. Люди пугались и убегали, нам было смешно. Как-то вечером прохожий с испуга огрел меня палкой по голове за такую шутку.

Если был дождь, Мила приходила к нам или звала к себе меня и, посадив в коридоре, начинала мучить. Она была сильнее меня. Дразнила меня своими светлыми волосами, водила кончиком носа по кончику моего носа,

Фотография из аттестата зрелости Георгия Пермякова, выпускника гимназии им. М. А. Оксаковской, которую он окончил с отличием (Харбин, 1933 год).

волнуя меня, щекотала меня, дразнила прикосновениями, а потом убегала. Иногда она начинала мечтать: мы с ней вдвоём живём в богатом замке, у нас масса слуг, мы любим друг друга до гроба, у нас много друзей, мы оба сказочно прекрасны. У Милы был дар фантазии, она рассказывала очень интересные истории про замки, про привидения, про сыщиков, про подземные путешествия. Все мы, включая и её сестру, которая имела скептический склад ума, слушали её, замирая от страха.

Иногда, раздразнив меня, Мила исчезала и пряталась на несколько дней, заставляя томиться от разлуки.

Потом она переехала и стала жить в другом доме, где был большой загадочный подвал. Она приходила оттуда и рассказывала нам страшные истории о её новом доме. И опять все мы зачарованно её слушали. Зажжённый в блюдечке спирт, куда насыпали соли, горел зелёным огнём, и все мы походили на мертвецов, отчего становилось ещё страшнее.

Шли годы, а я оставался её поклонником. Она уже не дразнила, но всегда, встречая меня, смотрела в глаза умным испытующим взглядом, узнавая сама, её ли я собственность или нет. Все в её семье были гражданами СССР. Потом Мила стала барышней, довольно простой и, как мне казалось, не совсем интеллигентной; лицо её стало грубоватым, не тем, каким было в детстве. Она стала стесняться меня. Зина же расцвела. Они обе говорили об отъезде в СССР. У нас дома все их поощряли.

В 1935 года семья Лесников, но без мужа-корейца, уехала в СССР. Я знаю, что в нашей стране появилась девушка, чей дар фантазии передастся её детям, быть может, они в чём-то себя проявят.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 08.09.2017 г.

Сведения об авторе: Сумская Алла Георгиевна, дочь Пермякова Георгия Георгиевича, преподаватель японского языка школы иностранных языков ELC (г. Хабаровск).
Контактные данные: sharovatova1905@yandex.ru.

СТРЕЛЬНИКОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

В МОЕЙ ДУШЕ ВСЕГДА ГОРИТ СВЕТ…

Статья представляет собой воспоминания одной из учениц Георгия Георгиевича Пермякова, посещавшей в 1990-х годах его курсы по изучению японского языка.

Ключевые слова: Георгий Пермяков, Хабаровск, японский язык.

Keywords: Georgy Permyakov, Khabarovsk, Japanese.

В тёмные времена хорошо видно светлых людей.

Эрих Мария Ремарк

Свет памяти о Георгии Георгиевиче Пермякове, свет возжённых им познаний, даров истории и культуры, свет творчества и самосовершенствования, свет любви и благодарности человеку, открывшему нам сокровищницу восточных традиций, китайского и японского языков, океан знаков, черт и иероглифической письменности. Свет из окон класса на третьем этаже гимназии № 3, который я всегда видела издалека, торопясь на вечерние занятия… Этот свет навсегда поселился в моей душе.

Прогуливаясь вечерами по улице Ленина или беседуя со своими детьми, уже много лет мы с мужем невольно цитируем слова и высказывания Георгия Георгиевича, и невозможно выделить самые часто повторяющиеся, потому что это происходит естественно, изнутри, спонтанно и сопровождается репликой: «Помнишь, так Пермяков часто говорил?»

Это живёт, дышит и работает в пространстве: «Говорит, как бог. Монстр японского языка. Ёкодзуна. Вы — монстры. Ну, вы звери! Славка Овчинников — бог японского языка. Вы блестяще изучаете японский язык. Если бы был Потоп, я бы взял с собой на Ковчег только две книги, Ваккари и Роуззинс. Переводчик слепых через дорогу. Не туда попал. Не мельчи. Молодцы! А теперь домой, на пирожки, галушки!»

Мы с мужем стали преподавателями японского языка во многом благодаря труду Георгия Георгиевича. На занятиях японского продолжают жить его знаменитые словечки-трансформеры: очепятка, цифирь, попочка (имеются в виду «опечатка», «цифра», «папочка для распечаток»). Точно, ясно и без иллюзий характеризуя людей, в конце добавлял: «А люди они хорошие».

«Нелегко стать переводчиками китайского языка — китайцы очень трудолюбивы, они всегда будут больше работать и знать лучше русский язык, чем вы китайский. Японцы были недовольны русскими переводчиками, недостаточно знающими японский язык. Профессия плюс язык! Только язык сейчас знать нельзя. Учебники написаны так, чтобы не знали английский язык. Это напечатано в газете «Правда» номер 88 за 26 декабря, на третьей странице. Вы читаете газеты?» — говорил нам Георгий Георгиевич.

Мы познакомились в 1991 году. В городе Хабаровске японский язык практически не преподавался, не было учебников и методических пособий. В конце первого занятия Г. Г. Пермяков спросил: «Девочка, а ты кто?» «Врач», — ответила я. И после окончания медицинского института начались университеты жизни под руководством Георгия Георгиевича. Тогда, в процессе освоения японского языка, мною было впервые осмыслено, кто я. Моё истинное предназначение — стать и быть преподавателем и в действительности вести слепых через дорогу к познанию самих себя, к осознанности, вере в свои возможности, получению практических знаний и навыков, необходимых для освоения выбранной профессии. Получив опыт преподавания японского языка и поступив на работу в Дальневосточный государственный медицинский университет, продолжаю преподавательскую деятельность, основы теории и методики которой были заложены именно на занятиях у Георгия Георгиевича. В 2002 году, имея уже второе высшее образование по специальности «Японский язык и межкультурная коммуникация», преподавала японский язык в Дальневосточном институте иностранных языков.

Г. Г. Пермяков писал письма красивым чётким крупным почерком чёрной тушью на светло-жёлтой бумаге. «Доктору Панфиловой», — писал он мне в обращении. Эпистолярный жанр был его коньком. Чтобы оправдать доверие, готовлюсь к защите диссертации на степень доктора медицинских наук.

Он научил нас нести свет, и мы, его ученики, так же стали источниками света знаний для своих учеников, как и наш Учитель, поддерживая, ободряя, направляя в большой жизни. Мы открыли сердца, получая колоссальный опыт и проходя испытания, помня о том, что тьмы нет, когда есть свет. Смерти нет, когда души едины. Любим. Помним.

Материал поступил в редакцию 24.09.2017 г.

Сведения об авторе: Стрельникова Наталья Викторовна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск), заведующий бактериологической лабораторией КГБУЗ «Краевая клиническая больница № 1» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: jpdom@mail.ru; тел. 8-924-925-89-85.

БОГАТОВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ЧЕЛОВЕК ДВУХ ВЕКОВ

Автор делится личными воспоминаниями о своём учителе — Георгии Георгиевиче Пермякове, незаурядной личности и прекрасном педагоге. Детские впечатления тесно переплетены с оценкой уже взрослого, состоявшегося человека, отчего образ известного писателя, краеведа, востоковеда и переводчика предстаёт более объёмно и многогранно.

Ключевые слова: Георгий Пермяков, японский язык, японистика, Хабаровск.

Keywords: Georgy Permyakov, Japanese, Japanese studies, Khabarovsk.

Моё знакомство с Георгием Георгиевичем Пермяковым состоялось в июне 1997 года. В свои двенадцать лет имела за плечами три года упорного изучения любимого японского языка у одной из его учениц. Последние полгода нашу группу готовили к переходу на обучение к «сэнсэю Георгию Георгиевичу», и я очень переживала, смогу ли заниматься у него.

О Пермякове моя семья была наслышана от многих знакомых, которые отлично владели ещё редким в те годы, но уже довольно востребованным японским языком. Все хвалили Георгия Георгиевича и благодарили его за те ценные знания, которыми он щедро делился, воспитывая хабаровских японистов. Я давно хотела учиться у него, но и меня, и моих родителей смущало, что к нему ходили заниматься в основном студенты и взрослые работающие люди. Я же была ещё школьницей. Но в том году он как раз набирал новую группу школьников с опытом изучения языка у его учеников, и это был мой шанс попасть к нему. Сейчас я могу без стыда признаться себе, что заочно я очень боялась «сэнсэя Пермякова». Я знала, что Георгию Георгиевичу уже почти 80 лет, и недоумевала: как такой старенький дедушка может ещё вести занятия? Также я опасалась его строгости и того, что ничего не пойму и не справлюсь. Но нужно было идти вперёд, я горела этим языком, и мои родители решили, что будем заниматься только у Пермякова.

Каково же было моё удивление, когда, войдя в кабинет хабаровской средней школы № 62, вместо старенького дедушки я увидела высокого стройного статного мужчину в идеально отглаженных брюках, белой сорочке и элегантном, очень дорогом по внешнему виду галстуке. Его возраст, пожалуй, могли выдать только немногочисленные морщины вокруг глаз и полностью бритая голова. Я зашла в класс и потеряла дар речи, так, что с трудом сказала свои имя и фамилию: «Даша Мамаева». Он улыбнулся, открыл свою тетрадь, записал меня и сказал: «Будешь Мамайчиком». Прозвища получили и все мои одногруппники. Например, Саша Махракова стала Махрачком, а девочка Наташа за всегда серьёзное лицо и очки была прозвана Натальей Николаевной. Именно так к нам и обращался на занятиях Георгий Георгиевич. К слову, со многими одногруппниками я общаюсь до сих пор, хотя жизнь раскидала нас по разным городам и странам. А Махрачок и Наталья Николаевна стали моими близкими подругами. Я считаю, что в этом огромная заслуга Георгия Георгиевича. На своих занятиях он создавал особую атмосферу, очень дружественную и непринуждённую. И сейчас многих японистов Хабаровска и Дальнего Востока, несмотря на то, что мы являемся своего рода конкурентами в работе, объединяет светлая память о нашем любимом учителе.

Уроки японского у Пермякова всегда были незаурядными, живыми, интересными. Мы не занимались по одному учебнику: он давал сразу несколько пособий, как своих, авторских, так и зарубежных: японских и европейских издательств. В те годы такой литературой не располагал даже педагогический институт, единственный вуз в городе, выпускающий дипломированных японистов. Занятие делилось на несколько блоков: иероглифика, лексика, грамматика, разговорная речь, знакомство с этнографией и культурой Японии и т. д. Иногда между блоками были паузы-пятиминутки, на которых Георгий Георгиевич рассказывал нам что-то интересное: незаурядный анекдот или эпизод из своей жизни, поучительную историю, или показывал интересные иллюстрации, говорил о правилах этикета и стиля. Как-то раз, прямо в коридоре школы, Пермяков начал учить нас танцевать вальс, поразив своими хореографическими данными. Эти пятиминутки мы всегда ждали с особым нетерпением. Тогда нам это было в диковинку, забавно и интересно, но спустя много лет, вспоминая те занятия, я оценила, какую жизненную мудрость мы получали от нашего учителя.

Разумеется, это не мешало и главному — изучению языка. Георгий Георгиевич использовал старый дореволюционный метод «вторы»: всё, что мы изучали, он зачитывал громко вслух, а мы повторяли. Так новые слова и обороты речи запоминались быстрее.

Особого внимания заслуживает и его уникальная авторская система овладения иероглифами. В своих пособиях он раскладывал их на ключи и знаки и с помощью так называемого анализа объяснял каждый иероглиф. Для некоторых иероглифов он даже составлял короткие стишки, облегчающие запоминание написания даже самых сложных знаков. Наверное, нет японистов, не знающих «Килоглиф» («1000 иероглифов с анализом»), «Килостих» («1000 иероглифов со стишками для запоминания»), «Сокуоку» («Секрет быстрого овладения сочетаниями иероглифов») и другие его рукописные работы.

Отдельной частью системы обучения Пермякова были прописи. Все новые иероглифы мы писали в тетрадях в клетку, предварительно самостоятельно расчерчивая листы на квадраты 2 на 2 сантиметра настоящим пером «уточка» с помощью чёрной туши. Это довольно сложная, кропотливая работа, но деваться было некуда: прописи Георгий Георгиевич проверял очень строго. И сейчас, по прошествии многих лет, когда японцы хвалят меня за красивый почерк и хорошее знание иероглифики, я мысленно благодарю своего учителя за те самые прописи.

Кстати, сам Пермяков не любил это длинное сложное слово «иероглифы» и называл их «глифы». Вообще, всю обычную лингвистическую терминологию он переработал

под свою систему преподавания, благодаря чему материал в его учебниках излагался кратко, но понятно, будь то грамматика, иероглифика или лексика. При таком подходе изучение языка давалось довольно легко. И не только языка. Георгий Георгиевич научил нас «секрету» старой российской дореволюционной школы — мнемонике. С помощью неё можно было запомнить множество сложных чисел. Цифры от 1 до 10 соответствовали определённым буквам, их нужно было выучить. А затем просто складывать слова, которые обозначали какие-то даты. Именно благодаря этой системе я до сих пор помню и могу назвать годы жизни многих известных писателей и важных исторических событий. При всей его строгости на занятиях мы запоминали всё шутя, легко и непринуждённо. А в завершение урока он разыгрывал шоколадку среди самых активных учеников. Мы вроде бы уже и не были маленькими детьми и сами могли купить плитку Alpen Gold с орешками, но для меня попасть в этот розыгрыш было своего рода признанием учителя, к которому я быстро прониклась доверием и глубочайшим уважением. Несколько раз мне везло, и заветный шоколад доставался мне, но мы традиционно делили плитку на всех... Эти воспоминания греют душу, и я записываю их со слезами на глазах. Георгия Георгиевича очень мне не хватает, даже сейчас, много лет спустя…

После окончания основной части занятия у нас была сдача так называемых зачётов — того материала прошлых уроков, что мы выучили дома самостоятельно. Это не было обязательным: Георгий Георгиевич всегда говорил нам, что мы учимся для себя и что в будущем наши профессиональные успехи будут зависеть только от наших усилий, прикладываемых ежедневно с самого начала изучения языка. Но зачёты поощрялись им, и для меня домашняя подготовка сразу же стала обязательной. Просто не представляла, как могу прийти и сказать, что ничего не выучила. Это было равносильно тому, что я не оправдываю надежды своего учителя, обесцениваю его труд. Когда я сидела рядом с ним, внутри всё трепетало: его одобрительный взгляд вселял уверенность, а сама я чувствовала, как напитываюсь какой-то особой мудростью. Его похвала вдохновляла, и вместо положенных 5 страниц я с лёгкостью учила 15. Георгий Георгиевич сделал так, что изучение японского языка стало для меня, подростка 12–13 лет, очень важной частью жизни. Я уверена, что это могут сказать сейчас и многие другие его ученики.

Неожиданно в октябре того же года он перевёл меня во взрослую группу, которую посещали студенты вузов и работающие люди, большинство из которых были почти ровесниками моих родителей. Это был совершенно новый шаг, сложный и волнительный, но благодаря поддержке учителя я смогла его сделать. Было тяжело, порой даже очень. Занятия сильно отличались от летних и по сложности материала, и по скорости его подачи, и по числу слушателей. Но я просто не могла и не желала отступать, знала, что хочу изучать японский только у Георгия Георгиевича. Он верил в меня, и его уверенность придавала силы. Сейчас в свои 32 года я понимаю, как много учитель сделал для меня тогда. Я была неуверенным в себе подростком, а вокруг было столько взрослых состоявшихся в жизни людей, и для всех он был Сэнсэем с большой буквы. Его советы, замечания и прочие высказывания воспринимались внимательно и без обид. Он по-прежнему делился с нами историями своей юности и молодости, только теперь они были уже более взрослыми и серьёзными. Казалось, что нет такой темы, беседу на которую он не мог поддержать, — настолько были обширны его знания и богат язык.

О речи Пермякова, думаю, можно написать отдельную книгу. Она была красива, лаконична, понятна, богата различными оборотами, которые он с ловкостью подбирал под разные ситуации. Именно благодаря ему я узнала основные правила деловой и личной переписки не только на японском, но и на русском языке, и могу сказать, что они пригождаются мне постоянно. Георгий Георгиевич навсегда вычеркнул такие слова, как «кушать», «ложить», «разрешите» и многие другие из лексикона своих учеников. В 1990-е годы изменения, происходившие в нашей стране с сумасшедшей скоростью, не могли не отразиться на русском языке: он наполнился молодёжным сленгом, американизмами, бессмысленными междометиями. Но язык Пермякова был неизменно богатым, красивым и могучим. Это скажет любой человек, кто прочтёт хотя бы одну из его книг, которые издавались в советские времена под псевдонимом Г. Ланин. Как нам говорил сам Георгий Георгиевич, его настоящая фамилия звучала не так интеллигентно и изысканно, как придуманный им псевдоним. Наверняка были и какие-то другие причины, продиктованные политикой той эпохи, но в любом случае его слог и богатейший словарный запас не спутаешь ни с чьим другим.

Одним из самых ярких воспоминаний о Пермякове я также могу назвать переписку с ним. Он всем всегда писал письма и открытки от руки, всё теми же пером и тушью. Важную переписку он систематизировал и хранил и на уроках нередко рассказывал о чём-то интересном, узнанном из писем его старых друзей или известных писателей, учёных и общественных деятелей. Но он писал и простым людям. На протяжении нескольких лет мои мама и бабушка, знакомые ему только заочно, получали от него открытки на 8 Марта. А связаться с ним, чтобы предупредить о пропуске занятий, тоже можно было только почтой: телефона у Пер-

Празднование 80-летия Г. Г. Пермякова с группой японистов, 26 ноября 1997 года.

мякова просто не было, он сам от него отказался, чтобы не тратить драгоценное время на разговоры. Если бы он был у него, то, наверное, звонил бы с утра до ночи, ведь столько людей обращалось к нему за советом и помощью, с самыми разными вопросами и предложениями.

Но при всей своей востребованности Георгий Георгиевич был человеком скромным и непубличным. Он не имел никаких привилегий и почестей от государства: жил в скромной квартире на окраине Хабаровска, много ходил пешком и пользовался общественным транспортом, где никогда не сидел и вежливо отвергал любые попытки уступить ему место. Он покупал пшено и ежедневно кормил птиц на улице, любовался рассветами и закатами над рекой, радовался любой погоде. Питался Георгий Георгиевич правильно и полезно, но довольно аскетично, насколько я помню по его рассказам. Круглый год он спал на незастеклённом балконе, подбирая лишь одежду под погодные условия, вставал с рассветом, начинал свой день с гимнастики и много и усердно работал. Наверное, благодаря этому образу жизни, он и сохранил здоровье и молодость до 80 с лишним лет.

Как раз спустя полгода с тех пор, как я начала заниматься у него, 24 ноября 1997 года ему исполнилось 80 лет. Несмотря на такую дату, никаких пышных торжеств он не устраивал и даже провёл занятие, как обычно. После урока мы все дружно поздравили его и подарили торт, небольшие подарки на память и сделали общее фото. Его я бережно храню до сих пор, и в моей памяти Георгий Георгиевич навсегда остаётся таким, как в тот самый день: энергичным, элегантным, радушным. Посмотришь пристально на его лицо и представляешь, какой долгий, нелёгкий, но в то же время интересный и осмысленный жизненный путь прошёл этот человек…

Зимой 1998 года Георгий Георгиевич оказался в больнице с переломом шейки бедра. Для пожилых людей очень распространённая травма, после которой многие остаются прикованными к кровати до конца своих дней, так как в силу возраста и состояния организма их не оперируют. Я узнала об этом, когда нам домой позвонила одна из его учениц. В тот момент мир для меня рухнул. Я не могла в это поверить и, судя по рассказу моей мамы, сутки после этого плакала. Я отказывалась смириться с тем, что больше не увижу любимого учителя и не смогу ходить к нему на занятия. Конечно, японский язык можно было изучать и в других местах, но для меня Пермяков был вне конкуренции. Я переживала за него и писала ему письма с пожеланиями здоровья и скорейшего восстановления, очень надеясь, что он поправится и сможет вернуться к работе, а чтобы не забывать язык, пошла на занятия к его дочери Алле Георгиевне. Наверное, это было то, что называют судьбой, и я до сих пор благодарна, что она свела меня не только с Георгием Георгиевичем, но и со всей его семьёй. Алла Георгиевна помогла мне не потерять накопленные знания и интерес к языку, и в её группе мне было интересно заниматься. Она также рассказывала о самочувствии отца, о том, что ему сделали операцию и он идёт на поправку.

Летом того же года я неожиданно получила письмо от Георгия Георгиевича с приглашением на индивидуальные

занятия к нему домой. Моей радости не было предела: я верила в то, что он поправится, и очень этого ждала. Его дом находился достаточно далеко от моего, но это не было преградой: ради такого учителя я готова была ехать хоть в соседний город. Правда, я переживала, как меня встретит его супруга, не утомительны ли будут уроки для него. Но Георгий Георгиевич встретил меня бодрым, как всегда в приподнятом настроении и элегантным. Он сидел, полулёжа, вытянув на диване пострадавшую ногу, но его безупречно отглаженная сорочка и галстук говорили о том, что он уже в строю и готов работать. Этих месяцев разлуки с ним будто и не бывало: мы сразу же начали активно заниматься два раза в неделю, увеличивая темп и сложность. У Пермякова никогда не было летних каникул, и мне самой не хотелось никуда уезжать, чтобы не пропускать занятия. Позже к нам присоединились ещё две его ученицы, и в таком составе мы занимались несколько месяцев до тех пор, пока он не возобновил занятия в группе. Он сделал это! Несмотря на свой возраст, смог восстановиться после операции, снова ходить и вести привычный образ жизни. Для меня пример его стойкости, целеустремлённости и оптимизма стал эталоном на всю жизнь. Он не раз цитировал одну из любимых японских пословиц: 七転び八起き («Нана короби хачи оки», буквально «упасть семь раз и подняться в восьмой»). Думаю, что это выражение было одним из его жизненных кредо.

Группу японского языка у Георгия Георгиевича Пермякова я посещала шесть лет, до осени 2003 года. За это время несколько раз сменился её состав, программа обучения, часы занятий, но неизменным оставалось душевное и очень ответственное отношение Георгия Георгиевича к ученикам. У него никогда не было скучно. На каждом занятии, помимо самого японского, мы узнавали многое из того, что сейчас я могу назвать своей «копилкой жизненных знаний». За это время я успела окончить 11 классов школы и поступить в университет. Естественно, выбор пал на факультет восточных языков педагогического университета. Родители предлагали мне учёбу во Владивостоке, мотивируя тем, что там школа японистики сильнее, чем в хабаровских вузах, но моей «школой японистики» был только Георгий Георгиевич, и я не могла представить, что придётся проститься с ним. Поэтому я осталась в Хабаровске и получила высшее образование тут.

Встреча с журналисткой из Японии на занятии дома у Георгия Георгиевича, зима 1998/1999 года.

Придя на первый курс, я обнаружила, что, благодаря учёбе у Пермякова, мой уровень вполне дотягивает до четвёртого курса нашего факультета. Но было много других дисциплин, и я, уделяя внимание им, начала работать репетитором японского для школьников. К слову, первых учеников мне дал именно Георгий Георгиевич. Он никогда не гнался за деньгами и всех начинающих, желающих обучаться у него, направлял к нам, своим ученикам. Он верил в нас и давал шанс реализовать свои знания и навыки, полученные на его занятиях.

К третьему курсу университета в группе Пермякова сложилась такая обстановка, что все старшие и опытные японисты перестали из-за работы посещать занятия, и костяк составили студенты с уровнем языка значительно ниже моего на тот момент. Поэтому Георгий Георгиевич подозвал меня к себе после занятия и сказал: «Ну что, Мамайчик. Я тебя выгоняю. Мне больше нечего тебе дать тут». Эта фраза прозвучала для меня как гром среди ясного неба. Понимая, что он прав, ведь последнюю пару месяцев я скучала на уроках и не узнавала почти ничего нового, не могла представить, что расстанусь с ним навсегда. На том же занятии он объявил нам, что по многочисленным просьбам открывает группу китайского языка для начинающих. Этот язык он знал даже лучше японского, как китайский бог. И я решила, что пойду изучать китайский, чтобы не прощаться с любимым учителем, несмотря на то, что сам язык не вызывал у меня интереса и симпатии. Но Пермяков умел заинтересовать любого.

Когда он учил нас китайским иероглифам, фонетическим тонам и рассказывал о реалиях Китая, в его глазах горел такой огонь, что никто не мог остаться равнодушным. В то время он уже был болен: у него обнаружили рак. Но он не сдавался, внешне не придавал значения этому страшному для многих диагнозу, был, как всегда, бодр и активен.

Весной 2004 года я участвовала в конкурсе и выиграла грант министерства просвещения Японии на стажировку в

Группа китайского языка, 24 ноября 2003 года.

университете г. Осака. Мне пришлось проститься с занятиями у Георгия Георгиевича и потому, что на всё лето меня пригласили на работу переводчиком японского в разные места, в том числе и в Японию. Я была единственной студенткой третьего курса, прошедшей всевозможные отборы, и это, несомненно, заслуга моего великого учителя. Я очень боялась забыть всё то, чему он научил меня, и хваталась за каждую возможность практики языка, что помогло мне обзавестись полезными знакомствами и связями в этой сфере. И где бы меня ни спрашивали о моих учителях, когда я говорила, что училась у Пермякова, многие одобрительно кивали: «Сразу видна его школа!» Для меня это было честью, а имя учителя служило огромной мотивацией работать на совесть и двигаться вперёд. Так оно остаётся и сейчас.

С октября 2004 года по октябрь 2005-го я жила и училась в Японии. Вместе со мной стажировку проходила моя подруга Наталья Троицкая (та самая Наталья Николаевна). Вместе мы приятно удивляли наших японских преподавателей уровнем знания языка и особенно иероглифики. В Японии вообще бытует мнение, что их письменностью в полной мере могут овладеть только китайцы, а европейцам, к которым относятся в их понимании и русские, она недоступна. Но, благодаря школе Пермякова, мы успешно сломали этот стереотип. Вместе мы писали Георгию Георгиевичу письма и покупали литературу, которая была бы ему интересна, и несколько раз отправляли посылки. Но, к сожалению, ответов от него мы не получали: от знакомых мы узнали, что болезнь всё-таки подкосила его и ему приходится проходить лечение в онкологическом центре. Там и состоялась моя последняя встреча с ним в конце октября 2005 года. Ещё находясь в Японии, узнала от родителей, что Георгий Георгиевич чувствует себя хуже, но не хотела в это верить. И при всём желании встретиться с ним я боялась, что не смогу это вынести: увидеть его не за кафедрой в классе, как всегда бодрого и элегантного, а ослабевшего на больничной кровати. Но не увидеть его я не могла и спустя несколько дней после возвращения в Хабаровск поспешила навестить его. Он действительно неважно себя чувствовал, мало говорил, и в его глазах уже не горел тот знакомый огонёк надежды и желания жить: ему было очень тяжело. Мы проговорили около получаса обо всём: о моей учёбе в Японии, о том, как проходили занятия у Георгия Георгиевича этот год, об общих знакомых. Он с искренней радостью делился новостями своих учеников, радовался их достижениям, но никогда не приписывал это себе в заслуги, хотя, безусловно, это было именно так. Он ни разу не сказал плохого слова ни о ком, даже о тех людях, что бессовестно пользовались его чистосердечностью и предавали его. Это был не только настоящий учитель, горячо любящий то, что он преподавал, и тех, кого он обучал, но и Человек с большой буквы. Человек двух веков, переживший многое, но сохранивший всю интеллигентность и манеры российской дореволюционной эпохи, верный своим творческим идеалам и не сломавшийся под давлением советской коммунистической пропаганды. Человек, который всю свою жизнь щедро одаривал всех своими знаниями и житейской мудростью… Он ушёл из жизни 9 декабря 2005 года в возрасте 88 лет.

Я считаю себя очень счастливой, потому что почти треть своей жизни я провела рядом с Георгием Георгиевичем. С ним у меня связано множество воспоминаний, которые бережно храню и обязательно передам своим детям и ученикам. Его особенные афоризмы, его не похожий ни на чей-то ещё почерк, его кабинет с монументальным столом, печатной машинкой и полками от пола до потолка со множеством книг, словарей и учебников, его сиамский кот Зунька — всё это стало дорогой частью моей жизни.

К сожалению, о Георгии Георгиевиче почти не знают люди, не имеющие отношения к востоковедению, литературе и краеведению. Но я считаю, что, помимо того что он был выдающимся учителем и писателем, Пермяков прежде всего был невероятно интересным, цельным человеком и настоящим патриотом своих страны и города.

Я уверена, что память о нём будет жива всегда.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 19.09.2017 г.

Сведения об авторе: Богатова Дарья Александровна, переводчик японского языка и представитель компании Argonavt corporation в г. Хабаровске.
Контактные данные: e-mail: dash84@mail.ru.

ЕЛИСЕЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СВЕТСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Сегодня отечественная педагогическая мысль пытается теоретически осмыслить современные проблемы общеобразовательной и профессиональной школы. Одна из них касается глубинных изменений, происходящих в духовно-нравственном мире человека и человечества. Автор статьи рассматривает возможные пути решения проблемы духовно-нравственного состояния молодого поколения на основе разумного сотрудничества государственной системы образования и системы духовного просвещения.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, образование, содержание образования, гуманистическая и православная традиции.

Keywords: spiritual and moral education, education, educational content, humanistic and Orthodox traditions.

В условиях сложных и противоречивых процессов модернизации и реформирования российской системы образования, многолетнего отчуждения человека от подлинной духовной культуры, национальных корней и традиций, общей деградации отечественной культуры в российском образовании обозначился ряд проблем, среди которых важнейшей является проблема духовно-нравственного состояния подрастающего поколения. Не случайно в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности граждан России, разработанной в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», «магистральным направлением» российской системы образования определено духовно-нравственное развитие личности. Духовно-нравственная составляющая всегда была, есть и должна оставаться основой любого развития.

В поисках путей духовного возрождения России обращение учёных, педагогов-практиков к духовно-нравственным традициям отечественного образования и воспитания, к опыту православной педагогики как системы духовно-нравственного становления личности является своевременным и актуальным. Современный русский человек, даже если он исповедует принципиальный атеизм или абсолютно равнодушен к религии, со всеми своими достижениями или недостатками остаётся номинально православным человеком по своему менталитету. И не учитывать это в процессе воспитания и обучения (равно как и в процессе государственного, культурного, экономического строительства) нельзя. Признавая, что процесс образования есть по природе своей процесс перманентный, который осуществляется в определённой культурно-исторической среде, следует говорить об образовании и воспитании не вообще, а применительно к конкретной культурно-исторической традиции. Такой подход требует сочетания государственного, народного и национального воспитания и образования с более чем тысячелетней православной традицией России.

В целях выявления возможных и наиболее оптимальных путей решения обозначившейся проблемы мы проанализировали некоторые основные положения гуманистической и православной педагогических традиций, исторически сложившихся в нашем обществе, внешне выступающих как противоположные, но при более внимательном анализе предстающих органически взаимодополняющими друг друга и онтологически составляющими то единое целостное образовательное пространство, которое соответствует самой сущности и природе человека. Безусловно, обе традиции в основе своей содержат общечеловеческие ценности и понимание человека как венца творения. Однако гуманизм, утверждающий человека мерою всех вещей, предельно антропоцентричен по своей сущности. Он направлен на развитие индивидуальной личности и принимает наличие в ней души, но без признания её Творца. Провозглашая человека высшей ценностью, гуманизм подменяет христианский идеал Богочеловека идеалом человекобога.

Православие видит в этом антропоцентризме поклонение человека самому себе как Идолу, как утверждение бытия на безбожной основе, эгоистическое стремление всё отнести к себе и всё определить собою. Согласно христианской антропологии, неразрывно связанной с христианской антропогонией (учение о происхождении человека) и христианской сотериологией (учение о конечной цели бытия человека), человек, созданный по образу и подобию Творца, для которого Он и сотворил мир, тоже является венцом творения. Его превосходство над всем сущим объясняется дуализмом человеческой природы, то есть одновременной принадлежностью двум мирам: видимому, физическому (материальному), — это его тело, и невидимому, духовному (трансцендентному), — это его душа [5, с. 68]. «Та неизменная устойчивость личности, которую мы подразумеваем под словом “я”, создающая идентичность нашей индивидуальности... определяется с точки зрения христианской антропологии именно душой, нематериальным субстратом, в котором... заложена вся информация о нашем “я”», — пишет митрополит Питирим [6, с. 208].

Таким образом, возрождение античных идеалов с их преклонением перед разумом, самоценностью личности, безграничными возможностями человека привело к абсолютизации этого понимания и к утрате синергии (сотрудничества человека с Абсолютом).

Исходя из сформировавшегося в педагогической науке и образовательной практике представления о том, что цель образования предопределяет природу, сущность образовательного процесса и задаётся социально-экономической, социокультурной средами, элементами которых являются государство, общество, индивид (указанные среды потребляют продукцию образования и формируют социальные заказы), мы пришли к следующему заключению. Сегодня, в связи с переходом общества от индустриальной стадии развития к постиндустриальной, когда основными продуктами человеческой деятельности становятся информация и знания, цель образования как социокультурной практики человечества, по сути, приобрела прагматичный, утилитарно-прикладной характер. Смыслом образования стали не образовательные ценности, а конечный прагматический результат в форме сертификата о получении образования. Исторически возникшие, укоренённые в общественном сознании концептуальные установки на приоритетность в

общем образовании прагматического, рационального научного знания оттеснили в его содержании мир духовных исканий человеческих поколений. В результате — современное образование утратило свой исторический «корневой» смысл «образовывания человеческого в человеке», развития средствами культуры его духовного образа, что не может не противоречить гуманистическим антропоцентрическим тенденциям современного культурного развития. Между тем именно с образованием связывается преодоление кризиса техногенной цивилизации. Ему в этих сложных условиях отводится роль «человекообразующего» фактора [10, с. 10].

Итак, современное (гуманистическое) образование, основанное на развитии индивидуальных качеств личности учащегося, ключевой целью видит, по мысли доктора психологических наук профессора В. В. Давыдова, «формирование родовых качеств человека», подготовку человека к жизни в обществе, к её земному этапу как единственному и самоценному, тогда как цель православного воспитания — поставить человека на путь спасения его души. Если светское образование предполагает самоактуализацию человека, помогает максимальной реализации в жизни его способностей, формирует личность в процессе противостояния жизненным трудностям, которая опирается на собственную волю и могущество своего интеллекта, то православное образование (воспитание) формирует личность на основе Веры, Надежды и Любви. Становление личности происходит не столько через борьбу с внешними условиями и развитие собственных дарований, сколько через борьбу с нравственными и духовными недугами (страстями).

По православной догматике назначение человека не ограничивается одной земной жизнью, а простирается в вечность. Поэтому земная жизнь христианина, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), должна быть школой приготовления к жизни вечной. В данном контексте подготовка (приготовление) предполагает созидающую и преобразующую работу, направленную не только на просвещение человека, но и наполнение его истиной, красотой и добром. Согласно взглядам архиепископа Евсевия, «Воспитание для земли и воспитание для неба нераздельно между собою…» как двуединая цель православной педагогики. «Как член гражданского общества, человек должен возрастать для круга общественной деятельности, к которой Бог призывает его; а как предназначенный к небесной жизни, он должен созреть ко дню жатвы и принести неувядаемые плоды…» [2, с. 178].

Таким образом, обе цели являются важными. Сочетаясь, они образуют единую цель воспитания и образования целостного человека.

К сожалению, главным препятствием на пути к реализации этой цели является современное секулярное сознание, навязывающее человечеству представление о том, что не существует абсолютных моральных норм, что всякая нравственность относительна, что человек может жить в соответствии со шкалой нравственных ценностей, которую он сам создаёт для себя. Причём его шкала может быть отличной (вплоть до противоположности) от условной нравственности другого. Сегодня общепринятой системой ценностей признаётся та, в которой наука занимает вершинное положение. В той или иной мере вольно или невольно современное общество исповедует сциентизм — религию технократической цивилизации. Однако научные знания, как известно, не имеют ценностного аспекта. Они не превращаются автоматически ни в мировоззрение отдельной личности, ни в мировоззрение как феномен культуры. Для того чтобы научное знание приобрело мировоззренческую функцию, нужна специальная работа, которую осознанно, а иногда и неосознанно, должен выполнять носитель формируемого мировоззрения (в нашем случае учащийся).

Великий русский педагог, основоположник отечественной педагогики как науки К. Д. Ушинский, признавая необходимость освоения школой научных достижений, был далёк от обожествления науки, рассматривая её как порождение способностей души человека, его рассудка, присущего, согласно К. Д. Ушинскому, в определённой мере и животным. Но человек именно тем и отличается от животного, что ему Богом дана ещё одна внутренняя сила, которая не дана животным, — нравственное начало, «нравственный закон внутри нас» (И. Кант), который является универсальным для всего человечества и не зависит от культурных, национальных различий между людьми. Если нравственность отделить от Божественного начала, она исчезнет. Вспомним Ф. М. Достоевского: «Если Бога нет... стало быть, всё позволено». К великому сожалению, современному секулярному сознанию чуждо такое понятие, как «грех», хотя в его лексиконе есть термины «преступление», «нарушение закона», «вина» и даже «моральный запрет». Однако понятие греха невозможно выразить в терминах светской этики, оно не может быть сведено к элементам системы моральных ориентиров, хотя и несёт в себе ярко выраженное нравственное содержание. Психолог Б. Н. Ничипоров отмечает, что отсутствие в общественном сознании только одного понятия — понятия греха, привело ко многим грубым нравственным искажениям, выразившимся прежде всего в сердечном ожесточении и крайнем бесчувствии [8].

Общеизвестно, что для любой воспитательной, образовательной системы всегда важен вопрос, касающийся средств достижения цели. Одним из основных средств воплощения в жизнь целей образования выступает его

содержание. Формируясь под воздействием определённой совокупности социокультурных, экономических, политических, цивилизационных и других факторов, содержание образования отражает смысловое и ценностное наполнение жизни и образования того или иного народа, а иногда и отдельной личности в конкретную историческую эпоху. Содержание образования — это энергетический центр всего универсума образования, его строя, его типов и видов (В. И. Слободчиков). Все реформы, проводимые в образовании, в первую очередь затрагивали его содержание. В большей степени оно (содержание обучения) определяет, станет ли образование процедурой пробуждения внутренних сил и возможностей учащегося, пробуждением его души, совместной творческой деятельностью учителя и ученика или нет. Этим обусловлено повышенное внимание многих учёных и практиков к проблеме разработки содержания общего образования в разное историческое время (Ю. К. Бабанский, Е. В. Бондаревская, Ш. А. Ганелин, М. А. Данилов, И. К. Журавлёв, В. К. Загвязинский, В. В. Краевский, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, И. Я. Лернер, А. М. Новиков, М. Н. Скаткин, Л. А. Степашко и др.), что позволяет судить о сложности данного феномена, о том, что новые представления о личности ученика, его образовании требуют новых подходов к решению проблемы определения состава и конструирования содержания общего образования.

На сегодняшний день в отечественном образовании представлены различные варианты моделей его содержания, которые связаны с определённой трактовкой места и функций человека в мире и обществе. Но все они обнаруживают, что конструирующее значение в области содержания общего образования имеет концепция усвоения основ наук, и она же, являясь фундаментом решения проблемы формирования мировоззрения личности учащегося, выступает в качестве одной из высших ценностей в педагогическом сознании. Однако, как отмечал И. Я. Лернер, содержание образования не ограничивается знаниями и умениями, а предполагает некое содержание, обеспечивающее вместе со знаниями и способами деятельности желаемую воспитанность.

В ряду многих, пожалуй, лишь культурологическая концепция содержания общего образования, разработанная сотрудниками лаборатории общих проблем дидактики НИИ общей педагогики Академии педагогических наук (И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин, В. В. Краевский), получила наибольшее признание и поддержку в решении проблемы духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Согласно этой концепции содержание образования рассматривается как аналог педагогически адаптированного социального опыта, изоморфного по структуре человеческой культуре во всей её структурной полноте. Этот опыт присваивается учащимся в процессе обучения, трансформируется в его личный опыт, становится частью его собственного. Будучи изоморфным социальному опыту, содержание образования ориентировано на определение следующих личностно-ценностных структурных элементов: опыт познавательной деятельности, фиксированный в знаниях; опыт осуществления известных способов деятельности, представленных в форме умений действовать по образцу; опыт творческой деятельности, проявляющийся в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений, отражённых в форме личностных ориентаций [4, с. 15].

Учёные, продолжая разрабатывать культурологический подход к конструированию содержания образования с учётом реалий дня, установили, что в решении обозначившейся проблемы компоненты содержания образования остаются теми же, но с возможным изменением их наполнения. Именно такой подход и позволил рассматривать четвёртый элемент модели как **опыт духовной жизни нашего общества**, на реконструкцию (воссоздание) / создание которого ориентировано сегодня как светское, так и православное направление педагогической мысли. По этому поводу очень точно сказал протоиерей Евгений Шестун: «Духовная сфера жизни человека является основой содержания светского образования. Слово «светский» в своём корне имеет слово «свет». Светское образование должно освещать, а значит, и просвещать человека, позволяя ему не только иметь знания, опыт, эрудицию, но и духовно осмысливать суть изучаемых явлений. Светское образование призвано возвысить человека до Божественной высоты, в отличие от атеистического, низводящего человека до животной самодостаточности» [12]. Значительная помощь отечественному образованию в решении этого вопроса может быть оказана со стороны православной культуры.

В православной педагогике имеется свой взгляд на проблему сущности содержания образования. Считается, что познание необходимо подчинять не только запросам личности, но прежде всего абсолютным нравственным идеям. Содержание православного образования, опираясь на богатейший пласт культуры, несёт в себе колоссальные возможности для решения проблемы духовно-нравственного воспитания школьников.

Изучение православной культуры в современной школе, которое возможно за счёт наполнения и обогащения компонентов его содержания, открывает доступ к воистину сказочному духовному богатству, которое, к сожалению, мало востребовано русскими людьми и отечественной школой последних десятилетий. Один из компонентов православной культуры — литература религиозно-нравствен-

ного содержания, включающая тысячи томов, написанных сотнями авторов. Прежде всего это Священное Писание, святцы, житийная и святоотеческая (церковно-учительная) литература (творения святых отцов — Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, Иоанна Дамаскина и т. д.), в которой растолковываются вечные истины и указывается путь их постепенного обретения. Велико воспитательное воздействие христианской житийной литературы, повествующей о земной жизни святых — людей, воплотивших христианский идеал, исполнивших своей жизнью, а зачастую и смертью, заповеди о любви — к Богу и ближним. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский философ И. А. Ильин: «Чем раньше и чем глубже воображение ребёнка будет пленено живыми образами национальной святости и национальной доблести, тем лучше для него. Образы святости пробудят его совесть, а русскость святого вызовет в нём чувство соучастия в святых делах, чувство приобщённости, отождествления… Образы героизма пробудят в нём самом волю к доблести, пробудят его великодушие, его правосознание, жажду подвига и служения, готовность терпеть и бороться, а русскость героя — даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Все это, вместе взятое, есть настоящая школа русского национального характера» [3]. Это и шедевры древнерусской литературы «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, и поражающий, по словам А. С. Пушкина, «прелестью простоты и вымысла» Киево-Печерский патерик, и стихотворения на библейские темы, написанные М. В. Ломоносовым, А. С. Хомяковым, Г. Р. Державиным, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. А. Блоком и другими поэтами.

Следует отметить литературу на исторические темы. Особой любовью на Руси пользовались книги, посвящённые отдельным историческим событиям и лицам, описания сражений и подвигов. По сведениям одного этнографа из Смоленской губернии, «…народу приятно читать про лиц, приносивших себя в жертву России… подвиги многих незначительных лиц, проявленные во время Отечественной войны, вызывают гордость народа и глубокое уважение к безвестным героям, память о которых передаётся от старшего к младшему» [1]. По замечанию доктора филологических наук профессора В. Ю Троицкого, именно история «питает корни нации, её культуру и дух, дающие ей деятельное начало и определяющие поведение и действие» [11, с. 126]. Это и церковнославянский язык, который является важнейшим элементом православной традиции. Знание этого языка необходимо для понимания русской культуры вообще, а особенно литературы. Его изучение в основной школе повышает интерес к родной словесности, совершенствует речь учащихся, формирует представление о целостности культуры и исторической преемственности поколений. Любимой книгой русского крестьянина во все времена была Псалтирь — «величайший памятник лирической поэзии всех веков и народов. Содержание его цельное и вечное…» [9].

Другой, не менее значимый элемент русской культуры, оказывающий сильное воздействие на души подрастающего поколения, — религиозная живопись, в первую очередь иконы, в том числе и Андрея Рублёва, и фрески Дионисия, это богатейшие архитектурные традиции, это удивительная гимнография, объединяющая литургическую музыку и поэзию, это, наконец, прикладное искусство — богослужебные сосуды, оклады икон, церковные облачения, — традиции которого живы до сих пор.

Самым актуальным обстоятельством, характеризующим православную культуру, является то, что вся она, даже в мельчайших своих компонентах, была и остаётся духовно, нравственно, эстетически значимой, и одно это определяет необходимость её изучения в наш прагматический век. По замечанию диакона А. Кураева, православие не является системой изложения знаний, оно говорит о путях, которыми эти знания могут быть достигнуты. Это положение подчёркивает саму суть содержания православного образования.

Если гуманизм подчёркивает нравственное значение научных знаний, то православие говорит о глубоких метафизических корнях науки, искусства, морали, полагая в их основание христианские догматы — абсолютные, божественные истины, не нуждающиеся в доказательствах. Если светское образование ориентирует человека на внешние знания, на достижение целей земного бытия, на понимание образования как получение определённой суммы знаний, умений и навыков, овладение культурой, достигнутой человечеством за всю историю существования, — это необходимо ему для ориентации и укоренения в земной жизни, то православное образование нацелено на внеличностные, сверхиндивидуальные цели. Это обращённость к внутреннему человеку. Внутреннее знание даёт ему (человеку) понимание самого себя, своей миссии в мире, смысла своей жизни, внутренние стимулы к личностному росту. Оно ставит духовные потребности выше земных, позволяет заложить основы истинного мировоззрения, благодаря которым можно легко воздвигнуть здание светских наук. Истории Русской Православной церкви известно, что ещё отцы IV века признавали высокое значение общего классического и гуманистического образования, считая его лучшим благом, высшим украшением человека. Святитель Григорий Богослов в надгробном слове Василию Великому в особенную заслугу вменяет ему то, что он в совершенстве овладел всей полнотою современного ему образования, и

резко отзывается о невежестве тех, которые думали, что христианам не нужна и даже опасна внешняя (нехристианская) учёность.

Таким образом, разработка стратегии развития современной образовательной системы в демократической России, очевидно, не может не ориентироваться на ценности отечественной педагогической мысли, на опыт многих поколений учёных и педагогов-практиков предшествующего периода, на опыт православной педагогики. Она должна учитывать всё то богатство, то лучшее, что накоплено всеми педагогическими системами: гуманистической педагогикой — с её пиететом перед личностью ребёнка, православной педагогикой — с её многовековыми традициями в области духовно-нравственного воспитания, советской педагогикой — с её направленностью на воспитание патриотизма и служение обществу. Две традиции русской школы — светская и церковная — никогда не разрушали, а, напротив, взаимно дополняли и укрепляли друг друга, поскольку имеют под собой общие христианские основания. Ещё в 1791 году митрополит Московский Платон (Левшин), освещая первую университетскую церковь во имя святой мученицы Татианы при Императорском Московском университете (ныне — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), завершил свою проповедь словами: «Училище наук и училище Христово стали быть соединены; мудрость мирская, внесённая во святилище Господне, становится освященною; одно другому спомоществует, но притом одно другим утверждается». Думается и верится, что при разумном сотрудничестве государственной системы образования и системы духовного просвещения возможно решение многих проблем в сфере образования.

Список использованных источников

1. *Борытко, Н. М. Онтологическое понимание современного воспитания [Электронный ресурс] / Н. М. Борытко // Интернет-журнал «Эйдос». — 2007. — 1 марта. — Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2007/0301-4.htm. — В надзаг: Центр дистанционного образования «Эйдос», e-mail: list@eidos.ru.*
2. *Демков, М. И. Русская педагогика в главнейших ее представителях : опыт пед. хрестоматии / сост. М. И. Демков. — Москва : К. И. Тихомиров, 1898. — XII, 480, [2] с.*
3. *Ильин, И. А. Путь духовного обновления // Почему мы верим в Россию / И. А. Ильин. — Москва, 2006. — С. 123–374. — (Антология мысли).*
4. *Краевский, В. В. Содержание образования: вперед к прошлому / В. В. Краевский — Москва : Пед. о-во России, 2001. — 35 с.*
5. *Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви ; Догматическое богословие / В. Н. Лосский. — Москва : Центр «СЭТ», 1991. — 287 с.*
6. *Питирим (Нечаев). Тело, душа, совесть (Учение о человеке в христианской традиции и современное общество) / Питирим (Нечаев) // Малая Церковь : настол. кн. прихожанина. — Москва, 1992. — С. 202–213.*
7. *Назаров, М. Наши идеалы / М. Назаров // Слово. — 1991. — № 11. — С. 6–10.*
8. *Ничипоров, Б. В. Введение в христианскую психологию : Размышления священника-психолога / Б. В. Ничипоров. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 188 с.*
9. *Основы религии в школе. Священники в армии и на флоте (из совещания 21 июля 2009 года) [Электронный ресурс] // Блог Дмитрия Медведева. — Режим доступа: http://blog.da-medvedev.ru/post/26/transcript.*
10. *Степашко, Л. А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания : учеб. пособие / Л. А. Степашко. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2008. — 246 с.*
11. *Троицкий, В. Ю. Духовность слова / В. Ю. Троицкий. — Москва : ИТРК, 2001. — 184 с.*
12. *Шестун, Е. Православная педагогика : исторические психолого-педагогические очерки. — Самара : ГПУ, 1998. — 576 с.*

Материал поступил в редакцию 11.09.2017 г.

Сведения об авторе: Елисеева Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: nikeliseeva@mail.ru.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

НОРМАТИВНАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В статье излагаются основные положения нормативной теории культуры в мировоззренческо-философском ракурсе осмысления, обеспечивающем более высокий уровень обобщения исследуемого материала, нежели социально-функциональный уровень, на котором создавалась и излагалась эта теория. Рассматриваются основные функции культуры по социальному регулированию сознания и поведения человека и общества. Делаются оценки места культуры в процессе эволюции жизни на Земле и перспектив жизни в полностью окультуренной среде обитания.

Ключевые слова: культура, история, общество, человек, идеология, интерпретация, эволюция.

Keywords: culture, history, society, man, ideology, interpretation, evolution.

Человеческая культура — это тень человека, повторяющая все его телодвижения. В ходе истории человек всё больше и больше удалялся от природы, и культура стала его «второй природой», формируя его окружающую среду. Человек отдалился от природы сначала духом (появление религии на заре цивилизации), а затем телом (научно-техническая революция Нового времени). Что впереди? Культура…

***

Культура — это мерило нашей социальности, способности жить вместе, понимать друг друга и взаимодействовать. Это прежде всего укоренившийся *порядок взаимодействия* людей в обществе («правила игры»). Разные культуры — это разные исторически сложившиеся порядки взаимодействия, нередко совпадающие по существу, но хотя бы чуть-чуть различающиеся по форме, по внешним проявлениям. Культура — это зафиксированная в обычаях и подтверждённая историческим опытом наша способность к существованию в *коллективных формах*.

***

Культура — это продукт наших договорённостей о допустимых *нормах* совместного общежития. Культура рождается тогда, когда несколько человек начинают договариваться между собой о приемлемых формах поведения, языке общения, общих ценностях, символизирующих их образах и т. п. Для возникновения культуры нужен кто-то *Другой*, с которым придётся договариваться. Культура — это порядок согласованных взаимодействий с Другим.

***

Культура — это набор условностей, соблюдая которые, человек демонстрирует свою *социальную лояльность*, полное подчинение порядкам жизни в данном обществе. Большинство этих условностей прагматически уже совершенно не актуально, но символически они маркируют полное и безоговорочное подчинение индивида социуму. В этом и заключается главная цель культуры. Культура — это стихийная демократия в действии, подчинение интересов одного интересам большинства. Поэтому выраженные индивидуалы, как правило, становятся культурными маргиналами.

***

Культура — это наша *нормированная несвобода*. И вместе с тем это модель *социальной справедливости*, актуальная для данного общества в данное время. Социальную справедливость следует понимать как меру несвободы, как степень социальной обусловленности поведения индивида, признанную необходимой здесь и сейчас, а культуру — как форму её символического выражения. В конечном счёте социальная *свобода* — это удовлетворяющий общество баланс между коллективным и индивидуальным началами в культуре. Коллективная культура абсолютно преобладала в древности и в средневековье, а с началом Нового времени в культуре появились и первые признаки индивидуального начала, то есть условия свободы, постепенно размывавшие функциональную несвободу или, по крайней мере, компенсировавшие её различными отступлениями от этого правила. Впрочем, исключения, как известно, только подчёркивают значимость правила.

***

Всё, что социально регулируется, есть культура. Даже убийство, совершаемое в соответствии с какими-то социальными нормами, есть акт культуры. И природа становится частью культуры в тех пределах, в которых мы можем регулировать её в наших витальных или социальных интересах. А уж наши представления о природе — сплошь культурны.

***

Культура — это *текст*, который постоянно нуждается в специальном разъяснении, ибо адекватное понимание этого текста возможно только в его конкретно-историческом *социальном контексте*. Это важнейшая особенность культуры, жёстко связывающая её с историей. Культура, вырванная из исторического контекста, достоверному описанию и интерпретации не подлежит. И вместе с тем культура — сама социальный контекст, в котором действует человек. Вне этого социального контекста никакая человеческая деятельность не является культурно обусловленной и культурно оцениваемой.

***

Культурная политика — это наиболее мягкая форма внедрения *государственной идеологии* в массовое сознание (как правило, избегающая непосредственного применения насилия). Сама же культура насквозь идеологична и представляет собой конвенциональную совокупность наиболее

распространённых в сообществе взглядов, оценок, ценностных ориентаций, идеалов, эталонных образов и т. п., поэтому интерпретация культуры прошлого требует хорошего знания идеологического контекста рассматриваемой эпохи.

***

Смысл культуры определяется её актуальной *интерпретацией*, которая всегда зависит от мнения того или иного интерпретатора, ангажированного (порой неосознанно) той или иной идеологией. Отсюда и смысл культуры в основном отражает актуальную идеологию нашего времени, в рамках которой она интерпретируется. Объективная интерпретация культурных артефактов представляется невозможной в принципе, поскольку мы не можем знать, что хотел выразить создатель того или иного артефакта.

***

Культура — это способ воспроизводства *витального и социального* как *времени*, так и *пространства*. Точнее можно сказать так:

• витальное время человека производится биологически (посредством деторождения);

• социальное время производится уже культурно (посредством изменения форм общественного Бытия);

• витальное пространство жизнедеятельности образуется в процессе материального производства (еда, вещи, орудия, освоенные площадки);

• социальное пространство формируется в процессе человеческих взаимодействий (производства социального порядка и информационного обмена).

Культура — это универсальный способ преобразования витальных времени и пространства в социальные.

***

Культура отражает некоторые *законы*/*закономерности* существования вида Homo sapiens, многие из которых только сейчас постигаются наукой. Например, закон сохранения культурного многообразия человечества, не допустивший реализации ряда прекрасных социальных проектов, нёсших угрозу этому многообразию (таких как коммунизм, теория ноосферы и др.). Лучшие умы человечества мечтали об его объединении в единую социальную общность. А оказалось, что это невозможно; это противоречит закону сохранения культурного многообразия.

***

Культура — это *идентичность*. Она начинается с осознания того, что «мы» — это не «они», мы другие, мы особенные. Культура, помимо всего прочего, — это ещё и форма группового различения, это фиксация того, что мы отличаемся от всех иных по каким-то признакам, и в чертах культуры заключается манифестация этих формальных отличий, называемых самобытностью.

***

Культура фактически обрисовывает черты нашего прошлого, диктует ту *интерпретацию истории*, которая вытекает из базовых идеологических установок сегодняшнего дня, поэтому министерство культуры можно смело переименовывать в министерство вчерашнего дня. Оно более всех иных служб управляет нашей национальной идентичностью посредством актуальной интерпретации национальной истории. Это государственная служба по интерпретации истории и актуальной корректировке нашей идентичности.

***

Культура — это всегда дискуссия о *смысле истории*, которая ведётся как внутри общества — между разными группами интеллектуалов, властью и народом, религией и наукой и т. п., так и с внешним окружением. Формы этой дискуссии — идеологическое соперничество, литература и искусство, борьба старых обычаев и новых жизненных обстоятельств, традиций и инноваций, национального и социального и прочее. Но предмет спора в конечном счёте один — смысл и цель истории. Естественно, история — неживое существо и никакими собственными осмысленными целями обладать не может; это мы наделяем её удобными для нас смыслами. Смысл и цель истории — это актуальные смыслы и цели нашего коллективного существования, выраженные в формах культуры.

***

Культура по определению всегда вчерашняя. Это совокупный социальный опыт, традиции, технологии, порождённые обстоятельствами вчерашнего дня и упорно сопротивляющиеся давлению дня сегодняшнего. Культурная практика представляет собой постоянную борьбу «причёсанного и приятного» прошлого с «взъерошенной и противной» *современностью*. Культура всегда пребывает в конфликте с современностью; для неё современность —

это «печальная неприятность», потому что культура — это воспоминание. Это отрефлексированный вчерашний день. Сегодняшний день ещё не породил культуру, а только социальные практики — в области экономики, искусства, обмена информацией и прочего. Лишь завтра при ретроспективном взгляде на сегодняшние практики их назовут культурой этого года. Когда будет что вспомнить, это воспоминание и назовут культурой.

***

Культура — это «лицо» истории. Всё, что мы знаем о прошлом, — это преимущественно культура минувших эпох. По чертам культуры мы и атрибутируем прошлое, и нередко называем его «культурой ямных погребений» или «эпохой рококо» и т. п.

***

Многообразие областей культуры как *отраслей деятельности* легко делится на группу отраслей, непосредственно способствующих социальной *интеграции* общества (обычаи, нравы, право, политика, экономика, религия и др.) и опосредованно влияющих на социальную интеграцию (это прежде всего искусство, наука и философия). При этом в первой группе абсолютно доминируют коллективные формы деятельности, а во второй — *коллективное* начало уравновешено *индивидуальным*. Представляется, что историческое развитие идёт по пути сокращения коллективных форм деятельности и расширения индивидуальных, что отражается и в культуре. Это связано с углублением уровня специализированности деятельности и расширением числа специализаций. Но это не противоречит функции культуры по социальной интеграции общества, а лишь перекладывает соответствующую нагрузку с одних отраслей культуры на другие.

***

Можно трактовать историю как постепенный переход от культуры *«неустойчивого равновесия»* (подобной жёрдочке, на которой неустойчиво стоишь и при любом дуновении ветра падаешь) к культуре *«устойчивого неравновесия»* (подобной велосипеду, на котором устойчиво сидишь, только когда движешься). Первобытность — это культура «неустойчивого равновесия», а современность — культура «устойчивого неравновесия». В древности было опасно двигаться (съедят), а сегодня — опасно останавливаться (затопчут). И это особенно показательно выражено в культуре.

***

Культура, будучи упорядочивающей тенденцией общественного Бытия, тянет общество к *гомеостазу* (состояние равновесия со средой), а само общество, состоящее из множества людей и социальных групп с различающимися интересами, борется с собственной культурой и преодолевает её, не допуская достижения такого равновесия, ибо жизнь — это явление *асимметрии, неравновесности*, а гомеостаз — прекращение жизни.

***

История всякого сообщества — это борьба с собственной культурой и её *ограничительными установками*. Эта борьба бывает успешной, что называется «прогрессом», либо безуспешной, «застоем». Но исторически прогресс более жизнеспособен, нежели застой. Чем более культура застойна, однородна и локально специфична, тем менее она исторически устойчива. Она отличается слабой пластичностью к перемене внешних обстоятельств своего существования, разрушаясь от всякого внешнего воздействия. И только высокое внутреннее разнообразие культуры и высокая динамика её изменчивости, с одной стороны, понижают уровень её специфичности, но с другой — эффективно обеспечивают социальную устойчивость сообщества.

***

Давление социальных обстоятельств — это двигатель истории, а культура — её тормозная система, не дающая паровозу прогресса разогнаться слишком сильно.

***

Локальное культурное своеобразие (самобытность) — это то, чем приходится жертвовать ради ускорения темпа *социального развития*. За каждый шаг вперёд в социальном развитии приходится платить потерей части культурной самобытности. Углубление же своеобразия (практически всегда достигаемое методом усиления культурной самоизоляции) ведёт к замедлению динамики развития.

***

Все перечисленные выше свойства культуры достигают *социальной эффективности* лишь при одном условии, которое является ключевым в её функционировании. Это *нормативность* культуры, императивная значимость культурных паттернов поведения и сознания, становящихся

социальными нормами существования человека. Только при выполнении этого условия культура может быть способна к исполнению той универсальной *социально-регулятивной роли*, которую она играет. Почему культура столь нормативна? Я думаю, что попытки найти ответ в историческом опыте людей являются лишь частичным объяснением. Скорее всего, нормативный статус культуры уже заложен в гены человека (унаследован в процессе биологического антропогенеза) и действует автоматически, то есть он — наследие инстинктивной социальности высших животных. Только этим можно объяснить универсальность такого статуса. Это полностью соответствует моей гипотезе (и не только моей, но и Б. Малиновского, К. Лоренца и др.) о происхождении человеческой культуры из социального поведения животных.

***

Человеческая культура родилась в стае обезьян. В процессе эволюции приматов в человека происходила и эволюция программы животной социальности (*стадного инстинкта*) в программу *обычаев* родовой общины людей. Конечно, сегодня трудно понять, как стадный инстинкт мог породить Леонардо да Винчи или Уильяма Шекспира. Для появления художественного творчества нужно было пройти длинный путь эволюции, чтобы инстинкт преобразовался в обычай, а затем обычай — в *рациональное поведение*. Впрочем, мы вообще мало что знаем об эволюции, особенно о процессах развития мозга и формировании человеческого сознания.

***

Культура — это этап *эволюции живой материи*, на котором развитие протекает уже не на *биологическом уровне* отдельных организмов, а на *социальном уровне* целых популяций (народов), и продуктом эволюции становятся не адаптивные свойства и возможности отдельных особей, а эффекты взаимодействия этих особей в коллективе. Естественно, что главной «территорией эволюции» становятся не физические и физиологические свойства особей (как в биологической эволюции), а сознание человека, его коммуникативные возможности (язык) и регулируемое сознанием поведение (деятельность). Одновременно культура отражает характерные черты периодов истории в их наиболее устойчивых формах. Культура — это *стратегия существования людей* (программа их поведения), обеспечивающая их *коллективный образ жизни и деятельности*. В этом плане культура может быть охарактеризована как более продвинутый этап эволюции жизни, нежели природа.

***

Нужно учиться трезво видеть основные тенденции развития человечества, исходя не из умозрительных доктрин, а из наблюдаемой эмпирики. Уже ясно, что если в прошлом человек жил в окружении природы, то в будущем ему предстоит жить преимущественно в культурной среде. Значит, нужно учиться рационально строить культуру, опираясь не на идеологические соображения (как это было принято в XX веке), а на соображения витальные и экзистенциальные. Грядущая ноосфера станет не столько *новой стратегией взаимодействия с природой* (как полагал В. И. Вернадский), сколько *новой стратегией построения культуры.*

***

Культура — это мы. Подойдите к зеркалу, вглядитесь в собственные черты, и вам всё станет ясно...

Материал поступил в редакцию 10.10.2017 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ЛОБАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

РЕКЛАМА В КНР: ПОПЫТКА ПРОДАТЬ «МЕЖДУ СТРОК»

Цель статьи — представить особенности функционирования современной рекламы в Китае в условиях так называемой медиализации китайского общества. Автор использует примеры из современных СМИ КНР и применяет метод дискурс-анализа к функционированию медиарекламы в Китае.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс КНР, дискурс-анализ, медиализация.

Keywords: advertising, PRC advertising discourse, discourse analysis, medialization.

Активное развитие международных контактов КНР сегодня определяет взаимный интерес к изучению Китая, его истории, культуре, языку и бизнес-коммуникации в её медийном представлении. Российский исследователь Е. Евдокимов утверждает, что «существующая в настоящее время система информационно-политической работы в КНР может быть определена как “управляемая открытость”. Данная система характеризуется, с одной стороны, сохранением централизованного контроля власти над основными инструментами внутренней и внешней пропаганды. С другой стороны, контроль перестал подразумевать полное закрытие альтернативной информации» [3]. Одновременно с модернизацией медиатехнологий китайское руководство решилось на шаг, до сих пор вызывающий как внутри КНР, так и за рубежом наибольшее количество споров относительно своей рациональности и необходимости. Интернет-контент в Китае и на Тайване тщательно отслеживается и «просеивается» Министерством общественной безопасности. «Сомнительные» или «представляющие угрозу» материалы удаляются, и доступ к ним с территории Китая блокируется в течение нескольких минут. Технически это обеспечивается законодательно закреплённым контролем над деятельностью интернет-провайдеров и комплексной системой автоматической фильтрации и блокировки определённой информации по ключевым словам[1]. Многие иностранные ресурсы, такие как Google, Facebook, Instagram, Twitter, YouTube, частично «Википедия», заблокированы в КНР, поэтому местные жители пользуются китайскими аналогами, позабыв о существовании оригиналов. Такими «прозападными» новыми медиа выступают крупнейшие медиаплатформы страны: самая популярная блогоплатформа 新浪博客 (Синьлан Бокэ), ресурсы микроблогинга 新浪微博 (Синьлан Вэйбо), 网易微博 (Ван-и Вэйбо), 腾讯微博 (Тэнсюнь Вэйбо), социальные сети QQ 空间 (QQ Кун Цзянь), 人人网 (Жэнь-жэнь Ван), форумы 天涯 (Тянь-я), 豆瓣 (Доубань), электронные версии популярных газет 人民网 (Жэньмин Ван), 环球网 (Хуаньцю Ван) и другие. Китайский Интернет характеризуют новые социолингвистические процессы. Уходит в прошлое скепсис относительно того, что Интернет — это нечто вроде громадной свалки языковых отходов.

Экономические преобразования в экономике Китая привели к колоссальным переменам и в сфере коммуникации: каждый четвёртый житель Китая сегодня — 知名自媒体人 Zhīmíng zì méitǐ rén — блогер, развивается понятие 知名自媒体 Zhīmíng zì méitǐ (гражданская журналистика). С каждым годом власть в сфере медиа всё больше переходит к интерактивным средствам массовой информации, что само по себе означает интеграцию населения республики в мировое сообщество, то есть, по сути, снятие культурной блокады. Индустрия всё больше зависит от аудитории, которая может выбирать, что ей смотреть, слушать и читать.

Считается, что реклама представляет собой современный инструмент коммуникации, ориентированный на получение обратной связи от аудитории.

Вкратце рекламный бизнес в Китае можно охарактеризовать следующим образом: разработка визитной карточки, логотипа и вёрстка занимают не более получаса, один день на распечатку и тиражирование, на второй день — поставка товара. Процессы интеллектуализации своей системы масс-медиа (например, внедрение технологий WeChat, WeChat Pay) ещё более упростили этот процесс.

Модернизация началась с традиционного сектора — с газет и телевидения. Стержнем процесса стало тысячекратное количественное увеличение генерируемой традиционными СМИ информации. За счёт развития технических средств связи был организован непрерывный текстопоток, осуществляемый традиционными СМИ с переводом абсолютно всего контента в сферу интернет-пространства.

Китайцы отчётливо понимают, что интернет-революция будет менять сложившиеся за века базовые культурные ценности и нормативные правила всех современных человеческих обществ; что именно с помощью главенства в осуществлении процесса развёртывания информационного потока лежит ключ к изменению мировоззренческих установок и способа мышления миллионов людей по всему миру. В связи с этим всё то, что подразумевается под понятием «китайская специфика», экстраполируется на информационные технологии.

Влияние политики реформ и открытости КНР 1978 года на производство рекламы

Телевизионная реклама в Китае зародилась в 1979 году (через 21 год после начала телевещания в 1958 г.) и достигла заметных успехов.

1 “金盾工程” («цзиньдунь гунчэн») — проект «Золотой щит», иронически названный на Западе Great Firewall of China, стартовал в 1998 г., система была запущена в 2003 г., модернизирована в т. ч. за счёт приобретённых на Западе современных интернет-технологий в 2006-м и 2008 г. По информации, обнародованной 03.09.2002 г. телеканалом CCTV4 Центрального телевидения Китая, расчётная стоимость системы превысила 800 млн долларов США. По информации западных источников, за её функционирование отвечают не менее 30 тыс. чел. — в большинстве студенты, которым за удаление одного материала выплачивается по 0,5 юаня (т. н. Fifty Cent Party).

С 1978 года в КНР началось проведение политики реформ и открытости, что стало одним из самых важных, величественных и приковывающих внимание событий XX века. Реформы были направлены как на создание социализма с китайской спецификой, так и на формирование социалистической рыночной экономики и открытости внешнему миру. Естественно, с развитием предприятий малого и среднего бизнеса, появлением частного предпринимательства и возникновением конкуренции на экономическом рынке у бизнесменов возникла необходимость в продвижении своих товаров и услуг. Именно в этот момент происходило осознание важности рекламной индустрии в экономической жизни Китая. На протяжении трёх десятилетий китайская реклама проходила через множество этапов изменений и преобразований. Китайский лингвист и специалист по истории развития рекламы Ли Годун в своих работах выделяет четыре важных этапа в формировании и развитии рекламы КНР [12].

1-й этап. Восстановление рекламной индустрии в современном Китае (1979–1982 гг.). Особенности:

1) реклама занимает прочную позицию среди СМИ;

2) возникает административный контроль рекламной отрасли;

3) снижается уровень рекламы;

4) в большом количестве появляются малые и средние рекламные агентства.

2-й этап. Начало развития рекламной индустрии. Особенности:

1) является «золотым периодом» в индустрии рекламы;

2) основной слоган — “大媒体、大投入、大产出” («крупные медиа, большие инвестиции, высокий результат»);

4) модель развития маркетинговой системы “低起点、高速度” («начинаем с малого на высокой скорости»);

5) появляется множество крупных и сильных компаний, увеличивается технический персонал, повышается уровень рекламы;

6) в 1994 году принимается Закон о рекламе.

3-й этап. Вступление Китая в ВТО в 2001 году. Особенности этапа вступления Китая в ВТО в рекламной индустрии:

1) переход рекламной отрасли с маркетинговой модели “低起点、高速度” («начинаем с малого на высокой скорости») к устойчивому развитию;

2) укрепление позиций рекламных компаний; СМИ без рекламы ослабевают;

3) повышение требований к рекламным компаниям.

4-й этап. XVI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая в 2002 году. Особенности данного периода в рекламной индустрии:

1) уделяется внимание традиционным и современным культурным китайским элементам;

2) рекламный дизайн переходит от западного к более традиционному (азиатскому стандарту);

3) в связи с прогрессом в области технологий, Интернета и других новых средств массовой информации рекламная индустрия Китая развивается, опираясь на технологические инновации и инновационный менеджмент;

4) увеличивается конкурентоспособность;

5) реализуется стратегия “与消费者有效的沟通” («активное общение с потребителем»).

Эволюция рекламы КНР после проведения политики реформ и открытости на протяжении последних 40 лет привела к огромным изменениям в рыночной экономике Китая и повлияла практически на все аспекты национальной жизни его населения. Чтобы усилить контроль над рекламой, в 1982 году Государственный совет обнародовал «Административные временные правила о рекламе» для обеспечения единого управления рекламной индустрией со стороны государства и со стороны местных промышленных и коммерческих административных ведомств. И уже спустя 10 лет после проведения реформ рекламный оборот в Китае стал составлять 3 миллиарда юаней (с учётом наружной рекламы), а количество работников данной сферы составляло более 200 000 человек.

Современный этап развития СМИ КНР характеризуется наращиванием качественно новыми медиа, в корне отличающимися от традиционных. Это прежде всего онлайновые медиа, блоги и социальные сети. Ежегодно публикуется список 100 самых известных и влиятельных лиц в сфере новых медиа в КНР. Инструментами влияния здесь выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы.

Являясь компонентом сетевой компьютерной коммуникации, новые медиа перенимают ряд её специфических признаков:

– опосредованность, так как взаимодействие осуществляется с помощью технического средства — компьютера, смартфона, планшета;

– лингвосемиотичность, поскольку наблюдается широкое использование новой системы невербальных знаков, кодов, символов, а также порождение новых лексико-семантических систем в виде вербальных знаков;

– визуализованность — текст подкреплён различными образами и креолизованными элементами, тем самым повышается когнитивная доступность и реализуется функция воздействия;

– текстоцентричность — компьютер преимущественно передаёт информацию в письменной форме с помощью

клавиатуры, в то время как использование видео и звука не является обязательным;

– стилистическая разноуровневость — от возвышенного регистра до использования сленга, так как в Интернете молодёжная аудитория реализует свою потребность в самовыражении;

– эмоциогенность — Интернет создаёт коммуникативную среду для обмена оценками действительности: позитивными, нейтральными, негативными;

– полиморфность, которая заключается в массовом характере коммуникации и объединении огромной аудитории;

– дискурсивность, подразумевающая соприкосновение разного вида дискурсов и создание текстов разных тем и жанров;

– лингвокультурогенность, так как, с одной стороны, отражает давно устоявшиеся культурные системы, а с другой — порождает новые и способствует формированию их нового языка общения;

– виртуализованность — возможность анонимного общения, без раскрытия своих личных данных, пола, возраста, сферы деятельности и т. д.;

– интегральность и инспиративность, с одной стороны, и дисинтегральность и агональность — с другой, в зависимости от стоящих перед обществом задач (объединить и сплотить либо призвать к борьбе);

– аксиологичность, которая заключается в поддерживании устоявшихся социальных норм и внедрении новых форм поведения и моральных стандартов [1].

Важнейшей отличительной чертой новых медиа выступает интерактивность, заключающаяся в возможности многостороннего обмена информацией. Новые медиа развивают симметричные двусторонние коммуникации, то есть к форматам межличностной коммуникации «от одного к одному» и массовой коммуникации «от одного ко многим» добавляется новый формат «от многих ко многим» [9]. Пользователи не просто взаимодействуют друг с другом, но и самостоятельно создают контент. Интерактивность в новых медиа обычно принимает формы оценочной (рейтинги, голосования, «лайки», «репосты») и текстуальной обратной связи (комментарии, обсуждения на форуме, в чате). Онлайн-взаимодействие в границах единого информационного пространства отличает новые медиа от признаков интерактивности, присущих традиционным СМИ (например, звонок в радиоэфир или письмо читателя в редакцию газеты).

Китайцы, переходя от слов к делу, действительно занимаются созданием и развитием подобного рода медиаинструментов. Ключевые позиции здесь занимают социальные сети, реализованные в виде мессенджеров QQ и WeChat, а также огромные пространства китайской блогосферы (Weibo, Sina, XinLang, BoKe и другие). Кроме того, разработан китайский аналог видеохостинга YouTube, называющийся YouKu и имеющий аналогичные цели и задачи — выработку видеоконтента для массового потребления. Все эти ресурсы в своей совокупности занимают более 70% информационного рынка Китая. Всё чаще в современном информационном потоке КНР читаемые сообщения начинаются с фраз "据新华视点微信公众号报道…" («как сообщает официальный WeChat аккаунт информационного агентства Синьхуа…»).

Для китайцев сегодня важна скорость и технологичность. Скорость получения и выработки информации, скорость текстообмена между информационными акторами и потребителями. А скорость эта возрастает в интернет-пространстве с каждым днём. Требования суровы и всё более ужесточаются — традиционные СМИ просто не в состоянии за ними угнаться. Пользователи Интернета гораздо быстрее получат информацию о каком-то событии, пролистав свою собственную стену сообщений в социальной сети или получив push уведомление с установленного на свой смартфон приложения. Теперь появилась возможность не только потреблять сформированный или предложенный контент, но и им управлять.

В результате меняется и характер самой по себе медиакоммуникации: её больше определяет кастомизация, что и превращает современную коммуникацию в настоящий интеллектуальный капитал.

Переходя от описания эволюции медиаканалов в Китае к современному китайскому рынку, подчеркнём, что его характеризует олигополия (рыночная структура, при которой доминирует небольшое число продавцов, а вход в отрасль новых фирм ограничен высокими барьерами). Но, несмотря на это, Китай по-прежнему занимает одно из первых мест по количеству специалистов-маркетологов, не только обладающих богатым опытом в сфере рыночной экономики, но и создающих инновации в теории китайского маркетинга. Относительно стиля китайской рекламы можно заметить, что он стал включать в себя и традиционные элементы и частично перенимать манеру западных рекламных компаний, не теряя при этом свою национальную, культурную и эстетическую самобытность.

Для достижения эффективного результата реклама должна быть близка и понятна именно китайскому потребителю. Передать национальную специфику — значит учесть вековые традиции и современные реалии, образ жизни и особенности менталитета. Кроме того, важно помнить о целевой аудитории, её интересах.

Рекламный дискурс с китайской спецификой

«Коммуникация “работает” потому, что она основывается на общих культурных ресурсах в схожих социальных ситуациях — на чём-то, что становится очевидным, когда люди, которые говорят на одном языке, но живут в разных культурах, умудряются неправильно понимать друг друга» [5, с. 59]. Так, сегодня для жителя России порошок «Тайд» навряд ли ассоциируется с семейной гармонией, как в США, а такое понятие, как «китайская мечта», ни о чём не говорит среднестатистическому россиянину.

Из-за растущей эффективности своих методов убеждения реклама за короткое время укореняется в обществе как один из видов дискурса.

Рекламный дискурс является особой разновидностью дискурса, цель которого не только привлечь внимание потребителя, но и побудить его к действию: огромное количество денег тратится именно на то, чтобы реклама произвела определённый эффект на потребителя. Особенность данного вида дискурса заключается в том, что реклама не выражает прямого побуждения, но и не подлежит внимательному анализирующему прочтению. Обычно реклама никак не отделяется от общего информационного потока и воспринимается аудиторией поверхностно.

Специфика рекламного дискурса проявляется непосредственно в самом рекламном материале. В зависимости от канала передачи сообщения можно выделить различные виды пространственно-временной ориентации рекламного текста [7, с. 155].

Виды рекламы: 1) печатная (газеты, журналы и т. д.); 2) вещательная (телевидение, радио); 3) реклама в сети Интернет.

Образец журнальной рекламы швейцарских часов MIDO, “钟表杂志”.

Типы рекламы: 1) коммерческая — побуждает читателя приобрести товар; 2) социальная — призывает к изменению поведения; 3) политическая — используется как инструмент пропаганды определённых политических идей, партий, деятелей и т. п. [2, с. 59].

Рекламные объявления в Китае — очень эффективный жанр, в ходе которого можно исследовать такое явление, как интертекстуальность.

Схема категорий объектов рекламы

Рекламный рынок Китая включает в себя:

1) наружную рекламу (широко распространена в КНР);

2) рекламу в печатных изданиях;

3) телевизионную рекламу и отраслевую прессу, которая направлена на определённого потребителя;

4) интернет-рекламу (основная реклама в Китае);

5) информационную рекламу в виде каталогов и справочников.

Ввиду особенностей культурно-исторического развития Китая одной из его отличительных черт является приверженность к культуре и традиции, что также можно проследить и на примере анализа современной телевизионной и газетной рекламы. В рекламных роликах через обращение к традиционной культуре происходит представление современных брендов и услуг.

Что касается структуры китайской телевизионной и газетной рекламы, то для каждой из этих видов есть свои характерные особенности.

Структура газетной рекламы включает в себя:

1. Заголовок.

Выделяют три вида:

1. 直接标题 (прямой заголовок) — включает в себя основное и главное содержание рекламы, обращение к целевой аудитории.

2. 问接标题 (заголовок-вопрос) — не содержит в себе основную тему рекламы; используется с целью привлечения внимания аудитории.

3. 复合标题 (сложный заголовок) — состоит из трёх частей: 引题 — заголовок для привлечения внимания, 正题 — заголовок с основной частью，副题 — заголовок с дополнительной информацией.

2. Рекламный слоган.

Слоган (广告语 или 广告词) является самой важной и самой запоминающейся частью рекламы, поэтому главными его задачами являются влияние на массовое со-

Реклама в газете “温州日报”.

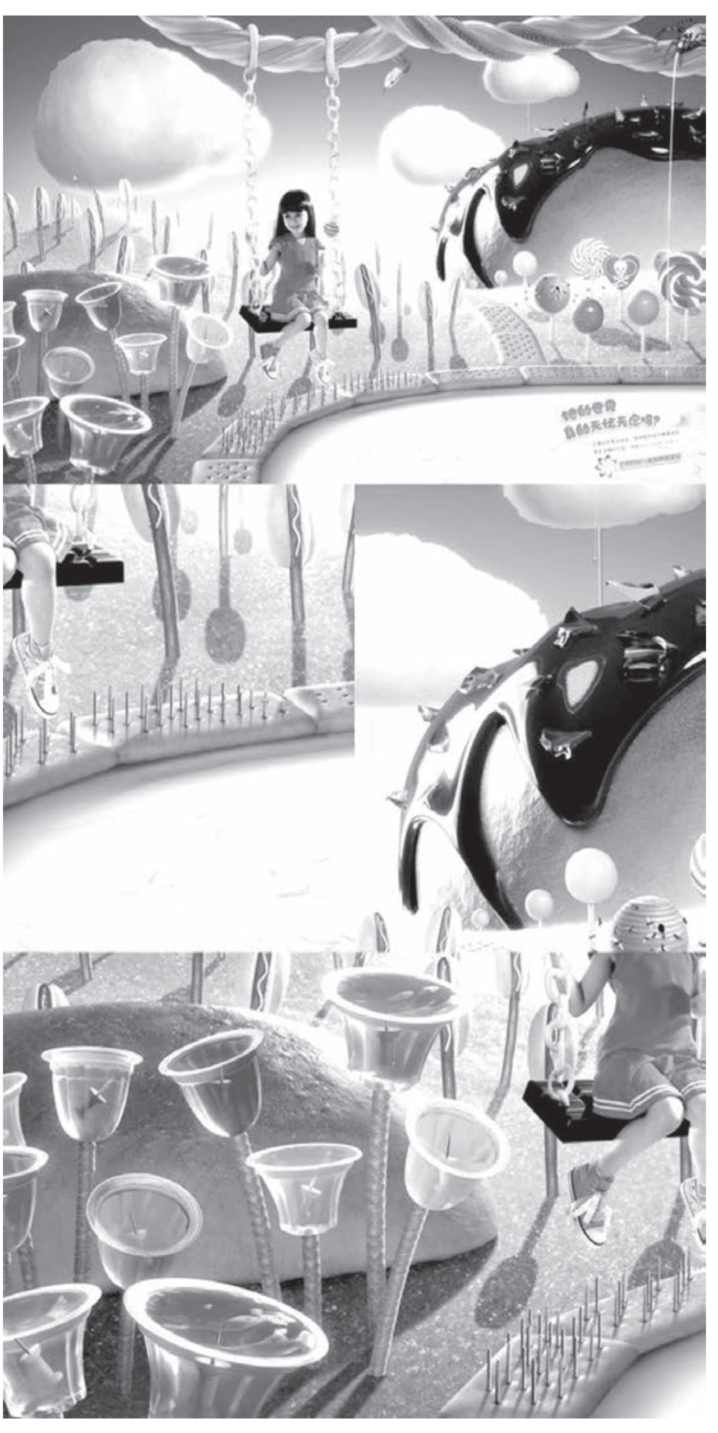
знание аудитории и стимулирование покупки товара. Для того чтобы максимально воздействовать на аудиторию, рекламный слоган сочетает в себе комбинацию языковых средств, остроту и лаконичность высказывания. Слогану в китайской рекламе присуща такая специфичная черта, как симметричность. Например: “冷热酸甜，想吃就吃” (4+4 иероглифа) — Холодное, горячее, кислое и сладкое — что хочешь, то и ешь!; “璀璨人生，有我相伴” (4+4 иероглифа) — Элегантность со мной навсегда!; “孔府家酒，叫人想家” (4+4 иероглифа) — Вино «Конфуций» — и ты опять дома! (для китайцев в США); “我不认识你，但我谢谢你!” (5+5 иероглифов) — Мы не знакомы, но я благодарен тебе!

В связи с развитием международных отношений между Китаем и странами Запада, а именно после проведения политики реформ и открытости 1978 года, на китайский рекламный рынок стали проникать названия иностранных марок и брендов. Перед рекламными компаниями встал вопрос: как сохранить исходное название товара, но в то же время придать ему специфичную китайскую окраску? Большинство крупных компаний начали заранее разрабатывать для своего товара иероглифический логотип, подбирая сходные по звучанию и смыслу иероглифы, тем самым влияя на потребителя сразу с двух сторон: иероглифический бренд китайцы запоминают гораздо лучше и быстрее, а товар с таким логотипом кажется роднее. Например: 宝来 — Фольксваген Бора (дословный перевод — «сокровище приди»); 可口可乐 — Кока-Кола (дословный перевод — «полный рот счастья»), 三星 — Самсунг (дословный перевод — «три звезды»).

3. Иллюстрация.

Выбор изображения для рекламы основывается на четырёх основных требованиях:

– иллюстрация должна быть понятна не только людям, проживающим на территории страны, где была создана эта реклама, но и доступна для аудитории во всём мире;

Социальная реклама в китайской газете “苏州日报”.

– она должна быть красочной и заметной для привлечения большего числа читателей;

– изображение должно быть сосредоточено на характеристике внешнего облика товара и ни в коем случае не противоречить ему;

– оно не должно включать в себя пропаганду запрещённых веществ, явлений и противоречащих политике КНР идеологических теорий и т. д.

Основные герои изображений: дети, девушки, жи-

вотные, бытовая техника, автомобили, знаменитости и персонажи мультфильмов. Однако важно знать, что на одном изображении может быть не более семи объектов. Китайская иллюстрация в рекламе включает в себя как современные возможности графики и шрифтов, так и элементы традиционной китайской культуры, живописи и каллиграфии.

4. Основной текст — краткое изложение или описание предметов или услуг. Как правило, он лишён эмоциональной окрашенности, так как обычно представляет собой перечисление свойств товара или его функциональные возможности.

5. Прочее — адрес, контакты, WeChat ID, QR код, примечания.

На страницах печатных изданий реклама имеет определённые правила размещения, которые зависят от объёма рекламного текста и прилагающихся к нему иллюстраций — она может занимать как пол-листа, так и весь разворот.

Функции рекламы в Китае следующие.

1. Передача информации. Это самая главная задача рекламного контента, благодаря которой потребитель узнаёт о торговой марке товара, его характеристике, сфере применения и цене. Как показывает практика, реклама является самым быстрым, наиболее экономным и эффективным средством подачи информации. Этот этап китайские исследователи рекламного маркетинга называют品牌和知名度 Pǐnpái hé zhīmíngdù (узнавание бренда) [11, с. 131].

2. Стимулирование спроса и увеличение продаж. Хорошая реклама может привлечь внимание потребителя, каждый раз напоминая ему о том, где можно купить тот или иной товар. Она поддерживает в его памяти информацию об определённом предмете, и поэтому, всякий раз видя конкретную рекламную вывеску, человек будет заходить в магазин с целью приобрести именно этот товар, тем самым увеличивая его продажи.

3. Создание конкуренции и расширение рынка.

4. Создание индивидуального образа. Реклама является не только отличным проводником информации, но и настоящим произведением искусства. Она знакомит читателя или зрителя с товаром через искусственно созданный образ, насыщенные краски и мотивирующие слоганы. Этот этап считают 2-й ступенью в рекламном маркетинге и называют 品牌美誉度 Pǐnpái měiyù dù (репутация бренда) [11, с. 131].

5. Формирование лояльности (предпочтения) к товару или фирме — 品牌忠诚度 Pǐnpái zhōngchéng dù [11, с. 132]. Путём убеждения и с помощью советов реклама подводит потребителя к мысли о необходимости совершить покупку во второй и третий раз. При этом отдельные характеристики товара несколько преувеличены, чтобы потребитель выделил именно эту марку среди прочих.

Таким образом, особенностью рекламного дискурса можно считать способность рекламы поддерживать общение с потребителем путём передачи ему информации о товаре, через создание индивидуального образа, благодаря умению заинтересовать читателя или зрителя в представленной на рынке продукции и стимулировать покупку товара, тем самым увеличив на него спрос. Важно отметить, что важную роль в восприятии рекламы играет язык, на котором преподносится информация. Он должен быть лаконичен, своеобразен и доступен для аудитории. Специфика языка рекламы обусловлена употреблением в нём тех или иных частей речи, а также наличием стилистических троп и фигур.

Всё это предопределяет сложности дискурс-анализа. Одного лишь лексического анализа недостаточно для понимания идеологической силы языка медиарекламы КНР.

***

Для анализа рассмотрим примеры коммерческой и политической рекламы в медиа КНР (интернет-ресурсы и печатные издания).

时尚芭莎 — Harper`s Bazaar — прямой заголовок, содержащий в себе название издания.

吴尊

“反派” 好男人

你喜哪个他？

Образец рекламы китайского Harper`s Bazaar (http://www.bazaar.com.cn).

У Цзюнь: положительный «злодей». Каким он вам нравится? Слоган рекламы, будучи одним из самых важных её элементов, обладающих манипулятивным потенциалом, занимает большую часть пространства на иллюстрации с фото актёра и выделяется более крупным шрифтом для привлечения внимания читателя.

В самом низу — основной текст рекламы, который не только поясняет выше представленный слоган, но и объясняет жизненную позицию известного в Китае молодого актёра и исполнителя У Цзюня, параллельно рекламирующего брендовую одежду на страницах журнала. Данная реклама является сложно компонентной, так как включает в себя все пять основных элементов: изображение, заголовок, слоган, основной текст плюс интерактивнось (ссылка гипертекста), позволяющую далее развернуть полный текст рекламы.

Тема рекламы как в газетах, так и на телевидении напрямую зависит от её типа. Если перед нами социальная реклама, то основная цель это не только описать проблемные ситуации, но и осуществить воспитательную функцию. Например, сформировать представления о правильном, здоровом образе жизни населения, предотвратить или снизить количество дорожно-транспортных происшествий. Также социальная реклама является некой пропагандой сложившихся китайских традиций и образа жизни жителей Поднебесной; может быть также призывом к защите окружающей среды. Если же реклама является коммерческой, то все её силы будут направлены на продвижение того или иного товара или услуги, расширение круга потенциальных покупателей и повышение уровня продаж.

Политическая реклама, в свою очередь, содержит в себе проблемы и актуальные вопросы государственного масштаба: это могут быть распространяемые идеологемы-концепции “一带一路” («Один пояс — один путь»), “中国梦” («Китайская мечта») и т. д. Могут просто быть плакаты в парке и образовательных учреждениях с надписью: “没有共产党，就没有新中国” («Без партии и Новому Китаю не бывать!»).

Этот вид рекламы представляет интересы как политических организаций, так и политических деятелей, рассказывает о различных идеологических концепциях и политических проектах. В этом виде рекламы слоган также имеет значение!

Итак, в лингвомаркетинге КНР слоганы играют ключевую роль, способствуя повышению продаж товара, продвижению его по всем этапам на рынке. Примером этому служит известный на весь Китай производитель молочных продуктов “蒙牛”. В 1999 году данное предприятие приобретает статус официального, и на тот момент доход фирмы составлял 43,65 миллиона юаней. Самым значительным прорывом становится 2006 год, когда с речью выступает Вэнь Цзябао：“我有一个梦，让每个中国人，首先是孩子，每天都能喝上一斤奶”。“Wǒ yǒu yīgè mèng, ràng měi gè zhōngguó rén, shǒuxiān shi háizi, měitiān dū néng hē shàng yī jīn nǎi”. («У меня есть мечта: каждый китаец, прежде всего дети, каждый день выпивает фунт молока»); в Китае проводится

Образец политического плаката социалистического Китая с надписью: «Первое — не бояться трудностей; второе — не бояться смерти!»

акция “中国牛奶爱心动” “Zhōngguó niúnǎi ài xīndòng” («Молоко “Китайская корова” растопит сердца») и реклама с таким же слоганом публикуется в газете “工人日报”. Целью акции было обеспечить сельские школы в бедных районах Китая бесплатным молоком. Благодаря реализации данной общенациональной программы, являющейся первым столь массовым мероприятием, компании удалось снабдить более 1 000 школ своей продукцией. После появления слогана “为内蒙古喝彩，中国乳都” “Wèi nèiménggǔ hècǎi, zhōngguó rǔ dū” («Браво, Монголия — молочная столица Китая!») и выхода компании на национальный рынок молочных продуктов её доход возрастает в пять раз и составляет 247 миллионов юаней.

В 2008 году, когда в Пекине проходили Олимпийские игры, появляется самый известный слоган “中国牛” («Китайская корова») по аналогии с “中国梦” («Китайская мечта»). Продукт приобретает невероятную популярность, в несколько раз увеличивая доходы от продаж. Сейчас эта компания конкурирует на мировом рынке вместе с таким известным производителем, как Danone, и в 2016 году, согласно полугодовому отчёту, её доход был равен 27,26 миллиарда юаней. История подтверждает тот факт, что именно сила рекламного слогана вывела компанию на мировой уровень, в десятки раз повысив её доходы.

Таким образом, реклама современного Китая с учётом всей специфики — культурной, лингвистической, технологической — стремится к тому, чтобы задавать вкус, стимулировать людей думать по-новому, подражать навязываемым паттернам и комбинировать различные виды культурной практики. И всё это в совокупности — в борьбе за рыночное преимущество.

Список использованных источников

1. *Галичкина, Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса / Е. Н. Галичкина // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллектив. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — Москва : Флинта, 2014. — 328 с.*
2. *Дмитриева, Л. М. Основы рекламы / Л. М. Дмитиева. — Москва : Наука, 2005. — 351 с.*
3. *Евдокимов, Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве [Электронный ресурс] / Е. Евдокимов // Международные процессы : журн. теории междунар. отношений и мировой политики. — 2011. — Т. 9, № 1. — Режим доступа: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/009.htm. — Дата обращения: 20.08.2017 г.*
4. *Массмедиа в условиях глобализации: информационно-коммуникационная безопасность : монография / под общ. ред. проф. В. И. Василенко. — Москва : Проспект, 2015. — 168 с.*
5. *Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Матисон. ; пер. с англ. — Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2017. — 264 с.*
6. *Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.] ; пер. с нем. — Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2017. — 336 с.*
7. *Паршин, П. Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / П. Б. Паршин. — Москва : Изд-во междунар. ин-та рекламы, 2002. — 249 с.*
8. *Реклама КНР в контексте традиционной культуры (опыт библиографического описания) [Электронный ресурс] // Синология. Ру: история и культура Китая. — Режим доступа: http://www.synologia.ru. — Дата обращения: 20.08.2017 г.*
9. *Crosbie, V. What is New Media? / V. Crosbie. — Режим доступа: http: www.sociology,org.uk/as4mm3a.doc. — Дата обращения: 20.08.2017 г.*
10. 作为政治的的广播：中国新闻传播解释史. *Communication as Politics* / 赵云泽著 —— 北京：中国人民大学出版社，*2017.5.*
11. 媒介品牌经营 / 汤莉萍著。—— 北京：中国传媒大学出版社，*2014. 12.*
12. 李国栋.解构品牌文化与品牌价值的内涵 — *Режим доступа: http://www.globrand.com/2009/179651.shtml. — Дата обращения: 20.08.2017 г.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 26.08.2017 г.

Сведения об авторе: Лобанова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (г. Москва). Контактные данные: e-mail: lobanovaty@mail.ru; тел. 8-914-194-05-74.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ВЕЛИЧАЙШИЙ МИССИОНЕР И УЧЁНЫЙ

Статья приурочена к 220-летию со дня рождения и 40-летию со дня канонизации святителя Иннокентия Московского (Вениаминова) — апостола Сибири и Америки, сподвижника графа Н. Н. Муравьёва-Амурского в освоении Дальнего Востока.

Ключевые слова: святитель Иннокентий, Дальний Восток, Хабаровск, Н. Н. Муравьёв-Амурский, Алеутские острова и Аляска.

Keywords: St. Innocent, Far East, Khabarovsk, N. N. Muravyov-Amursky, the Aleutian Islands and Alaska.

В плеяде выдающихся российских деятелей середины XIX века святитель Иннокентий (Вениаминов) занимает особое место. Многое успел он на своём земном жизненном пути: православный миссионер, известный географ, лингвист и этнограф, ставший митрополитом Московским и Коломенским, апостолом Дальнего Востока и Северной Америки.

«Аляска и Алеуты, Камчатка и Курилы, Восточная Сибирь от Лены до Берингова моря и российский Дальний Восток севернее Амура и восточнее Уссури до Японского моря — вот арена трудов, без сомнения, величайшего миссионера, которого когда-либо произвела Русская Православная церковь. Юность в нищете и нужде, миссионерская жизнь, наполненная тяжелым трудом и препятствиями, старость в почете и наградах — таким был путь сибирского мальчика-служки, который умер митрополитом Московским. Ремесленник и художник, лингвист и естествоиспытатель, богослов и душепопечитель, монах и архиерей — всем этим в одном лице был Иннокентий Вениаминов», — писал об этом человеке немецкий историк миссионерства Й. Глацик [1, с. 7].

Настоящее имя святителя Иннокентия (1797–1879) — Иван Евсеевич Попов. Ещё в юности он пристрастился к механике, умел работать топором и рубанком, владел многими ремёслами — от плотника до часовщика, и огромными знаниями в разных сферах.

В 1823 году двадцатипятилетний священник иркутской Благовещенской церкви Иван Вениаминов (фамилию эту он получил в 1814 г. в память об иркутском епископе Вениамине) выразил готовность поехать миссионером в Северную Америку. Здесь, во владениях Российско-американской компании, он пятнадцать лет проповедовал Евангелие коренным жителям Алеутских островов и Аляски и сыграл немалую роль в распространении среди них православной веры.

В 1840 году он становится епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, приняв монашество с именем Иннокентия — в честь святителя Иннокентия Иркутского. Теперь его паству составляли многочисленные северные племена и народы: алеуты, колоши, эскимосы, чукчи, камчадалы (ительмены), коряки, айны, тунгусы, якуты. Наблюдая сложную жизнь аборигенов, епископ восхищался их трудолюбием, творческими способностями, традиционными навыками промысла. Неся христианство этим людям, святитель Иннокентий большую часть времени проводил в разъездах по огромной епархии, проповедовал, строил часовни и храмы, учреждал миссии, приходы, открыл семинарию, школы и приют.

Особое внимание он уделял преодолению языковых барьеров в общении с прихожанами. В годы служения на Уналашке он изучил алеутский язык и открыл его для всего мира: составил грамматику и букварь, перевёл на этот язык Евангелие, Катехизис, молитвы... Это было время, когда алеуты ещё пользовались каменными и костяными орудиями труда и оружием. Позже при личном участии святителя основные богослужебные книги были переведены на якутский, тунгусский (эвенкийский) и другие языки. По своему значению миссионерская деятельность святителя Иннокентия среди коренных народов Севера сравнима с трудами Кирилла и Мефодия — святых равноапостольных просветителей славян.

Святитель Иннокентий внёс крупный вклад в общечеловеческую культуру и науку. Не только в России, но во всём мире он известен как выдающийся учёный, автор лингвистических, географических, этнографических трудов. Его фундаментальная книга «Записки об островах Уналашкинского отдела» — одно из лучших исследований по этнографии Северной Америки, с первыми точными сведениями о южной половине полуострова Аляска и его западном продолжении — 1740-километровой дуге Алеутских островов. Научную деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) по достоинству оценили организаторы Императорского Русского географического общества адмиралы Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель. Этнограф, лингвист, переводчик, святитель стал не только действительным членом авторитетного ИРГО, но и был удостоен его наград.

Сначала в Русской Америке, а позже и на дальневосточной земле он столкнулся с наступлением католических миссионеров на позиции православной веры, стремящихся к распространению на севере России католицизма как господствующей религии. С этим святитель Иннокентий смириться не мог. Для утверждения православной веры в отдалённых краях он основал несколько миссий. В 1859 году в Камчатской епархии было открыто Якутское викариатство, впервые совершено богослужение на якутском языке.

Среди славных дел святителя Иннокентия, ставшего в 1868 году митрополитом Московским и Коломенским, — учреждение православного миссионерского общества. По его инициативе в 1870 году были открыты Алеутская и Аляскинская епархии Русской Православной церкви с кафедрой в Сан-Франциско.

***

В 1850-е годы святитель Иннокентий стал одним из ближайших сподвижников генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского. С первой личной встречи в 1849 году в Петропавловске-Камчатском они пришлись друг другу по душе, вели долгие беседы о «нашем заветном Амуре» и навсегда сохранили добрые отношения. По реко-

мендации святителя генерал-губернатор ходатайствовал перед императором о назначении энергичного В. С. Завойко военным губернатором на Камчатку. Отважное руководство будущего адмирала отражением атак англо-французской эскадры на Петропавловскую крепость в августе 1854 года подтвердило верность этого назначения. Позднее святитель Иннокентий составил для генерал-губернатора проект развития на Камчатке торговли и скотоводства.

Летом 1850 года в новый портопункт Аян вместе с Г. И. Невельским, деятельным соратником Н. Н. Муравьёва-Амурского по освоению русскими людьми Приамурья, Приморья и Сахалина, прибыли на корабле два гиляка с низовьев Амура — Позвейн и Паткен. Они заявили архиепископу Камчатскому о желании своих сородичей принять православную веру. Поскольку официального решения по этому вопросу не было, святитель Иннокентий для духовно-просветительского общения с коренным населением отправил своего сына Гавриила священником в Амурскую экспедицию, рядом с которой пребывали гиляки.

В мае 1858 года святитель Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, стал деятельным участником заключения Айгунского договора. К середине XIX века проблема амурского вопроса напоминала лабиринт с множеством тупиков. Неразграниченность бассейна Амура между Россией и Китаем, утвердившееся мнение влиятельных столичных чиновников о бесперспективности амурского дела связывали руки Н. Н. Муравьёву и его единомышленникам, стремившимся «прорубить» по великой дальневосточной реке магистральный путь из Сибири к Тихому океану и навсегда упрочить за Российской империей огромную территорию на северо-востоке Азии. Обладая аналитическим умом, отличным знанием дальневосточных земель и населяющих их народов, святитель Иннокентий не только предлагал, но и принимал практические меры по решению важнейших проблем Охотско-Камчатского края и Приамурья. Его заслуги в изучении, исследовании и освоении русскими людьми восточных окраин материка стали основой духовного обеспечения важного межгосударственного акта — возвращения Приамурья в состав России. Практически святитель Иннокентий во второй половине XIX века участвовал в формировании тихоокеанского фасада государства, утверждении здесь современного региона — Дальнего Востока России.

После присоединения Амура к России святитель Иннокентий сказал Н. Н. Муравьёву знаменательные слова: «...Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда не забудет тебя наша Православная церковь...» [1, с. 11].

Святитель Иннокентий стоял и у самых истоков города Хабаровска.

...В мае 1858 года у высокого амурского берега, заросшего вековой тайгой, высадились солдаты 13-го Сибирского линейного батальона под командованием капитана Я. В. Дьяченко. Просто и буднично, под стук солдатских топоров, начал строиться пост Хабаровка — будущий центр Дальнего Востока город Хабаровск.

Это было необычное время — время крупных дипломатических успехов на востоке страны, заселения Приамурья и его освоения, строительства первых городов и сёл. И одной из главных фигур той эпохи стал архиепископ Камчатский Иннокентий, который, по образному выражению Муравьёва, «крестил Амур», благословлял эту землю, её первых жителей и её первые храмы.

По благословению святителя Иннокентия место под строительство Хабаровки и её первого храма освятил священник из Благовещенска Александр Сизой. В приход его походной Николаевской церкви тогда входила и Хабаровка. 28 июня 1858 года сюда прибыл генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв-Амурский, и в его присутствии отец Александр провёл первый молебен в Хабаровке и освятил место закладки будущего города и храма.

«...По велению и благословению архиепископа Камчатского Иннокентия, я был послан с походной Николаевской церковью из Усть-Зейского поста… до местечка, рекомого ныне Хабаровкой, — рассказывал священник Александр Сизой. — Остановились недалеко от утеса на берегу. В это время прибыл сюда на своем катере и генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв, который, не медля, приказал расчистить небольшую площадку на среднем из холмов, на которых впоследствии расположилась Хабаровка. На этой площадке и совершено было благодарственное молебствие Господу Богу Триединому и освящено место для поселения. Исправив все требы в батальоне, я вернулся... в Зейский пост» [1, с. 209].

На алтарь православной веры и великого Отечества святитель Иннокентий положил искреннюю любовь к Богу и к людям, свои научные и общественные труды, милосердие и великодушие, верность своему апостольскому призванию. При жизни этот православный подвижник был удостоен высоких наград — царских и церковных. В 1977 году святитель Иннокентий (Вениаминов) был канонизирован Русской Православной церковью. Но главной наградой для него стала народная память. Историк И. Г. Стрюченко справедливо писал о святителе: «Его жизнь, его образ — своего рода эталон, с которым можно сверять жизнь человеческую, оценивать различные её проявления» [1, с. 11].

Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл,

посетивший в 2014 году Хабаровскую, Биробиджанскую и Амурскую епархии, на встречах с общественностью поднял вопрос о приоритетности темы миссии в повестке дня Русской Православной церкви. В первосвятительском слове к верующим Хабаровска патриарх сказал: «Нам предстоит ещё очень многое сделать для того, чтобы Дальний Восток укрепился духовно и материально, стал подлинным форпостом Отечества нашего. А форпост предполагает силу, но одной только физической силой победы никогда не одерживаются. Если нет силы духа, то никакая иная сила не способна принести победу. И потому жизнь Дальнего Востока должна укрепляться верой и прирастать теми богатствами, которые пребывают в недрах этой земли и которые нужно раскрыть для того, чтобы они служили людям» [3].

Духовному возрождению Дальнего Востока поможет и обращение памяти каждого из его жителей к таким светлым личностям, как великий православный подвижник святитель Иннокентий (Вениаминов).

***

Наш современник, протоиерей Глеб Калита, так писал о святителе Иннокентии: «Перед его жизнью бледнеют биографии Ф. П. Литке, Н. М. Пржевальского, П. К. Пахтусова, Г. И. Потанина, П. К. Козлова, Г. Я. Седова, В. К. Арсеньева и многих других отечественных и зарубежных географов-путешественников…»

Уместно будет обратить внимание читателя и на следующие очень интересные факты.

Судьба почему-то особо благоволила к Ангинской школе Иркутской области. Она связала её с именами крупных исследователей прошлого. В одном из зданий школы были расквартированы учителя. Именно здесь когда-то родился «первый крестьянский историк России» А. П. Щапов [2, с. 389]. Здесь же появился на свет и провёл детские годы будущий апостол Сибири и Америки Иннокентий (Вениаминов). А в 1920-х годах в этой школе учился и будущий академик А. П. Окладников.

В этой связи можно говорить об эстафете земляков. В 1974 году известный археолог А. П. Окладников проводил раскопки на Алеутских островах. В интервью с корреспондентом газеты, рассказывая о строгих правилах по сохранению природы в национальных парках Америки, он сказал, что «…на Алеутских островах, как святыня, как народная гордость, сохраняется алеутами роща деревьев, единственная на всём архипелаге, некогда посаженная по преданию выдающимся этнографом и просветителем алеутского народа Иннокентием (Иваном) Вениаминовым. И то же самое относится к рубленным по его инициативе церквам на тех же островах».

Список использованных источников

1. *Гладких, Т. И. Иннокентий (Вениаминов) : Ученый, педагог, просветитель : док. повествование / Т. И. Гладких ; [авт. вступ. ст. А. М. Филонов]. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2016. — 334 с. : ил.*
2. *Конопацкий, А. К. Прошлого великий следопыт : (Академик А. П. Окладников : страницы биогр.) / А. К. Конопацкий. — Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. — 492 с. : фот., портр. — (Сибирская б-ка).*
3. *Слово Святейшего патриарха Кирилла после Литургии в Преображенском кафедральном соборе г. Хабаровска [14 окт. 2014 г.] // Офиц. сайт Московского патриархата http://www.patriarchia.ru/db/text/3739850.html.*

Материал поступил в редакцию 03.04.2017 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, почётный член и учёный секретарь Приамурского географического общества (г. Хабаровск), почётный гражданин г. Хабаровска.

БУРДИНСКИЙ ВИТАЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

БУРДИНСКИЕ В ИСТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Через летопись своего рода автор приоткрывает страницу истории освоения Забайкальского края и Дальнего Востока, образования ряда населённых пунктов: сёл Завитая, Краснoярово, Галкино, Корсаково и других, в чём его предки принимали непосредственное участие. Родословная одной семьи, приведённая в статье, охватывает период с XVII до середины XX века.

Ключевые слова: Бурдинские, Пётр I, Мазепа, Малороссия, Забайкалье, Городище, Завитая, Красноярово, Галкино, Шилкинский район, Амур, станица Корсаковская.

Keywords: Burdinsky, Peter I, Mazepa, Little Russia, Transbaikalia, Gorodische, Zavitaya, Krasnoyarovo, Galkino, Shilkinsky district, Amur, Korsakovskaya village.

Так исторически сложилось, что продвижение русских людей на восток, а следовательно, и освоение ими пустынных тогда территорий Забайкалья в XVII веке было делом будущего. Первопроходцы, дойдя до Байкала, поворачивали на север и обживали берега Лены. В 1632 году ими был заложен Якутск, а в 1639-м учреждено Якутское воеводство. Из Якутска была найдена дорога к берегам Тихого океана, а продвигаясь по рекам Олёкме и Тунгиру, Алдану и Учуру, преодолевая часть пути волоком, русские люди достигли Амура. Земли же за Байкалом, которые называли тогда Даурией, осваивались мелкими казачьими группами и были пока вне интересов русского царя.

Уже в 1650 году Ерофеем Хабаровым были основаны на Амуре Албазинский, а на левом берегу Аргуни, близ её слияния с Шилкой, Усть-Стрелочный остроги, а даурские места ещё только-только начали разведываться русскими служилыми людьми. В ноябре 1653 года десятник Максим Степанович Уразов, посланный сотником Петром Бекетовым, на правом берегу реки Шилки — против впадения в неё реки Нерчи, возвёл государственный острог. Получивший название Шилкской, острог был разрушен тунгусами сразу же после того, как его оставили казаки. И только в 1658 году воеводой Пашковым взамен прежнего был заложен новый острог на реке Нерче, из которого впоследствии вырос город Нерчинск [2, с. 84–85, 141]. Вместе с Пашковым в эти места прибыл первый ссыльный — протопоп Аввакум, один из предводителей старообрядчества, проживший здесь пять лет.

Процесс же колонизации забайкальских мест начался с обнаружением серебросодержащих руд в западных склонах Нерчинского хребта. В 1697 году в Даурию по указу государя Петра Алексеевича были отправлены из Верхотурья 100 беглых семей, но они, терпя в дороге лишения, нужду и голод, только в 1700 году прибыли в Нерчинск. Из вышедших с Урала три года назад 626 (или 624) душ до места поселения дошли 423. Посаженные на пашню, переселённые крестьяне основали здесь ряд слобод, в том числе Городищенскую из 10 дворов. В 1699 году на исследование в Германию были отправлены нерчинские серебро-свинцовые руды. А добыча серебра началась не ранее 1704 года [14, с. 157].

Первые Бурдинские, братья Фёдор и Фрол, не были среди первых поселенцев — верхотурских крестьян. Они прибыли сюда на год-полтора позднее в качестве челяди ссыльного пана, из числа малороссийской казацкой старшины, который был одним из врагов гетмана Мазепы. За более чем 300-летнее проживание на берегу Ингоды Бурдинские дали многочисленное потомство, которое расселилось по Забайкалью и Дальнему Востоку.

Фёдор и Фрол Бурдинские осваивали пустынные тогда забайкальские земли, но 30 марта 1709 года изменился их статус: они стали пашенными крестьянами Городищенской слободы Нерчинского воеводства. А их внуки и правнуки через 88 лет из слободских стали заводскими пашенными крестьянами, в 1797 году их приписали к Кутомарскому сереброплавильному заводу Нерчинско-заводского ведомства. В этом качестве Бурдинские прожили до середины XIX века. Став в 1851 году пешими казаками Забайкальского казачьего войска, многие из них принимали участие в заселении берегов Амура и Уссури.

В начале XX века отдельные представители нашей фамилии воевали с Японией и принимали участие в Первой мировой, или, как тогда её называли, во Второй Отечественной войне 1914–1918 годов. Революция, Гражданская война поставили многих из них по разные стороны баррикад. Каждую семью коснулась Великая Отечественная война. Так проходили годы, менялись поколения. Стали теряться и забываться родственные связи, но тяга узнать их осталась. Предполагаю, что такое желание одолевало многих, так как разговоры о нашей фамилии и каким образом она оказалась в Забайкалье, возникали и возникают часто, но дальше них дело не идёт. В лучшем случае каждый из нас, может быть, знает имя своего прадеда, да и то только потому, что помнит отчество деда. Так вот и живём мы, родства не помнящие. А между тем наши деды и прадеды не заслуживают того, чтобы о них забывали. Как правило, они были не бог весть какими важными персонами, я имею в виду их происхождение, занимаемое общественное положение, имущественный ценз и так далее. Они не занимали высоких постов. Зачастую были неграмотны. Но они были, они жили и трудились. Они дали нам жизнь, своей работой, борьбой творили то, что мы называем историей.

***

В июле 2015 года отмечалось 280-летие села Галкино Шилкинского района Забайкальского края, а немного позднее, в том же году, — 290-летие села Краснoярово этого же района. К этим двум сёлам, через которые пролегал знаменитый Московский почтовый тракт, связывавший столицу Российской империи с нерчинскими заводами и рудниками, Бурдинские имели прямое отношение: к селу Красноярово — с момента его основания, а к селу Галкино — с 20-х годов XIX века. И не только к этим забайкальским селениям.

Гетман Мазепа — личность в истории России известная. Его имя стало нарицательным именем предателя, которого А. С. Пушкин гениальным своим пером заклеймил в этом качестве. В Киево-Печерской лавре сохранилась могила, где похоронены оклеветанные и казнённые им Кочубей и

Кутомарский сереброплавильный завод, 1891 год[1].

Искра. Но у Мазепы были враги и поменьше рангом, с его подачи отправленные в ссылку. Таким недругом оказался один из запорожских атаманов, имя которого в истории не сохранилось. В 9-м и 10-м примечаниях к поэме «Полтава» А. С. Пушкин пишет о Григории Самойловиче, сыне гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I, и хвастовском полковнике Симеоне Палее, сосланном в Енисейск в это же время [12]. Когда Мазепа изменил русскому царю, то Палей был возвращён из ссылки и принял участие в Полтавском сражении. Возможно, кто-то из них, а может быть, кто-то другой прибыл на берега реки Ингоды в 1700–1701 годах со своей челядью, состоящей из братьев Бурдинских, двадцати четырёхлетнего Фёдора и Фрола 21 года, да Ивана Блохина с братом Павлом чуть-чуть старше их возрастом, пожелавших разделить со своим атаманом его ссылку.

В те времена в Нерчинском воеводстве Енисейского разряда одна из слобод носила название Городищенской. Ныне такого селения в Забайкальском крае нет. Последнее упоминание о селе Городище было в административно-территориальном справочнике Читинской области 1954 года, но вскоре то, что оставалось от Городища, слилось с западной частью села Казаново Шилкинского района.

Прибыв в Даурские края, ссыльный пан поселился не в слободе, а в восемнадцати верстах от Городища, в низовьях реки Ингоды, на её левом берегу, в Воровской пади. Таким образом, он и сопровождающие его люди основали здесь селение Краснояровское, а немного ниже по течению, на правом берегу, там, где в Ингоду впадал ручей Завитинский, выстроили заимку с избой, амбаром да скотным двором, где стали заниматься разведением скота и распахивать целину для пашни. У нерчинского начальства пан атаман числился под номером, а сопровождающие его люди никак не числились, поскольку были его собственностью. Вскоре после прибытия в здешние места он, заплатив калым, купил у кочевавшего в низовьях Онона и Ингоды бурятского рода двух молодых девушек и женил на одной Фёдора Бурдинского, а на другой — Павла Блохина. Именно от таких браков начали рождаться дети с примесью азиатской крови, которых с тех пор зовут гуранами. В 1703 году у Фёдора Бурдинского родился сын Пётр, а у Павла Блохина через год — сын Андрей. Их же братья Фрол Бурдинский и Иван Блохин остались бобылями.

В сентябре 1708 года стало известно о предательстве Мазепы. Пётр I повелел вернуть из Сибири всех его недругов, а бывших с ними людей оставить там в качестве пашенных крестьян. Перед убытием из ссылки пан отдал во владение братьев Бурдинских и Блохиных своё жильё и заимку, а в список пашенных и оброчных крестьян Городищенской слободы за 1709 год в «Книге… доходов получаемых от таможенных сборов и расходов Нерчинского воеводства» были записаны под № 32 Бурдинский — четь, под № 33

1 Фотография взята из статьи Щербаковой М. «Несчастные» (журнал «Родина», 1996 г., № 5, с. 55).

Блохин — четь, что означало: такое количество нового урожая они должны сдать в казну, поскольку 30 марта 1709 года они в качестве новопашенных крестьян взяли ссуду для посева десяти чети ржи да десяти чети ярицы у городищенского приказчика Бориса Тюменцева, о чём в этой же «Книге доходов» была произведена запись. Эту дату — 30 марта 1709 года — и следует считать официальной датой основания села Краснoярово [5]. Следовательно, в 2015 году селу Краснoярово было не 290, а 306 лет. Заимка же в Завитинской пади ещё долго была заимкой, пока сюда осенью 1795 года не были пригнаны этапом из Минской губернии по Московскому тракту и поселены здесь на вечное поселение четыре семьи братьев Бурдинских. Тогда-то это селение и получило название Завитинского…

В 1719 году по велению Петра I проводилась первая перепись населения Российской империи. В связи с этим в Именной книге Нерчинской приказной избы в реестре острогов, слобод, караулов Городищенской слободы была произведена запись: «№ 150: Октября 15 числа, Городищенской слободы прикащик Дмитрий Мирсанов, да выборные: староста Григорий Протасов, десятник Василий Селин сказали. В Городищенской де слободе пашенных крестьян и детей их и родственников мужского полу, людей больших и малых 166 человек. А живут они в 41 дворе, да 6 человек бобылей живут в 2 дворах» [9].

И далее, как уточнение, среди пашенных крестьян слободы в книгу были записаны: «№ 155. Пашенный крестьянин Павел Блохин 48 лет, у него дети: Андрей 16, Петр 10 лет. [Брат Иван по каким-то причинам не внесён в этот список, предполагаю, что к этому времени он умер.]

№ 167. Пашенный крестьянин Федор Бурдинский 43 лет, у него брат Фрол 40 лет, у него ж дети: Петр 17, Иван 15, Клим 10, Михайло 8 лет» [там же].

Первое и последующие поколения Бурдинских, проживая в Воровской пади, обживали и Завитинскую падь, постепенно устраивая там новые заимки. Поэтому не случайно среди 73 деревень Нерчинского уезда Иркутской провинции профессор Г. Ф. Миллер в 1735 году, описывая деревню Воровская Падь, или Гладышеву, указывает её размещение «на южном берегу (это правый берег) Ингоды, там, где на устье речки Завитая, в 15 верстах от Городищенской слободы» [6, с. 153]. Если вчитаться в эту запись, можно понять, что она относится к заимке, находящейся в устье ручья Завитого, к местности, где через 60 лет будет селение Завитинское. А деревня Воровская Падь располагалась на северном (правом берегу) реки Ингоды, в 8 верстах от этой местности. Почему профессор деревню и заимку записал как одно селение, мы сегодня можем только гадать.

В таких условиях выросли и дали новое потомство четыре или пять поколений Бурдинских. А осенью 1795 года на место размещения заимок в пади Завитинской были пригнаны семьи четырёх сыновей белорусского крестьянина Митрофана Бурдинского: Сафрона, Никона, Харитона и Мирона, которые после второго раздела Польши оказались российскими подданными и стали крепостными какого-то минского помещика. В 1795 году в Польше вспыхнуло восстание, которое возглавил Тадеуш Костюшко. Читинский писатель-краевед Георгий Рудольфович Граубин по этому поводу писал, что с началом восстания Бурдинские, выходцы из Польши, тоже заволновались, поэтому были немедленно отправлены за Байкал [4, с. 12]. Так, в Нерчинском горном округе появилась деревня Завитинская, основателями которой считаются Бурдинские из Белоруссии, хотя ко времени их прибытия сюда эту местность обживали потомки Фёдора и Фрола Бурдинских, о чём говорилось выше.

Не раз перечитывая «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, я всегда задавался вопросом: зачем в пустынных оренбургских степях требовалось содержать гарнизон, который и себя-то защитить не мог, и называть обыкновенное село крепостью? Оказывается, через оренбургские места пролегала знаменитая почтовая дорога, по которой гнали в Сибирь каторжан. А заканчивалась она в Забайкалье.

В 1825 году на почтовых станциях пустынного тогда участка тракта от Иркутска до Нерчинска и Стретенска были построены этапные и полуэтапные избы. В селениях, где они располагались, останавливались на ночлег партии каторжан. Там, где были этапные избы, квартировались этапные воинские команды, нёсшие службу по сопровождению партий каторжан от одного этапа до другого, а между ними находились селения, в которых размещались полуэтапы. Здесь воинских команд не было, но были избы, при которых жили каморники (кастеляны), выполнявшие обязанности сторожей и истопников. Была построена полуэтапная изба и на Галкинской почтовой станции. Строений здесь стало два: в одной избе размещалась почтовая станция, а в другой — полуэтап, да, может быть, были одна или две землянки. Впрочем, в других селениях тогдашнего Забайкалья положение было не лучше. Невеста декабриста Анненкова, Полина Гебль, приехавшая в 1826 году в Читу, бывшую тогда волостным селом, насчитала здесь 18 домов [1, с. 109].

Для ухода за полуэтапной избой в Галкино понадобились каморники, и на эту работу за 50 рублей в год вызвались Михей Бурдинский и Гаврила Логинов. Подряжались на год, да так и поселились там навсегда. Сотник Амурского казачьего войска Д. Н. Пешков, совершавший конный переезд из Благовещенска в Петербург, в своих записках упоминает, что, проезжая казачий посёлок Галкино, 5 декабря 1890 года останавливался на ночлег у казака Логинова и пил у него

Иннокентий Филиппович Бурдинский.

Жена И. Ф. Бурдинского, 1974 год.

чай с чёрной булкой. Этот казак, скорее всего, был внуком Гаврилы Логинова [11, с. 127].

Интересна история, связанная с Михеем. Он не родился Бурдинским. Он им стал. Осенью 1795 года его мать, пройдя многотрудный этапный путь, была оставлена на поселение в Завитинском. Путь-то она прошла, и сил, чтобы родить сына, у неё хватило, а вот здоровья, чтобы его вырастить, уже не было. При родах она умерла, оставив ребёнка круглым сиротой. Его отец умер ещё раньше и был погребён где-то на обочине Московского тракта. По приказу начальства новорождённый был отдан на воспитание в семьи братьев Бурдинских и записан как Михей сын Митрофана Бурдинского. Так появился в Завитинском селении его первый коренной житель. В 16-летнем возрасте Михей женился, вернее, его женили названные братья. Скорее всего, невеста была одной из дочерей кого-то из братьев Бурдинских, с которой он рос. Это была для него большая удача. Невест европейской внешности в те времена в даурских местах почти не было. Приходилось поселенцам жениться либо на невестах бурятских, китайских или монгольских кровей, платя за них большой калым, либо беря в жёны вдовых женщин много старше себя. В 1825 году у Михея и его жены Матрёны были десятилетний Роман и шестилетние Захар да Катерина. С этими детьми они переехали на житьё в селение Галкинское. Третий сын Спиридон родился на новом месте в 1830 году [10].

В 1828 году, когда на восточном участке Московского почтового тракта были утверждены штатные должности этапов и полуэтапов, из деревни Краснояровской переселили в полуэтапную деревню Галкинскую семьи ещё двух братьев Бурдинских: Григория Максимовича, 1775 года рождения, и Ивана Максимовича, 1777 года рождения. Они принадлежали к четвёртому поколению малороссийских Бурдинских [10]. Их потомки и потомки Михея Бурдинского живут в селе Галкино и в наши дни.

Об одном Бурдинском, родившемся в Галкино в 1913 году, который в 1938 году уехал из родного села с семьёй на Дальний Восток, мне хочется рассказать отдельно. Иннокентий Филиппович завербовался на строительство железнодорожного тоннеля под рекой Амур в городе Хабаровске. А его жена стала работать поваром в военном санатории, расположенном рядом со стройкой, в местечке Богдановка. Отсюда ушёл тракторист Иннокентий Бурдинский защищать Родину, стал танкистом. В 1943 году танк вместе с экипажем, участвуя в знаменитой Курской битве, сгорел, а семье прислали извещение «пропал без вести». Сегодня имя Иннокентия Бурдинского среди тысяч других в списке на стене мемориала площади Славы в городе Хабаровске.

Изучая архивные документы, обращаешь внимание на то, что из деревень Краснояровской и Завитинской в период между ревизиями населения 1816-го и 1834 года были переселены семьи Бурдинских в пределах Нерчинско-заводского округа: Фёдора — в деревню Улятуевскую, Ивана — в Кайдалово, Игнатия — в Большой Зерентуй, Семёна и его брата Иисуса — в Чупрово, Якова и его брата Леонтия — в Доно, Семёна с братом Филиппом — в Кручину, Ивана — в Зерентуй. В этот же период в порядке рекрутского набора были взяты на работы в завод в качестве рабочих честного имени из деревни Завитинской семеро, а из Краснояровской трое Бурдинских в возрасте от 19-ти до 28 лет. Среди них был и мой прапрадед Никита Миронович Бурдинский, 1807 года рождения, который с 1831-го по 1856 год служил на Кутомаровском серебро-свинцовоплавильном заводе в качестве служителя. А вернулся он в казачью деревню Завитинскую отставным служителем с пенсионом только в 1861 году, когда этой категории заводских рабочих были дарованы права свободных сельских обывателей. Здесь его с потомством записали в казачье сословие 10-го пешего батальона 3-й пешей казачьей бригады Забайкальского казачьего войска. Ни Никите Мироновичу, ни его сыновьям не довелось быть среди участников освоения Амура и Уссури. Им выпала другая судьба. Но его близким родственникам довелось быть среди первых, кто осваивал пустынные тогда берега Амура и Уссури.

***

Наверное, в Хабаровске нет такого человека, который не бывал бы на утёсе. Опираясь на ажурную чугунную решётку, вглядываясь в амурские воды, зримо представляешь, как ясным июньским днём 1854 года по широкой могучей реке плыла мимо этого утёса вереница плотов и барж, открывшая первую русскую навигацию на Амуре и вошедшая в историю

под названием Первого Шилкинского сплава, во главе с человеком, памятник которому стоит за спиной. Но ведь плыл-то генерал-лейтенант Муравьёв, генерал-губернатор Восточной Сибири, тогда ещё не граф и не Амурский, не один. Его умом, его энергией и волей была организована и собрана эта экспедиция в составе 76 грузовых барж, плотов и парохода «Аргунь», на которых плыли по Амуру от его начала до устья около тысячи солдат и казаков, сыгравших свою решающую роль в защите Петропавловска-Камчатского, в будущей Крымской войне. Затем были другие сплавы. Но этот-то сплав был первый. И плыли-то они в неизведанные места. На других сплавах были уже переселенцы, из числа тех же казаков Забайкальского казачьего войска, вчерашних горнозаводских крестьян нерчинских заводов, а попросту крепостных, с сибирским оттенком. Они-то и закладывали первые камешки в освоение пустынных тогда берегов Амура и Уссури.

Я не коренной дальневосточник. Осенью 1964 года в здешние места привёз меня из Читинской области воинский эшелон. И с тех пор я не покидал их. Служба в рядах Советской армии, а затем работа в Государственной инспекции труда по Дальневосточной железной дороге близко познакомили меня с Хабаровским и Приморским краями, Амурской областью и Сахалином. В разных местах Дальневосточного региона доводилось встречаться с людьми, носящими одну со мной фамилию. Поначалу большого внимания таким встречам не придавал, мало ли бывает однофамильцев. Но по мере того, как росло их число, выявлялась общая закономерность — когда-то их предки (родители, деды и прадеды) по разным причинам (по воле начальства или по собственному желанию) прибыли по Амуру на дальневосточные земли из Забайкалья. А в Забайкалье в период муравьёвских сплавов основная диаспора Бурдинских проживала в деревнях Завитинской и Краснояровской на берегу реки Ингоды.

Евгений Григорьевич Бурдинский, старожил города Хабаровска, фронтовик, ныне покойный, рассказывал мне, что от своих родителей он слышал, что первые Бурдинские, его деды, «приплыли по Амуру» и были среди первых пятнадцати семей, основавших в 1858 году станицу Корсаковскую.

***

31 октября 1881 года 26-летний казак Размахнинского станичного округа посёлка Завитинского, Забайкальского казачьего войска Ефим Никитов Бурдинский венчался первым браком с девицей Анной, 18 лет, дочерью Матвея Васильева Бурдинского, казака того же посёлка. Такой записью в метрической книге Чиронской Покровской церкви была отмечена свадьба моего прадеда. Это была знаковая для нашей семьи свадьба. Жених был внуком Мирона Митрофановича, пригнанного сюда из Белоруссии, а невеста — из семьи потомков Фёдора Бурдинского, с Малороссии. Удивительного здесь ничего нет. Такие свадьбы в здешних местах между молодыми Бурдинскими уже лет 50 как случались. И то, что они носили одну фамилию, никого не смущало. Родственниками они не были. Ефим Никитьевич к моменту свадьбы год как был на льготе после отбытия четырёхгодичной воинской повинности.

Кстати, семью отца невесты в 1858 году коснулся вопрос переселения на Амур, когда проводился очередной сплав. Тогда была сформирована первая рота Уссурийского пешего полубатальона из 54-х семей пеших забайкальских казаков, которые в составе Пятого Шилкинского сплава, прибыв на Уссури вместе с солдатами 13-го Сибирского линейного батальона, заложили здесь три станицы: Казакевичевскую, Корсаковскую и Невельскую [3, с. 136].

Среди первых поселенцев, основавших станицу Корсаковскую, были две семьи Бурдинских. Одна состояла из Василия Васильевича и его жены Евдокии Харлампиевны. Другая — из Григория Николаевича и его жены Елены Леонтиевны. В момент их переселения на Уссури Василию Васильевичу было 38, а Григорию Николаевичу 26 лет. Примерно такого же возраста были и их жёны. Василий Васильевич был дядей Григория Николаевича, поскольку доводился братом его отца, Николая Васильевича, оставшегося в Забайкалье. Другой его брат Матвей Васильевич был отцом девицы Анны, вышедшей замуж за моего прадеда Ефима в 1881 году. Тяжёлые условия жизни на новом месте, отсутствие медицинской помощи отразились на состоянии здоровья Елены Леонтиевны. Родив дочь Анисью (1867 г.) и сына Павла (1869 г.), она умерла в 1870 году. Пробыв более 10 лет вдовцом, примерно в 1881–1882 годах Григорий Николаевич женился вторым браком на Епитимии Нестеровне. От этого брака родились дочь Марина (9.02.1883 г.), сыновья Иннокентий (26.06.1884 г.), Константин и Николай.

После 1858 года продолжалось заселение пустынных тогда берегов Уссури забайкальскими казаками. Среди них были новые представители Бурдинских. В станице Козловской поселились Николай Семёнович, умерший 27 января 1868 года в возрасте 50 лет от «горячки», а в станице Видной — Зиновий Акимович, дочь которого Агриппина вышла замуж за Сергея Яковлевича Богданова, известного в Хабаровске купца 1-й гильдии. Этот список можно продолжить. Но это будет, возможно, темой другой публикации.

7 июня 1861 года в станице Буссе умерла от лихорадки казаческая жена Татьяна Ивановна Бурдинская (Уссурийский пеший казачий полубатальон). В метрической книге,

в разделе об умерших, причины смерти записывались в зависимости от того, какой диагноз поставит священник. А он писал просто: «от кровавого поносу, от золотухи, от воспаления желудка, от родимца, от гортанной боли, от грудной боли, от родин, от чахотки, от возвратной горячки» и т. д.

В 1872 году станица Корсаковская стала казачьим посёлком сначала Гленовского, а затем Бикинского станичного округа Уссурийского казачьего войска. В 1914 году в посёлке насчитывалось 30 дворов, здесь проживало 247 жителей, в том числе 131 мужского и 116 женского пола. Содержалось 113 рабочих и 45 нерабочих лошадей, 6 волов и 52 коровы. Основными занятиями жителей были пчеловодство и рыболовство [13, с. 124]. В посёлке проживали многочисленные потомки первых 15 семей забайкальских казаков, основавших в 1858 году станицу. Некоторые фамилии первых жителей Корсаковского мне довелось узнать, изучая метрическую книгу Усть-Уссурийской часовни Якутского духовного правления за 1861 год [7]. Это Иван Душечкин, Кузьма Митрофанов, Григорий Власов, Еремей Тюменцев, Антон Портных, Гаврила Жерекезов, Абрам Долгов, Савелий Сунгуров, Афанасий Оверин, Иван Лончаков, Николай Ульзутаев, Василий и Николай Бурдинские, чьи внуки и правнуки в довоенное и послевоенное время ещё населяли Корсаковское. Их потомки сегодня проживают в Хабаровске. Фамилии многих из них золотом написаны на чёрном мраморе Мемориального комплекса, открытого 9 мая 2015 года в селе Красноречeнском, посвящённого землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них пятеро Бурдинских, жителей села Корсаково Хабаровского района Хабаровского края.

Список использованных источников

1. Анненкова, П. Е. Воспоминания / П. Е. Анненкова. — Москва : Захаров, 2003. — 383 с.

2. Васильев, А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : [в 3 т.] / А. П. Васильев. — Репр. изд. оригинала 1916–1918 гг. — Благовещенск : Амур. ярмарка, 2007. — Т. 1. — 339 с.

3. Васильев, А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : [в 3 т.]. / А. П. Васильев. — Репр. изд. оригинала 1916–1918 гг. — Благовещенск : Амур. ярмарка, 2007. — Т. 3. — 354 с.

4. Граубин, Г. Р. На берегах таинственной Силькари / Г. Р. Граубин. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. — 303 с.

5. Книга… доходов получаемых от таможенных сборов и расходов Нерчинского воеводства. Раздел: Списки пашенных и оброчных крестьян Городищенской слободы за 1709 год // ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 47, 211.

6. Миллер, Г. Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири / Г. Ф. Миллер // Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XVIII вв.). — Новосибирск, 2007. — Т. 1. — С. 125–166.

7. Метрическая книга Усть-Уссурийской часовни Якутского духовного правления за 1861 год // ГАХК. Ф. И-85. Д. 430.

8. Метрическая книга Чиронской Покровской церкви Забайкальской области, раздел о бракосочетающихся за 1883 г., № 22 // ГАЗК. Ф. 282. Д. 3196. Л. 51, об., 52.

9. Нерчинские именные книги Нерчинской приказной избы 1719 год // ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 29, 547–548, об.

10. Перепись крестьян (Ревизские сказки) Читинской волости, Нерчинско-заводского управления 31.03.1834 г. деревень Галкино, Краснояровская, Завитинская // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17517. № 319, 322, 323.

11. Пешков, Д. Н. Путевые заметки (дневник) от Благовещенска до Петербурга с 7 ноября 1889 г. по 19 мая 1890 г. во время переезда верхом, на Сером // Амурские казаки. — Благовещенск, 2008 г. — Т. 2. — С. 113–176.

12. Пушкин, А. С. Примечания [к поэме «Полтава»] // А. С. Пушкин. Сочинения : в 3-х т. Т. 2. — Москва, 1986 г. — С. 126.

13. Список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Составл. по офиц. сведениям. — Владивосток : Изд-во Примор. обл. стат. ком., 1915. — 142 с.

14. Христосенко, Г. А. К истории заселения Нерчинского острога / Г. А. Христосенко // История городов Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1977. — С. 153–175.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 27.06.2017 г.

Сведения об авторе: Бурдинский Виталий Георгиевич, военный пенсионер, действительный член клуба «Приамурское историко-родоведческое общество» («ПИРО»). Занимается родоведческой работой фамилии Бурдинских, которой посвящены все его публикации. Контактные данные: тел.: 8-914-202-47-64, (4212) 53-06-13.

РЕДЧУН ВАЛЕНТИНА МИРОНОВНА

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с мерами государства в области переселенческой политики на Дальнем Востоке России во второй половине XIX века: правовой аспект, политические и экономические факторы, влиявшие на переселение. Автор подчёркивает превалирование государственного интереса в регулировании переселений. Прослеживаются этапы формирования правовой основы переселенческой политики России в этот период времени. Переселение представлено в качестве организованного процесса. В работе обращается внимание на постоянную заинтересованность российского правительства в освоении территории восточной окраины России.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурье, государственная политика, переселение, переселенческая политика, закон, право, крестьяне, льготы.

Keywords: Far East, Priamurye, state policy, resettlement, resettlement policy, law, statute, peasants, benefits.

Вторая половина XIX века — время эпохальных перемен в аграрной сфере России и ключевой период для развития государственной политики переселений. Российская империя в середине XIX века являлась крестьянской страной, даже к концу этого столетия доля крестьянства в населении России была близка к 74% [48, с. 32]. Аграрный вопрос являлся одним из основных вопросов социально-экономической и политической жизни страны. Значительное увеличение количества безземельных крестьян, рост аграрного перенаселения в губерниях Центральной России вызвали социальную напряжённость в стране. Отмена крепостного права сформировала целый комплекс факторов, способствовавших росту крестьянских переселений из европейской части империи. До реформы 1861 года переселения осуществлялись в основном в пределах европейской части страны, массового движения населения за Урал не было. После отмены крепостного права к заселяемым территориям за Уралом стал относиться и дальневосточный регион в составе Амурской и Приморской областей.

На всех этапах истории заселения Дальнего Востока государство регулировало переселенческие потоки. Этот контроль осуществляли органы государственного управления. Первым органом по делам Дальнего Востока стал основанный в 1849 году Особый комитет для обсуждения проблемы Амура, который наряду с вопросами подготовки и организации сплавов по реке занимался вопросами оказания помощи переселенцам.

Целенаправленная переселенческая политика правительства Российской империи на восточные окраины страны обуславливалась как внутренними потребностями, так и необходимостью военно-политической безопасности России на тихоокеанском побережье. С момента присоединения Приамурья и Уссурийского края их заселение связывалось со стратегическими интересами государства — нужно было закрепить Амурскую и Приморскую области в составе Российской империи.

Во второй половине XIX века Дальний Восток стал активно заселяемым и осваиваемым регионом на востоке страны. Как составная часть Российской империи он развивался под воздействием основных процессов, присущих и стране в целом. Вместе с тем восток России, которому отводилось особое место в её стратегических планах, имел и свои, только ему присущие черты, выделявшие его в особый район. Во-первых, его значительная удалённость от центра страны; во-вторых, заселяемая территория была, по существу, необжитой, с неблагоприятными природно-климатическими условиями проживания.

Общая численность всего населения Приамурья и Приморья в середине XIX века до начала русской колонизации составляла всего около 17,7 тысячи человек обоего пола [15, с. 195–225]. Освоение Дальнего Востока России шло по времени позже, чем были заселены другие районы страны. Славянское население здесь стало формироваться ещё в XVII–XVIII веках, однако активный процесс заселения начался со второй половины XIX века. Выделяется период с 1855-го по 1861 год как вторичное заселение русскими Приамурья и Приморья и начало экономического освоения региона [13, с. 195–225].

В соответствии с Айгунским (1858 г.) и Пекинским (1860 г.) договорами Россия возобновила активное заселение дальневосточной окраины, которое производилось как в добровольном порядке — на льготных, субсидированных началах для крестьян центральных областей России, так и в принудительном порядке — для казачьего сословия и ссыльнопоселенцев.

Первыми переселенцами на территории юга Дальнего Востока были военные и казаки. Царское правительство стремилось к прочному закреплению за Россией обширного дальневосточного региона. С этой целью на восточной окраине за счёт государства были принудительно поселены казаки Забайкальского войска, а затем штрафованные нижние чины бывшего корпуса внутренней стражи, зачисленные в состав образованного Амурского казачьего войска [9, л. 26]. Переселения забайкальских казаков в долины рек Амура и Уссури продолжались до 1862 года, когда общее число водворённых достигло 13 899 душ обоего пола [17, с. 65]. Переселяя казаков в эти места, правительство пыталось таким образом решить вопросы, связанные с обеспечением военной безопасности. Для реализации этих целей на основании Именного указа, подписанного императором Александром II 29 декабря 1858 года, было образовано Амурское казачье войско [30, № 33988]. Дополнением к этому указу стало «Положение об Амурском казачьем войске», принятое 1 июня 1860 года [31, № 35857]. Оно предусматривало наделение семей казаков земельными угодьями в размерах: от 400 десятин — офицерам, от 30 десятин — рядовым казакам на мужскую душу [10, с. 72–73; 14, с. 112; 31, № 35857]. Желающих добровольно переселиться на Амур и Уссури было мало, поэтому переселение стали осуществлять по жребию. Н. М. Пржевальский отмечал, что большинство казаков Уссурийского пешего батальона, насчитывавшего в 1868 году 5 258 человек (2 933 души мужского пола и 2 325 женского), прибыло в 1858–1862 годах из Забайкалья по жребию [28, с. 43]: «В долинах р. Амура и его притока р. Уссури, в политических соображениях, поселено было 14 тыс. казаков Забайкальского войска и до 2 500 человек из штрафных нижних чинов корпуса внутренней стражи.

Сплав переселенцев на плотах по Амуру. Вторая половина XIX века.

В 1861 г. из них основано было Амурское казачье войско, часть которого в свою очередь уже в 1889 г. была выделена в самостоятельное войско под названием Уссурийского» [17, с. 171].

Особенностью первоначальной колонизации долины Амура казаками и солдатами внутренних гарнизонных батальонов в ходе обязательного правительственного переселения являлся принудительный характер. До 1862 года, когда прекратили принудительное водворение казаков, на Амуре было основано 67 станиц, а на Уссури — 23 станицы с почти 17-тысячным населением [51, с. 314].

В заселении Дальнего Востока, осуществляемого на добровольных началах, главная роль принадлежала крестьянским переселениям. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв понимал, что успешное хозяйственное освоение дальневосточных земель, создание здесь постоянного населения невозможно без крестьян. Крестьянские переселения за счёт казны в низовья Амура начались в 1855 году [3, с. 8]. Кроме незначительного количества крестьян Иркутской губернии, переправленных на Амур вторым сплавом и поселившихся в низовьях реки в 1855 году (481 человек обоего пола), крестьянское население здесь отсутствовало до 1859 года [15, с. 51]. С 1859-го по 1861 год из Забайкальской области и Енисейской губернии было переселено 1 013 крестьян [21, с. 59]. На переселение каждого семейства из государственной казны было ассигновано по 500 рублей. Эти крестьяне расселились в низовьях Амура, между Николаевским и Мариинским постами. Для них были заготовлены и вместе с ними сплавлены всевозможные предметы крестьянского хозяйства и 562 головы рабочего и молочного скота, пожертвованные забайкальскими бурятами. Кроме того, переселенцы в течение двух лет получали казённое пайковое довольствие и освобождались от рекрутской повинности [3, с. 8].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв-Амурский понимал, что этого населения для освоения земель по берегам такой огромной реки, как Амур, было недостаточно. Он предпринимает попытку организовать с помощью государственных властных структур переселенческое движение в возвращённые в состав России районы Дальнего Востока. В 1858 году им был разработан и предложен правительству собственный проект устройства лиц, переселявшихся в Амурскую и Приморскую области: «Зашедшие в эти области крепостные люди становятся свободными со дня вступления в пределы одной из них» [25, с. 31]. В своём проекте «Правила для переселения в

Приамурский край» он обосновал предложение: разрешение нужно давать всем лицам «свободного состояния», на свой счёт, по желанию, но правительство должно предоставить ряд льгот. Для тех, кто хотел переселиться, устраняются все формальности и препятствия (кроме состояния под судом и следствием), в частности, аннулируется рекрутская очередь по прежнему месту жительства: на новом месте они освобождались от рекрутской повинности на 10 лет, а от всех государственных податей — на 20 лет. Им должны были позволить выбирать самим место для поселения и выдавать ссуду на обзаведение хозяйством из хозяйственного капитала Восточной Сибири [3, с. 8]. Суть проекта заключается в дозволении свободного переселения на Амур всех желающих и в использовании ряда льгот, призванных стимулировать приток населения [4, с. 18].

Проект Муравьёва был отклонён, хотя правительство и признавало, что «вопрос о заселении Приамурского края есть вопрос первостепенной важности» [29, с. 97]. Лишь 8 декабря 1858 года последовало правительственное указание о заселении Приамурского края. С целью ускорения процессов заселения и освоения дальневосточного края был утверждён журнал Второго Сибирского комитета, в котором излагались основные правила о свободном и казённокоштном (то есть за государственный счёт) переселении крестьян в Приамурский край начиная с 1859 года [15, с. 51]. Было решено, несмотря на предстоящие расходы, попробовать переселить на Амур государственных крестьян из густонаселённых «внутренних», то есть центральных и уральских, губерний России за счёт казны. Министерство государственных имуществ полагало, что на содержание одного переселенца в пути до Иркутска должно уйти не более 150 рублей, поэтому в распоряжение министерства решено было выделять из казны до 100 тысяч рублей ежегодно [3, с. 8]. Генерал-губернатору Восточной Сибири было также разрешено выдавать крестьянам-переселенцам ссуды на покупку скота, земледельческих орудий и т. д., не превышавшие 60 рублей на каждую семью [15, с. 51]. В 1859 году Министерство государственных имуществ начало переселение на Амур государственных крестьян из Пермской, Вятской, Тамбовской и Воронежской губерний. Изъявили желание ехать пятьсот с лишним семей вместо ранее намеченных трёхсот, но «по недостатку средств решено было отправить только 250 семейств» [18, с. 285], из них 138 — из Вятской губернии, 50 — из Тамбовской, 41 — из Пермской, 14 — из Воронежской, а также 4 семейства, «самовольно зашедшие в Томскую губернию» из Орловской (остальные задержались в дороге) [3, с. 9].

Для этих семей Министерством государственных имуществ выделялись средства на устройство барж и паромов в верховьях Амура для последующего сплава в его низовья, а также на продовольствие для сплава и на последующие два года (пока переселенцы не вырастят собственный хлеб), для семенного хлеба, на приобретение скота, различного инструмента и сельскохозяйственных орудий. Помимо этих денег непосредственно от государственной казны, оговаривались определённые суммы на ссуды крестьянам из хозяйственного капитала Восточной Сибири. Когда были определены маршруты следования, крестьянам выдали одежду, кормовые и прогонные деньги, и с 28 января по 24 марта 1860 года партиями отправляли их за Байкал [3, с. 9]. Получив контроль над Амуром путём размещения в регионе военных сил, Россия своевременно решила задачу обеспечения безопасности собственных восточных рубежей.

Официальное присоединение Приамурья и Приморья к России (Айгунский и Пекинский договоры), отмена крепостного права внесли в характер заселения Дальнего Востока изменения, обусловленные стратегическими интересами государства. Правительство стало на путь стимулирования процессов заселения и освоения восточных рубежей страны, так как дальневосточный регион мог сохранить свою российскую принадлежность только лишь при условии значительного роста численности населения.

Признание во второй половине XIX века переселенческого дела как особой отрасли государственного управления повлекло за собой принятие отдельных нормативно-правовых актов. С начала 1860-х годов характер переселения на восток России изменился, оно стало добровольным, с преобладанием в числе переселенцев крестьян. Государственные гарантии, закреплённые законодательно, стали основой социальной поддержки населения восточной окраины России в этот период. Законодательные акты гарантировали выполнение поставленных задач. Они предусматривали правила, на основании которых производились передвижение переселенцев на восток, их водворение на местах.

Государство оказывало содействие переселенцам по трём направлениям: в местах выхода, в пути следования и в местах водворения.

Размер финансовой помощи был различным на каждом этапе заселения края, зависел от степени заинтересованности властных структур в переселениях и социально-политических событий внутри страны. Переселенческие законы, правительственные циркуляры и распоряжения, уточняющие переселенческое законодательство, устанавливали процедуру миграции, учреждали систему переселенческих организаций, определяли виды, размеры и порядок выдачи ссуд переселяющимся, предусматривали льготы переселенцам и их обязательства перед государством. Вопросы

Отвод участка земли переселенцам. Приамурский край, конец XIX века.

переселенческой политики правительства в отношении крестьянства нашли своё отражение в законодательных актах и постановлениях высших органов власти.

Движению крестьян-переселенцев из различных губерний Российской империи на Амур способствовало принятие 26 марта 1861 года «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях», которые с некоторыми изменениями от 1882-го и 1892 года просуществовали до 1901 года [12, с. 240]. Оба региона были объявлены правительством открытыми для освоения как крестьянам, не имеющим земли, так и предприимчивым людям всех сословий, желающим переселиться за собственный счёт. Решиться на переезд могли только те, кто имел необходимый для этого материальный ресурс и рассчитывал на свои силы в обустройстве на новом месте. Несмотря на то, что новосёлам были предоставлены значительные льготы на новых местах поселения, до Амура они должны были добираться без помощи от казны [20, с. 31; 32, № 36928].

В основе утверждённых правил лежал принцип добровольного льготного переселения с правом всем поселяющимся отвода свободных участков земли во временное пользование или в полную собственность. Положение разрешало крестьянам переселяться в составе обществ или отдельными семьями. Желающим селиться целым обществом, которое должно состоять не менее чем из 15 семей, отводился сплошной участок земли в размере 100 десятин на каждое семейство в бесплатное пользование на 20 лет. Переселенцы могли дополнительно приобретать землю в собственность по цене 3 рубля за 1 десятину [20, с. 31; 32, № 36928]. Правилами предусматривались равные права наделения землёй для российских и иностранных подданных. Кроме этого, отдельное хозяйство обязано было освоить весь отведённый ему участок земли в пятилетний срок, в противном же случае правительство имело право его (участок) изъять у такого хозяйства. Это был первый законодательный акт, закрепивший порядок землевладения на восточной окраине.

Главным мотивом переселения крестьян из центральных районов России на Дальний Восток была неудовлетворённость размерами земельных наделов. В европейской части России средняя обеспеченность крестьян землёй составляла 7–8 десятин на один двор при норме 15–16 десятин, а переселенцы получали по 100 десятин (самый большой в России надел) [41, с. 51]. Отдельные статьи данного закона

свидетельствуют о том, что правительство хорошо понимало значение мотивации переселенческого движения на окраины страны, адаптации на новом месте поселения с учётом региональных особенностей переселенческого движения. Например, «Правила» стимулировали преимущественное заселение определённых мест. Так, если территории бассейна реки Уссури имели наибольшее значение в геополитическом плане, то там земля предоставлялась в вечное и постоянное пользование основателям компактного поселения: «На пространстве от вершин р. Уссури и по его течению к морю такие участки предоставлять в вечное и постоянное пользование всего общества» [15, с. 52]. Позднее, в апреле 1861 года, появился указ Сената, предоставивший значительные льготы переселенцам. В соответствии с пунктом 10 этого документа, все переселившиеся на Дальний Восток за свой счёт освобождались от рекрутской повинности в течение десяти наборов. Кроме того, они навсегда освобождались от уплаты подушной подати и лишь по истечении двадцатилетнего срока (со дня издания указа) должны были уплачивать поземельную подать [15, с. 52; 25, с. 35].

Наделение переселенцев землёй путём передачи её в собственность побуждало к переезду, как правило, людей трудоспособных, экономически активных. Это были в основном зажиточные крестьяне. По словам очевидца, «на Амур шли зажиточные, семьянистые и слывшие у себя на родине толковыми людьми, крестьяне» [25, с. 37]. Свободное переселение и значительный 100-десятинный семейный надел — эти условия переселения являлись специфическими для Дальнего Востока.

Влияние внешнеполитического фактора на всю политику России по Дальнему Востоку было превалирующим над другими. Процесс заселения восточной территории находился под постоянной угрозой опережения Российской империи другими государствами, поэтому скорейшее заселение пустующих земель русскими стало стратегической целью правительства. В 1866 году правительством были утверждены «Особые правила» для переселенцев в Южно-Уссурийский край, на основании которых им предоставлялись дополнительные льготы (денежная ссуда по 100 руб. на семью, запас продовольствия на год и полная свобода в выборе мест для поселения) [20, с. 32; 25, с. 37]. Новые условия для переселения усилили движение крестьян на дальневосточную окраину.

Помимо переселенцев из европейской части России, в Южно-Уссурийский край стали прибывать и крестьяне, недавно переселившиеся в Амурскую область и северные районы Приморской области. С 1866-го по 1869 год в край прибыло 1 573 человека, в том числе 1 371 человек (87,1%) из Амурской области [25, с. 37].

По итогам первого этапа крестьянского переселения на Дальний Восток на территорию Амурской области и Южно-Уссурийского края прибыло более 12 000 крестьян. Что касается регионов выхода переселенцев, то наибольшее их количество прибыло из Тамбовской губернии; затем следуют Воронежская, Самарская, Саратовская, Вятская и Пермская губернии [15, с. 51]. Около 20% переселенцев были выходцами из Сибири [2, с. 26].

В последующие годы правительство продолжало увели-

Дом-землянка новосёла во второй год водворения. Приамурский край, конец XIX века.

чивать льготы семьям, уже переселившимся на восточную окраину, о чём свидетельствует закон «О предоставлении жителям Приморской области Восточной Сибири льготы в платеже пошлин и отправлении повинностей», принятый в 1872 году [33, № 51506].

Внимание правительства к проблеме заселения Дальнего Востока усиливается в конце 1870-х – начале 1880-х годов, что было связано прежде всего с осложнением внешнеполитической обстановки в регионе. По мнению военного губернатора Приморской области П. Ф. Унтербергера, «нужно было подумать... о создании... оплота славянской расы против мирных, экономических завоеваний жёлтой расы, всё больше заполнявшей край с целями промышленности и торговли» [49, с. 74].

По мере нарастания аграрного перенаселения в центре страны правительство вынуждено было вносить коррективы в переселенческую политику. К концу 1870-х годов движение переселенцев уже не укладывалось в рамки действующего законодательства. Возникла острая необходимость издания специального переселенческого закона. Ответом на рост вольного переселения стали «Временные правила о переселении крестьян на свободные казённые земли», разработанные правительством и утверждённые императором 10 июля 1881 года. Новые правила предусматривали возможность переселения крестьянских семей на окраины только по взаимному соглашению министров внутренних дел и государственных имуществ. Этот законодательный акт декларировал право на переселение тем сельским обывателям, чьё «экономическое положение к тому побуждает» [1, с. 453, 454], в основном малоземельным. За переселенцами сохранялись все их прежние недоимки. Особенностью этих правил являлось то, что они не были опубликованы. Губернаторам были разосланы секретные циркуляры, в которых сообщалось, что «оглашение их признано было неудобным, из опасения возбудить среди крестьян чрезмерное стремление к переселению» [16, с. 25]. Отсутствие официальной публикации диктовалось также тем, что в самом правительстве не сложилась чёткая позиция по переселенческому вопросу.

В 1881 году, в связи с завершением льготного периода, предоставленного сельским переселенцам «Правилами» 1861 года, генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о продлении их действия. 26 января 1882 года на основе решения Государственного совета был принят закон «О некоторых изменениях в правилах о льготах пе-

Переселение пароходами Добровольного флота по маршруту Одесса — Владивосток, 1880-е годы.

Временное жилище крестьян-переселенцев. Приамурский край, 1890-е годы.

реселенцам в Приамурском крае» [34, № 633]. Он продлял действие «Правил» от 26 марта 1861 года ещё на 10 лет, но они уже не распространялись на иностранцев. Лишь в особых случаях генерал-губернатор мог сделать исключение для отдельных иностранцев, проживающих на Дальнем Востоке России. Для русских подданных в новых правилах были предусмотрены дополнительные льготы: освобождение от земских повинностей (денежных и натуральных) на три года; обеспечение продовольствием всех членов переселившихся семей на полтора года; освобождение семей переселенцев от уплаты всех податей и повинностей (кроме общественных) в течение первых пяти лет. Кроме того, правилами поощрялось переселение за собственный счёт (своекоштное переселение).

В 1861–1881 годах переселение крестьян на дальневосточную окраину осуществлялось своекоштно, сухопутным путём, без оказания со стороны государства помощи переселенцам в пути. Предпочтение в переселении отдавалось сильным, зажиточным крестьянам. Всего за этот период на Дальний Восток переселилось 11 634 крестьянина [20, с. 33]. И в дальнейшем законодательная база переселений, а также практические меры по ускорению заселения дальневосточной окраины заметно оживляют темпы переселенческого движения.

До начала 1880-х годов осваивалось, главным образом, Приамурье; Южно-Уссурийский край заселялся медленными темпами. Крестьяне-переселенцы добирались на российский Дальний Восток сухопутным путём в течение двух-трёх лет [42, с. 113–114]. Важную роль в ускорении переселения сыграло создание на пожертвования народных масс России Добровольного флота и установление регулярной морской связи региона с европейской частью страны. Правительство рассматривало морские перевозки как один из способов решения военно-стратегических и политических задач за счёт скорейшего увеличения населения в Южно-Уссурийском крае. В 1880 году рейсом парохода «Москва» было открыто морское сообщение между Одессой и Владивостоком, что положило начало активному притоку переселенцев [25, с. 40]. Переселение морским путём из европейской части России в Южно-Уссурийский край представляло собой организованный процесс и осуществлялось на основании изданного 1 июня 1882 года закона «О казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край» [43, с. 216–218]. Этот важный государственный акт в переселенческой политике

предусматривал ежегодную перевозку морским путём из Одессы во Владивосток 250 семей из европейской России в течение трёх лет за счёт государства. Правительство брало на себя не только оплату проезда, но и затраты на первоначальное обзаведение переселенцев в местах водворения [5, с. 32; 50, с. 131]. Успех колонизации был предопределён экономическими мерами, заложенными в этом законе. Подбором контингента занималось ведомство внутренних дел, заготовление предметов продовольствия и обзаведения для отправки из европейской России и препровождение переселенцев до их отправки морем возлагались на одесского генерал-губернатора, общее руководство с момента прибытия крестьян на Дальний Восток осуществлял восточно-сибирский (позднее — приамурский) генерал-губернатор [47, с. 216–217].

Для организации морских переселений были разработаны «Правила для руководства при переезде на пароходах Добровольного флота» [43, с. 222–225], которыми предусматривались санитарные мероприятия, медицинский осмотр переселенцев, продовольственное обеспечение. Ответственным органом за осуществление морских переселений была назначена специальная комиссия при Министерстве внутренних дел, созданная в 1896 году [49, с. 97]. В её обязанности входило предоставление санитарной и врачебной помощи на пароходах Добровольного флота.

Взаимодействие различных ведомств при организации передвижения и первоначального обустройства семей переселенцев свидетельствовало о серьёзном подходе к этому мероприятию со стороны правительственных чиновников.

По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина в 1883 году из Одессы во Владивосток была направлена на пароходах «Россия» и «Петербург» первая партия переселенцев за казённый счёт (255 семей в составе 1 579 человек обоего пола). Всего за три года в Южно-Уссурийский край за счёт государства было перевезено 4 688 человек (затрачено более 1 млн рублей) [25, с. 40]. Каждая семья обходилась казне в 1 300 рублей [23, с. 48]. Помимо оплаты проезда на пароходах Добровольного флота, государство предоставляло переселенцам различные безвозвратные пособия [5, с. 34].

Поездка длилась около 50 дней, что было значительно быстрее сухопутного пути, занимавшего у крестьян от

Деревня крестьян-новосёлов. Приамурский край, 1880-е годы.

четырёх-пяти месяцев до двух лет. Подобная организация перевозок, а также разносторонняя государственная помощь в виде бесплатного проезда, бесплатного предоставления строительных материалов, сельскохозяйственных инструментов, скота и семян во многом положительно сказались на увеличении количества желающих переселиться в Южно-Уссурийский край и привели к формированию здесь новых населённых пунктов [5, с. 32–33]. Д. Г. Анучин рассматривал земледельческое население как стратегический ресурс: крестьянство должно было обеспечивать военные силы региона продовольствием, а главное — служить опорой войск, гарантией и фактом русского присутствия [45, с. 18]. Заселение Южно-Уссурийского края призвано было решить в первую очередь «высшие военно-политические цели» — закрепление за Россией вошедших в её состав территорий [5, с. 31].

В связи с необходимостью приёма и сопровождения большого количества переселенцев, в октябре 1882 года во Владивостоке было создано Южно-Уссурийское переселенческое управление Министерства внутренних дел во главе с Ф. Ф. Буссе. Такой шаг был вызван тем, что в начале 1880-х годов Южное Приморье превратилось в основной колонизируемый район. До этого времени переселенческие вопросы решала полиция, которая выдавала разрешение на переселение. Функции переселенческого управления включали в себя: руководство межевым делом; исследование земель в отношении их пригодности к заселению; наделение землёй; собрание сведений о положении запрошенного в собственность участка, чтобы его отвод не послужил к обесцениванию смежных земель или во вред образования нового селения; устройство быта переселенцев; выдачу ссуд и контроль по своевременному и правильному их возврату; снабжение переселенцев сельскохозяйственным инвентарём; заведывание зданиями для переселенцев [40, л. 61]. Поток переселенцев в Южно-Уссурийский край начал возрастать с 1890-х годов: в 1891-м прибыло 755 человек, в 1892-м — 2 307, в 1893-м — 2 822, в 1894-м — 3 487 человек [40, л. 109]. По утверждению Ф. Ф. Буссе, «…распространение русского элемента наиболее соответствует политическому закреплению страны, то есть главной побудительной причиной всего заселения» [5, с. 53].

Опыт первых трёх лет перевозок в Южно-Уссурийский край был высоко оценён на правительственном уровне, даже несмотря на возникшие при реализации переселенческих мероприятий затруднения. Вследствие этого 18 апреля 1886 года действие правил 1882 года было продлено на один год, а после получения отчётов и соображений Министерства внутренних дел и местных властей Государственный совет 12 мая 1887 года разрешил проводить морские переселения ещё в течение шести лет [50, с. 132].

С 1886 года, в связи с ростом желающих переселиться в Приморье за свой счёт, правительством было решено прекратить казённые перевозки («казённокоштное» переселение), перейти исключительно к «своекоштному» с сохранением всех льгот по новому месту жительства, установленных ранее для казённокоштных переселенцев [5, с. 57]. Все новосёлы по прибытии на место получали 100-десятинный земельный надел на каждую семью, с них снимались все недоимки, оказывалась помощь в приобретении сельскохозяйственного инвентаря. Для желающих отправиться на Дальний Восток был установлен залог 600 рублей — минимальная сумма для полного обзаведения на новом месте и прокормления семьи до нового урожая [25, с. 41]. Такой способ переселения крестьян в Приморье был признан целесообразным и дал наибольший приток переселенцев [25, с. 41]. С 1884-го по 1891 год в Приамурский край за собственный счёт прибыло 1 597 семей (9 753 человека обоего пола) [19, с. 130]. Своекоштными переселенцами на юге Приморья в этот период было основано 54 деревни [7, с. 47]. В других частях Сибири переселенцы тогда такими льготами не пользовались, поэтому на Дальний Восток, особенно в 1880-е годы, прибывало относительно большое число переселенцев, проследовавших за Урал сушей или через Одессу морем.

В целом 1880-е годы можно считать подготовительным этапом массовой колонизации 90-х годов XIX – начала XX века. В это время государство приступило к созданию специальной структуры государственных учреждений, в том числе и местного уровня. Их задача заключалась в изучении колонизационной вместимости территорий, образовании переселенческих участков (переселенческие отряды и партии), организации систематического учёта (регистрационные пункты в Челябинске и Тюмени) и т. д. Если с 1861-го по 1885 год ежегодно за Урал переселялось в среднем по 12 тысяч человек, то в 1886–1895 годы эта цифра возросла до 39 тысяч [8, с. 116].

С конца 1880-х – начала 1890-х годов стали проявляться новые тенденции в переселенческой политике. Дальнейшее регулирование своекоштных переселений крестьян осуществлялось на основании очередного закона от 13 июля 1889 года «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» [35, № 6198], который значительно расширил возможности потенциальных переселенцев.

В этом законодательном акте предусматривалось освобождение крестьян от уплаты казённых сборов на три года.

Крестьяне-переселенцы. Приамурский край, конец XIX века.

В следующие три года переселенцы платили только 50% от положенной суммы сборов. Новосёлы получали отсрочку в отбывании воинской повинности на три года и имели право на получение семенных ссуд в местах водворения. Переселенцы освобождались также и от выплаты процентов за просроченные платежи.

Кроме определения характера и размера льгот, предоставленных новосёлам, закон 1889 года содержал указания, ограничивающие переселение. Сохранялся порядок прохождения ходатайств о переселении. Их суть состояла в том, что без предварительного разрешения Министерства внутренних дел переселяться нельзя и что рискнувшие на это должны были вернуться в места их приписки распоряжением власти [1, с. 455]. За администрацией осталось право в каждом отдельном случае решать вопрос о возможности и условиях переселения. Получившим разрешения не нужно было «испрашивать» увольнительных приговоров от своих обществ. В противоположность «Временным правилам» 1881 года закон 1889 года был обнародован, за исключением статей, согласно которым для переселенцев устанавливалась возможность получения ссуд при водворении. Обнародование этих правил имело целью уменьшение самовольных переселений [18, с. 116–117]. Введение ограничений, которые усиливали регламентацию

передвижений на восток, не смогло снизить численность самовольных переселений. Освобождение от обязанности брать увольнительные приговоры от общества, уплачивать недоимки, ссуды на продовольствие вызвали усиление переселенческого движения. Многие крестьяне переселялись самовольно, поэтому действие этого закона правительством было ограничено уже в 1892 году.

На Дальнем Востоке административными преследованиями самовольное движение не сдерживалось, так как переселение было признано необходимым для окраин в целях «распространения и упрочения русской народности». «С государственной и экономической точки зрения должно оправдываться переселение лиц всех состояний и во всех его видах, коль скоро оно возникает из потребности жизни» [1, с. 454]. По мнению вице-председателя созданного в 1892 году Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) Н. Х. Бунге, основополагающим в колонизационной практике должно стать правительственное воздействие, которое не будет задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, а придаст переселенческому движению правильную организацию [16, с. 213].

Во второй половине XIX века переселенческое движение многократно выросло. Всего с 1882-го по 1891 год на Дальний Восток прибыло 25 223 человека из крестьянского сословия [20, с. 34], это 6,2% от общего числа прибывших в азиатскую часть России (в среднем это составляло 2 605 человек в год), что в 3,2 раза больше, чем в 1861–1881 годах [25, с. 41].

Опыт дальневосточного проекта 1882–1892 годов оказал определённое влияние на управление и финансирование переселенческого дела. Законодательно разработанный в качестве вспомогательной составляющей комплекса оборонительных мероприятий план морских перевозок крестьян судами Добровольного флота на практике положил начало процессу систематического заселения края, а также предвосхитил ряд важных элементов государственной переселенческой политики 1890-х годов [50, с. 134]. Всего с 1883-го по 1901 год в Южно-Уссурийский край по морю перевезено 55 208 человек, в том числе 7 029 человек (12,7%) казённокоштных [25, с. 41].

В 1890-е годы дальневосточная политика становится одним из приоритетов правительства, что сказывается и

СВИДѢТЕЛЬСТВО

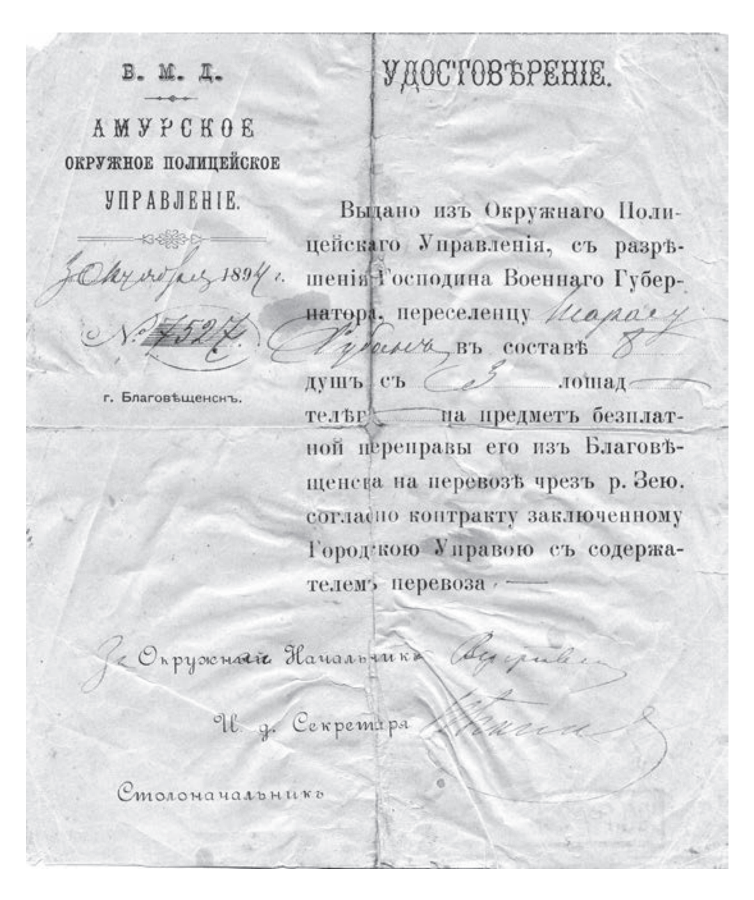
на право проѣзда по переселенческому тарифу.

Волостной Старшина

Волостной Писарь

М. П.

Свидетельство на право проезда по переселенческому тарифу № 8052 крестьянина-переселенца Рубана Тараса Матвеевича (следовал из Екатеринославской губернии в Амурскую область). 1894 год.

В. М. Д.

АМУРСКОЕ
ОКРУЖНОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ
УПРАВЛЕНІЕ.

3 Октября 1894 г.

№ 7527.

г. Благовѣщенскъ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Выдано изъ Окружнаго Полицейскаго Управленія, съ разрѣшенія Господина Военнаго Губернатора, переселенцу Тарасу Рубану въ составѣ 8 душъ съ 3 лошад телѣг на предметъ безплатной переправы его изъ Благовѣщенска на перевозѣ чрезъ р. Зею, согласно контракту заключенному Городскою Управою съ содержателемъ перевоза —

За Окружнаго Начальника

И. д. Секретаря

Столоначальникъ

Удостоверение семье крестьянина-переселенца Рубана Тараса на право бесплатной переправы из Благовещенска по реке Зее. 1894 год.

на переселении. В июне 1892 года Государственный совет принял решение «О продлении действия правил, касающихся переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, об изменениях и дополнениях этих правил» [36, № 8755]. По этому закону свидетельства на право переселения в Амурскую и Приморскую области выдавались тем семьям, которые имели средства, достаточные для переселения и водворения в новом месте жительства без всякого пособия от казны. Практика показала, что наиболее существенным был эффект от деятельности переселившихся на Дальний Восток самостоятельно [38, с. 53]. Для семей переселенцев и ходоков предоставлялись новые льготы: при водворении — освобождение от казённых платежей и земских денежных сборов на 5 лет; в течение следующих 5 лет — обложение в половинном размере; списание с переселенцев недоимок в казённых сборах. Приостановка выдачи разрешений на переселение в другие места Сибири привела к значительному возрастанию числа переселяющихся на Амур. В 1892–1900 годы, несмотря на новые условия переселенческого закона 1889 года, темпы крестьянских переселений на Дальний Восток ускоряются.

Правительство вскоре начинает отходить от ограничительной политики в сторону разрешения и поощрения переселений. Главную роль в этом сыграли две правительственные организации — Комитет Сибирской железной дороги и Переселенческое управление, учреждённое в конце 1896 года для сосредоточения всех дел по переселению в одном органе.

КСЖД стал инструментом в реализации государственной политики по освоению Сибири и Дальнего Востока. Создание комитета было мотивировано особыми стратегическими обстоятельствами. Важнейшим, приоритетным направлением его деятельности было оказание планомерного правительственного содействия переселенцам. Первоочередной задачей, возложенной на Подготовительную комиссию КСЖД, была подготовка свободных земель для заселения и отвод их переселенцам. В мае 1893 года на заседании Подготовительной комиссии при комитете было признано, что «…необходимы самые энергичные и решительные меры, чтобы переселенческое движение на восточную окраину было поставлено по возможности в благоприятные условия» [39, л. 4, об.].

В связи с развёртыванием железнодорожного строительства открывались новые возможности для заселения Сибири и Дальнего Востока. С 1891-го по 1900 год вдоль уссурийского участка Сибирской железной дороги было основано 45 крестьянских селений [25, с. 42]. До сооружения этой железной дороги крестьяне селились преимущественно по берегам рек и около трактов, а после — преимущественно вдоль железнодорожной магистрали и транспортных ответвлений от неё.

Расширение общей постановки переселенческого дела в 1890-х годах сопровождалось увеличением льгот для переселяющихся. 5 июня 1894 года вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам, переселяющимся с установленного разрешения» [44, с. 215–220], разработанные КСЖД. Они рассматривались и дополнялись в 1896-м, 1899-м и 1903 году [37, с. 97–98]. В 1894 году КСЖД установил единый переселенческий тариф [37, с. 97–98].

Строительство железной дороги потребовало заселения огромной территории. Инициатор строительства железных дорог в России С. Ю. Витте писал: «Как это ни удивительно, но несомненно, что ещё в 1898 г. в связи с сооружением Сибирской дороги, мною был поднят вопрос о переселении, т. е. о том, чтобы дать возможность безземельному крестьянству двинуться по направлению к Дальнему Востоку и засеять сибирские пустыни...» [6, с. 514].

Во второй половине 1890-х годов правительство изменяет порядок управления переселенческим делом. В 1896 году, в связи с необходимостью государственного контроля

Семья переселенцев Бояриновых, прибывших в Приамурский край в конце XIX века.

за перемещением больших крестьянских масс из Центральной России за Урал, в Министерстве внутренних дел было учреждено Переселенческое управление как центральное государственное ведомство по переселенческим делам [1, с. 461]. На этот орган были возложены упорядочение переселенческого движения, задачи выдачи разрешений на переселение, правительственных пособий переселявшимся крестьянам и забота о начальном устройстве новосёлов на новых местах [26, с. 9]. Эта структура стала важнейшим органом в реализации переселенческой политики российского правительства на Дальний Восток. «…Могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им», — утверждал историк М. К. Любавский [22, с. 474].

Новым явлением в реализации политики по привлечению населения на Дальний Восток на данном этапе стала легализация ходачества. Официальное решение о присвоении ходокам статуса уполномоченных в предварительном осмотре мест заселения относится к 1896 году [46, с. 44].

Общие результаты переселенческого движения в конце XIX века были таковы: с 1883-го по 1899 год в край прибыло 69 285 душ крестьян обоего пола, из них в Амурскую область — 24 089 и в Приморскую — 45 196 [29, с. 852].

Переселенческие законы на каждом этапе заселения Дальнего Востока зависели от событий, которые имели место в сфере внутренней и внешней политики страны.

В начале XX века, в связи с увеличением притока крестьян-переселенцев на восток империи, обусловленным вводом в эксплуатацию новых железных дорог и организацией морских перевозок, правительство изменило практику наделения землёй переселенцев, отменив закон от 26 марта 1861 года, на основании которого осуществлялось заселение края в течение второй половины XIX века. На основании Высочайше утверждённого 22 июня 1900 года Положения Комитета Сибирской железной дороги «Об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» [15, с. 97] переселенческие семьи лишились права получать по 100 десятин. По этим правилам с 1 января 1901 года наделение землёй крестьян осуществлялось из расчёта 15 десятин удобной земли на душу мужского пола, в том числе и лесной надел. Одновременно с этим была

Установка глиняной печи переселенцами. Приамурский край, конец XIX века.

отменена свобода выбора земель для заселения [11, с. 22]. Новые правила явились переломными в переселенческой политике и положили начало земельной дифференциации переселенцев по размерам землепользования на две группы — стодесятинников «старожилов», прибывших до принятия данных правил, и переселившихся после «новосёлов» [2, с. 24]. На 1 января 1901 года на Дальнем Востоке насчитывалось 98 265 крестьян-старожилов, проживавших в 330 селениях [24, с. 231]. Несмотря на уменьшение земельных наделов, крестьяне, переселившиеся на восточную окраину, находились в более выгодных условиях землепользования по сравнению с крестьянскими семьями европейской части России.

В правовом аспекте переселенческой политики российского правительства во второй половине XIX века сформировалась достаточно чёткая позиция по организации переселений в восточные районы страны с целью их социально-экономического развития и формирования здесь военно-стратегического потенциала. Законодательство относительно Дальнего Востока кардинальным образом отличалось от правовых актов, определяющих переселенческий процесс в других регионах страны. Оно носило разрешительный характер, предусматривало значительные преимущества [27, с. 29]. Характер правительственных мер в заселении Дальнего Востока был обусловлен как экономическими и политическими целями, так и геополитическими устремлениями.

Таким образом, обобщая характеристику правового аспекта переселенческой политики российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века, следует отметить, что она сыграла решающую роль в освоении этого региона, в развитии его экономического потенциала и в укреплении стратегического положения Российского государства на востоке страны. Общие результаты переселенческого движения на Дальний Восток в пореформенный период развития капитализма были таковы: с 1861-го по 1901 год в край прибыло 116 616 человек, в том числе морским путём — 55 208 человек (47,3%) [25, с. 45].

Список использованных источников

1. Азиатская Россия : в 2 т. Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. — Санкт-Петербург : Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. — 719 с.
2. Аргудяева, Ю. В. Восточные славяне на юге Дальнего Востока России (2-я половина XIX – начало XX в.) : учеб. пособие / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2006. — 241 с.
3. Аргудяева, Ю. В. Роль Н. Н. Муравьёва-Амурского в переселении крестьян и казаков в низовья Амура / Ю. В. Аргудяева // Вестн. ДВО РАН. — 2009. — № 5. — С. 8–13.
4. Аргудяева, Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) : в 2 кн. Кн. 1 : Крестьяне / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток : ДВО РАН, 2006. — 312 с.
5. Буссе, Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 г. / Ф. Ф. Буссе. — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. польза», 1898. — 165 с.
6. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. — Москва : Мысль, 1991. — 719 с.
7. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. — Иркутск : Оттиск, 2011. — 624 с.
8. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 342 с.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1.
10. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856–1861 гг. — Владивосток : РГИА ДВ, 2002. — 232 с.
11. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2 : Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. — 224 с.
12. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) — Москва : Наука, 1991. — 471 с.
13. Кабанов, П. И. Амурский вопрос : (деятельность Н. Н. Муравьёва-Амурского в Восточной Сибири и участие забайкальских казаков в сплавных экспедициях по Амуру) / П. И. Кабанов. — Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1959. — 255 с.
14. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917) : ист.-демогр. очерк / В. М. Кабузан. — Москва : Наука, 1985. — 260 с.
15. Кабузан, В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века) / В. М. Кабузан. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1976. — 198 с.
16. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. — Санкт-Петербург : изд. журн. «Обществ. польза», 1905. — 349 с.
17. Кирьяков, В. В. Очерки по истории переселений в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В. В. Кирьяков. — Москва : Типо-литография Т-ва М. Н. Кушнаревъ и К°, 1902. — 374 с.
18. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. — Санкт-Петербург : Канцелярия Ком. министров, 1900. — 375 с.
19. Кольцова, Н. К. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край накануне первой русской революции / Н. К. Кольцова // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. — Владивосток, 1956. — С. 127–147.
20. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. : очерки истории. — Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1991. — 416 с.
21. Лебедева, А. А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX веке / А. А. Лебедева // Русские старожилы Сибири : историко-антропологический очерк. — Москва, 1973. — С. 50–68.
22. Любавский, М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века / М. К. Любавский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 688 с.
23. Надаров, И. П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / И. П. Надаров // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. — Хабаровск, 1898. — Т. IV, вып. IV. — С. 39–71.
24. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России в 1855–1917 гг.: постановка проблемы / Ю. Н. Осипов // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX в.) : материалы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). — Благовещенск, 2004. — С. 230–235.
25. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. / Ю. Н. Осипов. — 2-е изд., доп. — Хабаровск : Хабаров. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова, 2008. — 68 с.
26. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчёт по переселению и землеустройству за 1910 г. — Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. — 501 с.
27. Петрова, О. А. Государственная политика по оказанию социальной помощи и поддержки населению Дальнего Востока России в условиях заселения и хозяйственного освоения региона (1860–1917 гг.) : дис…. канд. ист. наук / О. А. Петрова ; Комсомольский-на-Амуре гос. технич. ун-т. — Комсомольск-на-Амуре, 2011. — 220 с.
28. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. — Москва : ОГИЗ ; Географгиз, 1947. — 310 с.
29. Приамурье: факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. — Москва : б. и., 1909. — 688 с.
30. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). II. Отд. II. Т. XXXIII.
31. ПСЗРИ. II. Отд. II. Т. XXXV.
32. ПСЗРИ. II. Отд. I. Т. XXXVI.
33. ПСЗРИ. II. Отд. II. Т. XXXXVII.
34. ПСЗРИ. Собр. третье. Т. II.
35. ПСЗРИ. Собр. третье. Т. IX.
36. ПСЗРИ. Собр. третье. Т. XII.
37. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск : ИД «Сова», 2005. — 193 с.
38. Романов, И. А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке / И. А. Романов // Соц. исслед. — 2004. — № 11. — С. 52–56.
39. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 246.
40. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 558.
41. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Наука, 1990. — 138 с.
42. Рябов, Н. И. Очерки по истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX в. / Н. И. Рябов, М. Г. Штейн. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1958. — 173 с.
43. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. — Санкт-Петербург, 1901. — Вып. VIII. — 499 с.
44. Сибирские переселения. Выпуск 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. — Новосибирск : ИД «Сова», 2006. — 263 с.

45. Сильницкий, А. П. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край / А. П. Сильницкий. — Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1901. — 177 с.
46. Слюнин, Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока / Н. В. Слюнин. — Санкт-Петербург : Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1908. — 301 с.
47. Справочные издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. VIII : Сборник узаконений и распоряжений о переселении. — Санкт-Петербург : Тип. МВД, 1901. — 499 с.
48. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — Москва : Памятники ист. мысли, 2001. — 304 с.
49. Унтербергер, П. Ф. Приморская область 1856–1898 гг. / П. Ф. Унтербергер. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1900. — 324 с.
50. Филимонов, А. В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) / А. В. Филимонов // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2017. — № 415. — С. 130–135.
51. Целищев, М. И. Колонизация Дальнего Востока / М. И. Целищев // Экономика Дальнего Востока : сб. — Москва, 1926. — С. 313–316.

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 07.09.2017 г.

Сведения об авторе: Редчун Валентина Мироновна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail.ru: izba53@mail.ru.

ГЛЕБОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

ТРАДИЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБРАБОТКИ РЫБЬЕЙ КОЖИ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ НИЖНЕГО АМУРА И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена ремеслу обработки рыбьей кожи коренными народами Нижнего Амура, которое является одним из главных маркеров их традиционной культуры. Рассматриваются главные этапы древней технологии и анализируются её трансформации в конце XX – начале XXI века. Исследование основано на исторических и этнографических источниках, на полевых материалах автора.

Ключевые слова: коренные народы Нижнего Амура, традиционная культура, рыбья кожа, нитки из рыбьей кожи, рыбий клей, трансформация технологий.

Keywords: indigenous peoples of the Lower Amur, traditional culture, fish skin, fish skin threads, fish glue, technology transformation.

Использование рыбьей кожи в быту и обрядовых практиках коренными народами Нижнего Амура является одним из важнейших маркеров их традиционной культуры, основанной на рыболовстве. Эта особенность отмечалась и в самых первых российских исторических источниках, которые относятся к XVII веку («скаски», «отписки», «расспросные речи» первопроходцев) и содержат краткие сведения о коренном населении Приамурья, в том числе и то, что они «землю под хлеб не пашут», «кормятся рыбой» и одежду носят «из кож рыбьих» [15, с. 8; 10, с. 54].

Под влиянием местных природно-климатических условий и в результате сложного длительного этнокультурного синтеза рыболовы Нижнего Амура выработали не только особые промысловые орудия, типы жилищ, средства передвижения, одежду, но и своеобразный стиль художественного творчества [12, с. 137; 5, с. 4]. В отличие от степных кочевников и северных народов, использовавших войлок, кожу оленей, домашних и морских животных, нижнеамурским этносам в течение длительного времени главным материалом служила кожа рыб. Из неё изготавливали одежду и обувь, различные хозяйственные предметы. В. К. Арсеньев писал, что особенно в зимнее время одежда из рыбьей кожи незаменима. «Когда идут на охоту, у них не только одежда и обувь из рыбьей кожи, но даже палатки, покрывала на нарты, кисеты, мешки для чумизы, соли, табаку и проч.» [12, с. 144]. Ареал распространения изделий из этого природного материала был обширным и охватывал низовья Амура и остров Сахалин — территории традиционного проживания нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев, негидальцев, орочей, ороков [4, с. 67].

Рыбья кожа встречается в культуре разных народов — саамов, хантов, сахалинских нивхов и ороков, но именно на Нижнем Амуре технологии её обработки достигли наивысшего уровня. Древнее ремесло развивалось и совершенствовалось веками, сформировавшись в самобытное этническое искусство. Исследователь Сибири и Дальнего Востока Р. К. Маак (1825–1886) в книге «Путешествие на Амур», подводившей итоги экспедиции 1855 года, подчёркивал: «Нельзя не подивиться наклонностям здешних жителей придавать всем своим вещам красивый вид, разнообразию узоров, украшающих их вещи, приятному сочетанию употребляемых ими красок; во всем этом ясно проглядывает чувство изящного, составляющее замечательную особенность здешних племен, потому что ни у кого из других жителей Восточной Сибири мы не встречаем в такой степени развитого художественного инстинкта» [8, с. 565].

Позднее об уникальном искусстве приамурских этносов писал исследователь И. А. Лопатин (1888–1970), обобщивший богатый этнографический материал в монографии «Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские»: «Гольды — удивительный народ в своем искусстве. (…) несмотря на первобытную жизнь в материальном и духовном отношении, гольды тем не менее имеют все виды искусства и некоторые из них у них высоко развиты. Самое важное, без чего не может быть никакого искусства, у гольдов есть, именно, любовь к красоте, любовь к творчеству, вымыслу, поэзии» [7, с. 331]. Рассматривая традиционную одежду гольдов (устаревшее название нанайцев) и называя её самобытной, Лопатин констатирует, что она «более всего интересна вследствие того, что материалом для неё служит рыбья кожа; при этом следует отметить, что не только верхнее платье, т. е. халаты, шьются из рыбьих шкурок, но положительно все части одежды: шапки, рукавицы, наколенники, наушники, нарукавники, обувь и пр.» [7, с. 348].

У всех народов Дальнего Востока художественное ремесло, так же как и трудовая деятельность, строго подразделялось на мужское и женское. На Нижнем Амуре женщины, занимаясь изготовлением одежды, обуви, различных предметов для хозяйственных нужд, преимущественно работали с мягкими материалами, и долгое время основным из них была рыбья кожа. Длительный период её бытования, который ещё не закончился к началу XX века, подтверждает отсутствие традиции и навыков стирки нанайцами, ульчами и другими коренными народами Амура. Причина в том, что вещи из рыбьей кожи, так же как и из звериных шкур, не подлежат стирке, иначе их начинает коробить, они теряют внешний вид [12, с. 55].

В традиционный период культуры нижнеамурских этносов все женщины владели искусством шитья, и этим важным навыкам девочки обучались уже с 5–6 лет. Быть искусной в шитье, вышивке считалось большим достоинством. В фольклорном тексте «Одинокая женщина», записанном в конце XIX века Л. Я. Штернбергом (1861–1927), сказано, что нивхская женщина «день и ночь всё себе шила, всё что-нибудь да шила» [4, с. 67]. По качеству готовых изделий судили, хорошая это хозяйка или нет, самые нерадивые подвергались насмешкам. К примеру, у нанайцев существовала поговорка относительно неумелых женщин: «Чукэ ангойни улэн отоля сини» — «Плохо шьют и хорошо не понимают» [12, с. 52].

Однако такие случаи, скорее, исключение из общего правила. Практически в каждой семье были мастерицы, которые, создавая одежду и предметы для повседневных нужд, формировали ещё и своего рода защитное поле для своих близких, потому что процесс изготовления художественного изделия в традиционных этнических культурах, в том числе и амурской, всегда относился к области сакрального и связывался с особым мироощущением возрождения, божественного

творения. Кроме того, женщина выступала хранителем и экспертом информации в области материальной культуры, являясь главным действующим лицом в организации этнически окрашенной микросреды обитания — жилища и всего комплекса предметной сферы [14, с. 5; 16, с. 15].

В каждом приамурском селении были мастерицы, известные своими талантами даже за его пределами, а также существовали и особые центры художественных промыслов. Например, выдающимися способностями в декоративно-прикладном искусстве отличались жительницы нанайского стойбища Торгон, слава о них шла не только по Амуру, но и достигала Якутии, острова Сахалин. Об этом упоминается в книге Л. Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы» (Дальгиз, 1933). Сведения относятся к концу XIX века: «Больше всего было тут [в Торгоне] женщин, (…) которые усердно заняты были шитьем и вышиванием на одежде из рыбьей кожи. Сюда зимой съезжаются со всей гольдской и гиляцкой территории закупать эти изделия. (…) Даже на Сахалин попадают через амурских гиляков изделия этой округи» [3, с. 118]. Сами же нанайские, ульчские, нивхские мастера, согласно наблюдениям Р. К. Маака, мало ценили свой труд и «за небольшой кусок ситцу охотно отдавали свои одежды, тщательно и очень искусно вышитые выкрашенной рыбьей кожей» [3, с. 118]. Подобное отношение к своим произведениям сформировалось по ряду причин, и прежде всего из-за высокой стоимости ткани, которая стала доступной лишь в первой половине XX века. Другим важным фактором является то, что в тот период многие представительницы коренного населения, и в особенности нанайцев, ульчей, нивхов, владели ремеслом обработки рыбьей кожи и её декорирования на профессиональном уровне.

Наблюдения этнографов во второй половине XIX – начале XX века, их высокие оценки народного декоративного искусства подтверждают произведения из рыбьей кожи, созданные на Нижнем Амуре в этот период и входящие сегодня в собрания крупных российских и зарубежных этнологических музеев. Одним из наиболее ярких примеров может послужить коллекция, отражающая уникальную этническую культуру нанайцев. Она собрана в 1885 году на Нижнем Амуре в селе Троицком и хранится в архиве Берлинского этнологического музея. Среди экспонатов — праздничные халаты из рыбьей кожи, украшенные сложными цветными орнаментами из этого же материала, повседневная одежда, обувь, рукавицы, головные уборы, женские сумки для рукоделия, заготовки орнаментов и т. д. Изделия орнаментированы сложными узорами, вырезанными из окрашенной в синий, красный, чёрный цвета рыбьей кожи. Отдельные детали одежды (рукава, нижние части халатов, полочки) равномерно окрашены в синий или терракотовый цвет. В женских сумочках для рукоделия сочетаются береста и рыбья кожа. Детали одежды соединены аккуратными швами с помощью ниток из рыбьей кожи. К сожалению, эта коллекция не описана и находится в ограниченном доступе (ПМА[1], 2011, Музей этнологии, Берлин).

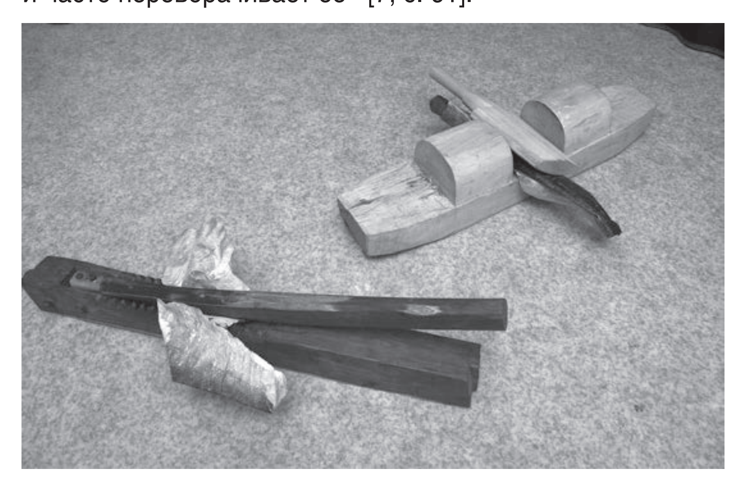
При знакомстве с предметами из берлинского собрания выявилась одна особенность: на некоторых богато орнаментированных халатах имеются заплатки из такого же природного материала, но немного отличающиеся от основного изделия по фактуре кожи и окраске. Можно предположить, что владельцы праздничной одежды следили за её хорошим состоянием, тщательно заделывали повреждённые участки, а заплатки из подходящего материала крепили по мере необходимости.

По мнению нанайского мастера, члена Союза художников России Ю. Д. Самар, халаты, вывезенные с Амура в 1885 году, наверняка являлись семейными реликвиями, которые берегли, передавали из поколения в поколение, тщательно ремонтировали. Кроме того, на изготовление одного такого халата, с учётом его больших размеров, многосоставности и сложных орнаментов, требуется несколько лет. Информант не исключает, что эти произведения могли создаваться гораздо раньше — в конце XVIII – первой половине XIX века (ПМА, 2011, с. Верхняя Эконь Нанайского района, от Самар Ю. Д.). Автор монографии «Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.» Н. Д. Кочешков, описывая праздничный халат из хорошо подобранных кусков рыбьей кожи, с утончённым рисунком орнамента и изяществом расцветки (коллекция Сахалинского областного краеведческого музея), подчёркивает, что такая одежда, от времени не теряя своей свежести и мягкости, передавалась по наследству от матери к дочери на протяжении 5–6 поколений [5, с. 103].

Первые сведения о технологии работы с рыбьей кожей содержатся в исследованиях российских этнографов XIX – первой половины XX века. Данные основных научных трудов убеждают, что этот процесс у всех народов Нижнего Амура имел общие черты. Пойманную рыбу потрошили и в течение нескольких часов подсушивали на воздухе. С помощью специального костяного ножа *согбо (согбоко)* снимали шкуру и скоблили, удаляя остатки жира и мяса, а затем, избегая попадания прямых солнечных лучей, прикрепляли к стене амбара или фанзы, предварительно растянув. Через несколько дней высушенный материал складывали стопками, придавливая грузом для распрямления, и лишь потом приступали к его обработке в специальном станке

1 ПМА — полевые материалы автора.

[7, с. 61; 3, с. 84]. Р. К. Маак пишет об этом приспособлении следующее: «Для выделки рыбьих кож употребляется очень простой снаряд, который называется *хаирга* и состоит из деревянного бруса с выемкой посередине, обстроганного с обеих концов наподобие рукояток. При выделке рыбью кожу плотно свертывают, кладут в выемку посередине снаряда, держат его левою рукою за рукоятку, а в правой имеют деревянный молоток (*кунгку*), набалдашник которого скруглен с обеих сторон, и бьют им по коже, чтобы очистить ее от чешуи и придать ей мягкость» [8, с. 218]. Похожее описание даётся в монографии И. А. Лопатина: «Мялка имеет простое устройство: она состоит из тяпки *(уксу)* и станка *(деле),* который имеет в средней части углубление, куда кладется кожа, а по концам — выемки, куда работница кладет свои ноги, чтобы прижать станок. Вся работа на мялке состоит в том, что гольдячка ударяет тяпкою по коже, смятой в комок, и часто переворачивает её» [7, с. 61].

Современный и традиционный станки для выделки рыбьей кожи. Коллекция Межпоселенческого центра нанайской культуры села Джари Нанайского района.

Вплоть до второй половины XX века на Амуре женщины выделывали рыбью кожу именно в таком примитивном приспособлении. Известный нанайский мастер Р. Г. Баранова в своей книге «Назад — по реке Памяти, вперёд — в потоке Времени» даёт описание традиционного деревянного станка *деле*, которым пользовались её бабушки в селе Кондон Солнечного района ещё в 1940–1950-х годах. Для быстроты обработки, отмечает автор, в отверстие вкладывали сразу по 5–6 свёрнутых кож. «Очень важно во время «колочения» молотом *вэксун* их постоянно переворачивать. Эта работа трудоемкая и требует терпения, упорства и больших физических усилий» [1, с. 209]. В Ульчском районе Хабаровского края использование станка старого образца зафиксировано в начале 1990-х годов: так выделывала шкурки З. А. Пластина (1911–1992) из села Булава, только вместо деревянного молотка она применяла обух топора [13, с. 53–54].

Ульчская мастерица З. А. Пластина. Село Булава Ульчского района, 1990-е годы. Фото В. Спидлена.

В ремесле обработки рыбьей кожи сконцентрировано многовековое знание коренных народов Нижнего Амура о свойствах шкур разных пород рыб, а также о различных способах её обработки, с помощью которых мастера достигали особой мягкости изделий, их прочности, непромокаемости и т. д. В достаточно суровых климатических условиях этот материал был незаменим. «Хотя гольдская обувь невзрачна на вид, — отмечал И. А. Лопатин, — но она весьма удобна. Главные лучшие качества гольдской обуви — легкость и способность скоро высыхать. Придя на ночлег, гольд снимает свою обувь и вешает перед огнем сушиться; через короткое время она высыхает и снова годна к употреблению» [7, с. 64].

Кожа кеты служила главным материалом для повседневной и рабочей одежды, причём кожа самок считалась наиболее мягкой. Из этого же материала шили наколенники, верхнюю часть обуви, различные хозяйственные предметы. Для праздничной одежды и её элементов использовали шкурки сазана с характерной крупноячеистой фактурой, служившей дополнительным дизайнерским элементом. К тому же материал из этой рыбы хорошо отбеливался на морозе, прекрасно окрашивался, благодаря чему изделия получались особенно красивыми. Толстая и прочная кожа сома, ленка, щуки шла на нижнюю часть обуви, рукавицы, тайменя и калуги — на трутницы, ножны, упряжь для собак, лыжные крепления [3, с. 90; 14, с. 28].

Степень обработки кожи зависела от её дальнейшего назначения. Для головок обуви использовали практически не обработанную шкуру с чешуёй, которую затем коптили для придания ей водоотталкивающих свойств. На материале для рабочих халатов специально оставляли лунки от чешуи и при шитье шкурки располагали этими углублениями вниз, чтобы во время рыбалки или во время дождя на одежде не задерживалась вода. При изготовлении обуви и рукавиц-верхонок из кожи ленка лунки чешуи тоже не снимались. Ленок и кета подходили также для зимних ноговиц *гару* и охотничьих фартуков. Для нижнего белья (штаны *пэру,* нательный нагрудник *дилба*), а также рубашек для

новорождённых брали хорошо выделанные шкурки сома. Самая мягкая кожа шла на праздничные, свадебные халаты, детскую одежду, и для этого её тщательно мяли в станке, затем лощили пемзой, ножом или стеклом, тёрли о ровный округлый чурбан [14, с. 28; 9, с. 45–46, 65].

Для смягчения кожи её сбрызгивали водой перед обработкой в мялке, смазывали кашицей *пагдан* из разведённой в воде сухой толчёной кетовой икры, бульоном ухи для собак, рыбьими молоками, мозгами изюбра или кабана. Для обезжиривания размягчённые шкурки посыпали измельчёнными гнилушками, выполнявшими функцию абсорбента. Для этой же цели только что снятые с рыбы шкурки промывали в воде с добавлением древесной золы. Специфический запах удаляли с помощью срезанных утром и влажных от росы полыни или порея, которые заворачивали в подготовленные шкурки и оставляли так на несколько часов. Чтобы сделать будущее изделие устойчивым к моли, подготовленный к шитью материал сворачивали в рулоны и держали над дымом из очага [9, с. 44; 2, с. 86].

«Выделанная готовая рыбья кожа часто долго висит на перекладинах вверху фанзы или амбара. Когда же явится нужда в платье, гольдячки собирают ото всюду выделанные рыбьи шкурки и предварительно сшивают их нитками, изготовленными из рыбьей кожи, придерживаясь все же в общих чертах выкройки, — отмечал в своей монографии И. А. Лопатин. — Когда все шкурки будут сшиты, окончательно раскраивают все части платья и сшивают теми же нитками» [7, с. 62]. Исследователь даёт подробное описание этого необходимого в шитье элемента, который изготавливался из только что снятой кожи кеты, сазана, сома, краснопёра и проч. Материал расправляли на кроильной доске и нарезали остроконечным ножом на тонкие полоски, которые затем вытягивали руками, прикусывая один конец зубами. «В конце концов, ремешки из сырой кожи растягиваются до такой степени, что становятся вполне похожими на нитки: чрезвычайно тонки и длинны. После этого их сушат и они готовы к употреблению» [7, с. 61]. Высушенные и скрученные нити *геола* заготавливали в больших количествах, поскольку изделия, особенно крупные, составлялись из отдельных фрагментов разных размеров. К примеру, на пошив одного халата в среднем уходило 30 рыбьих кож [12, с. 11].

На Амуре широко использовался рыбий клей *дарпу*, который, благодаря хорошим скрепляющим свойствам, служил для различных хозяйственных нужд: при изготовлении нарт, обивки рабочей поверхности лыж, пошиве обуви и одежды. Существовало несколько способов его изготовления. Например, из кожи кеты, которую варили до загустения, бульон охлаждали и после его застывания нарезали на брусочки. По такому же принципу делали клей из чешуи карася. К высшему сорту относился клей из содержимого плавательного пузыря калуги или осетра: из него руками формовали палочку клея, а затем её запекали при средней температуре на дне котла или сковороды. После высыхания он получался прозрачным, при использовании не оставлял следов на изделии [3, с. 140]. Другой способ заключался в том, что сами плавательные пузыри калуги долго вымачивали, выворачивали внутренним слоем наружу, варили до «мягкого и липкого состояния», остужали и нарезали на куски. При работе с рыбьей кожей *дарпу* использовали для подклеивания подкладок, приклеивания трафаретов орнаментов. Заострённый конец палочки клея увлажняли с помощью слюны, затем смазывали определённый участок изделия и плотно прижимали рукой. Края аппликации пришивали нитями из рыбьей кожи [13, с. 11] (ПМА, 2011, с. Джари Нанайского района, от Бельды В. В.).

Важная особенность нижнеамурского искусства обработки рыбьей кожи заключается в её тонировании. Превосходно зная особенности многих местных растений, мастера изготавливали прочные красители, которые даже от долгого времени не теряли яркости. Бурую краску получали из гриба-дождевика *гакта*, чёрную — из сажи, смешанной с толчёной свежей или высушенной кетовой икрой, а также из сока черёмухи. Особо яркую чёрную краску делали следующим образом: снимали копоть с котла и смешивали её со слюной или щучьей икрой. Источником коричневой краски служила кора старой лиственницы: её выварювали, а интенсивность цвета зависела от времени кипячения. Соскабливая грибной нарост с дуба и заливая его горячей водой, получали жёлтый краситель. Красный цвет давала вываренная в воде сосновая кора, а также порошок из красного камня (железного сурика), смешанный с толчёной сухой икрой кеты. Стойкую синюю краску извлекали из лепестков синеглазки, или лазорника (семейство коммелиновых). Во второй половине XX века исследователями зафиксировано несколько способов: щепотку лепестков клали на кожу, сгибали шкурку пополам и мяли в руках; для окрашивания больших полотен лепестки складывали в марлю, туго скручивали и полученным тампоном натирали кожаную поверхность; лепестки помещали в ёмкость и оставляли на несколько дней до появления сока [3, с. 17; 9, с. 46; 2, с. 43].

На рубеже XIX–XX веков в быт коренного населения Нижнего Амура стала входить ткань производства российских и китайских фабрик, но одежда из рыбьей кожи продолжала бытовать вплоть до 1920-х годов, и, по наблюдениям И. А. Лопатина, ещё можно было «встретить “франтов”, щеголявших в халатах из рыбьей кожи, а в глухих далёких стойбищах и до сих пор остался в большом ходу старинный

Амири — халат женский праздничный (спинка). Середина XIX века. Кожа сазана, кеты, натуральный краситель. Автор неизвестен. Коллекция краеведческого музея Нанайского муниципального района, село Троицкое.

Амири — халат женский праздничный. XIX век. Рыбья кожа, аппликация, вышивка, бронзовые украшения. Автор неизвестен. Село Кондон.

национальный костюм» [7, с. 60]. И всё же именно в этот период начался процесс вытеснения традиционного костюма коренного населения Нижнего Амура и природных материалов, применявшихся ранее для его пошива. Постепенно выходили из употребления некоторые национальные виды одежды, уступив место вещам фабричного производства, поэтому заготовка и выделка рыбьих шкур перестали иметь большое значение [12, с. 137].

Лишь в отдельные исторические периоды на Амуре происходил ренессанс технологии обработки рыбьей кожи, и связано это с тяжёлым экономическим положением страны, когда ощущался недостаток многих промышленных товаров, ткани, обуви. В 1924 году учитель найхинской школы Н. Беляева-Линнас сообщала в газетной заметке («Тихоокеанская звезда». — 1924. — 2 марта), что все её ученики одеты «в рыбьи рубахи, штаны, обувь». В одном из писем В. К. Арсеньева от 1928 года есть сведения о возвращении традиционного природного материала в быт нижнеамурских народов: если в период с 1908-го по 1918 год они шили одежду преимущественно из материй, то теперь «рыбья кожа опять вступает на первый план» [10, с. 59]. Похожие процессы происходили и в конце 1940-х, когда из-за нехватки обуви на Амуре вновь стали делать сапоги из рыбьей кожи, причём носили их не только коренные жители, но и русское население (ПМА, 2009, с. Сикачи-Алян Хабаровского края, от Мурзиной Е. И.).

В советское время, в результате социально-экономических и культурных трансформаций, ремесло обработки рыбьей кожи утратило актуальность и представляло интерес только для искусствоведов и этнографов. Старые вещи складывали на чердаках, где они хранились в неподходящих условиях. Именно там их нередко обнаруживали научные работники и пополняли коллекции центральных и региональных музеев. Так, благодаря стараниям сотрудников краеведческого музея Нанайского района в селе Троицком за несколько десятилетий сформировалась ценная коллекция предметов из рыбьей кожи. Среди них женский праздничный халат *амири* из шкурок сазана с прорезными орнаментами из идентичного материала, которые окрашены в синий цвет и нашиты на основное изделие; нижний край украшают металлические подвески (конец XIX – начало XX в., автор неизвестен). Другой ценный экземпляр относится к середине XIX века, в нём сочетаются шкурки кеты и сазана, на спинке — аппликации из рыбьей кожи синего цвета с различными мотивами: «драконы», «рыбы», «птицы». По подолу и краям рукавов нашиты красные и синие полоски из рыбьей кожи, тонированные натуральными красителями. Оба халата приобретены в 1976 году у Богьи Кайновны Бельды, жительницы села Джари (ПМА, 2011, с. Троицкое).

Лэлэ — нагрудник, атрибут шаманского костюма. Середина XX века. Кожа сазана, орнамент, нанесённый химическим карандашом. Коллекция краеведческого музея Нанайского муниципального района, село Троицкое.

Даже по одной музейной коллекции можно проследить процесс трансформации древнего ремесла, в ходе которого утрачивались навыки работы с рыбьей кожей. В изделиях 30–50-х годов XX века уже нет той чистоты выделки и исполнения, которая наблюдается в произведениях мастеров второй половины XIX века. В краеведческом музее Нанайского района в селе Троицком хранится женский повседневный халат *амири* середины XX века (автор неизвестен). Он сшит из кожи сазана, толстолоба, змееголова, но украшен уже тканевыми аппликациями, тесьмой и кружевом фабричного производства, пластмассовыми пуговицами. Другой экспонат — повседневный женский халат из рыбьей кожи (середина XX в.) — обработан по краям плотной тканью чёрного и тёмно-бордового цветов, подол и низ рукавов окаймляет разноцветная тесьма фабричного производства, по нижнему краю изделия нашиты белые пластмассовые пуговицы. На шаманском нагруднике *лэлэ*

Олочи — обувь женская. 30–50-е годы XX века. Кожа кеты. Коллекция краеведческого музея Нанайского муниципального района, село Троицкое.

из кожи сазана (середина XX в., хранился на чердаке дома Виолетты Павловны Ходжер из с. Верхний Нерген) изображения мух, змей, всадника на коне нанесены химическим карандашом (ПМА, 2011, с. Троицкое Хабаровского края).

Своего рода символом ухода древнего традиционного материала из жизни коренных народов Нижнего Амура является женский праздничный халат из белой ткани с нашитыми орнаментами из окрашенной рыбьей кожи (30–50-е гг. XX в., приобретён у Сыи Григорьевны Ходжер, жительницы с. Верхний Нерген). Выбирая для халата именно такой, не характерный для нанайских тканевых халатов цвет, мастерица, вероятно, имитировала таким образом выделанные и отбеленные шкурки сазана (ПМА, 2011, с. Троицкое Хабаровского края).

Уже к середине XX века иными становятся подходы к орнаментированию, декорированию: на смену сложным прорезным орнаментальным мотивам приходят нарисованные китайскими чернилами или анилиновыми красками на поверхности халата узоры; меняются традиционные подвесные элементы, нашиваемые по нижнему краю изделий. В более раннее время использовались раковины моллюска каури, но уже в XIX веке, с развитием товарного обмена, металлические бляшки *ачи (ачиан)* самой разной формы вытеснили природный дизайнерский элемент. Металлические украшения ценились высоко, поэтому существовала практика срезать их с вышедших из употребления халатов и пришивать на новые [12, с. 61]. По воспоминаниям Ю. Д. Самар, бляшки всегда срезали с халатов, в которых хоронили покойных, и нашивали на новые изделия. Мешочек с разнообразными подвесками хранился у многих мастериц и передавался из поколения в поколение (ПМА, 2011, с. Верхняя Эконь Нанайского района).

В облике традиционного костюма, так или иначе, отражался каждый новый исторический отрезок, потому что деталями декора нередко становились предметы, характерные именно для этого времени. С распространением огнестрельного оружия, особенно в первой половине XX века, на амурских халатах появились подвесные бляшки из оснований гильз. В 1930-х годах директор Хабаровского художественного музея П. М. Покровский привёз из села Торгон халат из рыбьей кожи, «украшенный полосками цветной фабричной материи и орнаментом, нарисованным “от руки” чёрной краской. По подолу — орнаментальная полоска из пробитых пистонов». В 1970-х годах известная нанайская мастерица Ч. З. Киле из села Нижние Халбы использовала в качестве подвесных бляшек шляпки от канцелярских кнопок и металлические зубчики застёжки-молнии. Ныне эти экспонаты находятся в фондах Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова [12, с. 63]. В фондах Городского краеведческого музея Комсомольска-на-Амуре хранится детский халат из кожи кеты, украшенный по краям горловины и рукавов орнаментом из чёрного дерматина, фабричной тесьмой и обшитый по подолу канцелярскими кнопками (ПМА, 2011, Комсомольск-на-Амуре). Все эти примеры говорят о гибких творческих подходах амурских мастеров, их умении видеть фактуру предметов и использовать её в качестве декоративных элементов.

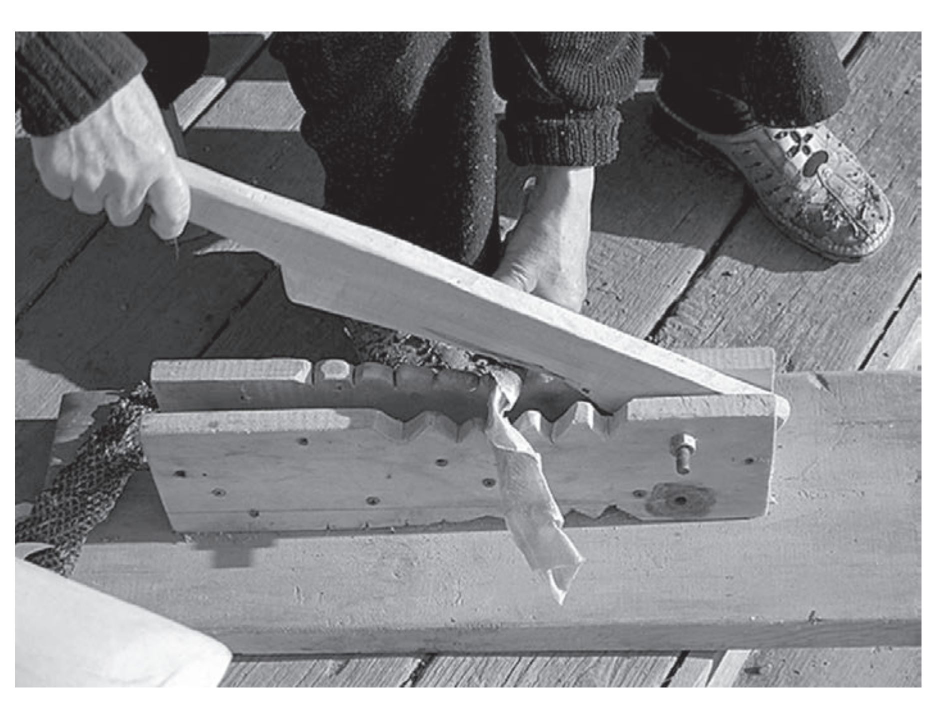

Халат детский из рыбьей кожи (спинка). 1981 год. Автор Ч. З. Киле, село Нижние Халбы. Кожа кеты, ткань, аппликация, тесьма, металлические украшения (канцелярские кнопки). Коллекция Городского краеведческого музея Комсомольска-на-Амуре.

Известный российский исследователь декоративно-прикладного искусства народов Нижнего Амура и Сахалина Н. В. Кочешков отмечал, что самая большая опасность в развитии народной культуры — прерывание и забвение этнических традиций, потому что какое-либо их «воскрешение» становится просто невозможным, если не сохранились

Мужской рыбацкий костюм. Конец XX века. Автор — З. А. Пластина. Кожа кеты. Коллекция школьного этнографического музея села Булава Ульчского района.

Процесс обработки рыбьей кожи в станке Ю. Д. Самар. Село Верхняя Эконь Комсомольского района, 2009 год.

нити преемственности как в мастерстве, так и в потребности производить, создавать изделия народного декоративного искусства [5, с. 4]. К счастью, на Нижнем Амуре древняя традиция не прервалась, хотя и находилась долгое время в забвении. Ремесло сохранилось во многом благодаря усилиям отдельных мастеров, а также искусствоведов, сумевших поддерживать в представительницах коренных народов интерес к их самобытному искусству, и главная роль здесь принадлежит К. П. Белобородовой (1906–1999) — искусствоведу, члену Союза художников России, автору ряда книг по традиционной культуре амурских этносов.

В конце прошлого столетия на Амуре всего несколько женщин работало с рыбьей кожей. Среди наиболее известных мастеров — Ю. Д. Самар (род. 1938) из села Верхняя Эконь Комсомольского района и Л. Г. Бельды (род. в 1954) из села Найхин Нанайского района Хабаровского края. Именно к ним сотрудники краевых музеев обращались по вопросам реставрации старинных экспонатов. В Ульчском районе Хабаровского края единственным мастером, занимавшимся этим направлением в начале 1990-х годов, была З. А. Пластина (1911–1992), которая в совершенстве владела многими этнотехнологиями, в том числе обработкой рыбьей кожи, плетением традиционных ульчских поясов, изготовлением из лозы и тальника различных предметов бытового назначения. Её произведения находятся во многих музейных собраниях России, в том числе в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова, Городском краеведческом музее Комсомольска-на-Амуре. В последние годы своей жизни мастерица создала для этнографического музея Булавинской детской школы искусств повседневный женский халат и костюм рыбака (куртка, юбка, ноговицы, обувь) из кожи кеты [13, с. 53–54] (ПМА, 2009, с. Булава Ульчского района).

Конец 1990-х – начало 2000-х годов в России были экономически сложными, но именно в этот период в Хабаровском крае начался процесс ревитализации многих традиций коренных народов, в том числе использование рыбьей кожи. В 2005 году, когда было объявлено Второе Международное десятилетие коренных народов мира, в Хабаровском крае на базе Института повышения квалификации учителей создали школу по подготовке мастеров декоративно-прикладного искусства. За 11 лет здесь подготовлено несколько сот специалистов по работе с кожей рыб, деревом, лозой, берестой, текстилем, мехом.

Специальную методику по работе с рыбьей кожи разработала Ю. Д. Самар, и сегодня её ученики тоже стали признанными мастерами, преподают в этнокультурных центрах Хабаровского края, их работы получают высокие оценки на выставках в России («Ладья», «Северная цивилизация», «Сокровища Севера») и за рубежом. Произведения этого автора находятся в собраниях Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств, Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), Корякского окружного краеведческого музея (г. Анадырь),

Национального музея этнологии (г. Осака, Япония), Музея этнологии в Вене (Австрия), в музеях Канады, в Центре северных народов (Манндален, Норвегия). В 2005 году Ю. Д. Самар получила звание «Лучший мастер народного художественного промысла и декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края», в 2010-м стала лауреатом премии Правительства Российский Федерации «Душа России» [3, с. 151–154].

Именно Ю. Д. Самар ввела в употребление новый станок для обработки рыбьей кожи, сделанный наподобие кожемялки для ровдуги. Конструкция состоит из двух скреплённых на небольшом расстоянии друг от друга деревянных досок с закруглёнными зубцами по верхнему краю (основание станка) и прикреплённой к ним с помощью болта рукоятки с зазубренным внутренним краем. Такая кожемялка работает практически бесшумно, что является важным фактором для работы в условиях городской квартиры, требует меньших физических затрат, и сегодня все нижнеамурские мастера пользуются именно таким приспособлением [3, с. 151–154] (ПМА, 2009, с. Верхняя Эконь, от Самар Ю. Д.).

Сегодня в Хабаровском крае формируется новое поколение мастеров из числа коренных народов Нижнего Амура, создающих особый пласт современного этнического искусства. История возрождения ремесла по обработке рыбьей кожи уникальна, потому что, с одной стороны, она полностью сохраняет весь цикл древней технологии, и женщины выделывают шкуры рыб точно так же, как это делали их предшественницы столетия назад, а с другой — вбирает в себя цивилизационные элементы. Так, активно используются современные обезжириватели и абсорбенты (средства для мытья посуды, стиральные порошки, сода, уксус, дезодоранты и проч.), изделия декорируются акриловыми красками, шёлковыми нитями, современной фурнитурой. При сшивании отдельных деталей мастера сегодня уже не употребляют нитки из рыбьей кожи, заменив их на армированные, но при этом в их арсенале сохранился клей из калужьего пузыря (хотя в отдельных случаях применяются синтетические виды клея) (ПМА, 2010, с. Верхняя Эконь, от Самар Ю. Д.; 2011, с. Джари, от Бельды В. В.; 2011, с. Булава, от Хатхил Л. Б.).

Халаты из рыбьей кожи и ткани. Автор — Л. Б. Хатхил. Центральный Дом художника (г. Москва), 2015 год.

Произведения народного искусства из рыбьей кожи, созданные в начале XXI века, утратили сугубо утилитарное назначение и заняли достойное место на фестивалях национальных культур, подиумах. Например, Л. Б. Хатхил из села Булава Ульчского района отмечена золотой медалью Всероссийского выставочного центра (г. Москва) за молодёжный комплект из рыбьей кожи, и он же в 2015 году получил высокие оценки на Евразийском конкурсе высокой моды национального костюма «Этно-Эрато». Л. Б. Хатхил соединяет в своём творчестве традиции и новации, выполняя костюмы как по старым канонам, так и с использованием современных форм кроя и орнаментирования. В то же время некоторые амурские мастера воспроизводят канонические образцы традиционных предметов из рыбьей кожи для музейных коллекций в России и за рубежом. В 2011 году Центр северных народов (Манндален, Норвегия) приобрёл у Ю. Д. Самар женский праздничный халат из рыбьей кожи (кожа кеты, вышивка шёлковыми нитками), в следующие два года она изготовила по заказу музея Штутгарта (Германия) два орнаментированных халата из этого же материала. Подобные примеры говорят о том, что традиционное ремесло сегодня становится ресурсом для установления новых кросс-культурных связей.

Народное декоративное искусство нижнеамурских этносов, в том числе практика использования различных местных природных материалов, имеет очень глубокие корни, и многолетние археологические исследования доказывают, что один из исконных и мощных очагов культуры существовал на Нижнем Амуре ещё в неолитическую эпоху [5, с. 4]. Несмотря на серьёзные периоды забвения, утраты актуальности, этнической и культурной ценности, ремесло обработки рыбьей кожи сохранилось в жизни нижнеамурских народов. Это произошло благодаря трансмиссии исконной традиции и стало символом национальной идентичности коренных народов. Как и столетия назад, использование рыбьей кожи для создания различных предметов декоративно-прикладного искусства является особым знаком в культуре нанайцев, ульчей и нивхов, символической презентацией возрождения традиционного знания.

Список использованных источников

1. Баранова-Дигор, Р. Назад — по реке Памяти, вперёд — в потоке Времени : Фотоальбом. — Хабаровск : Кн. изд-во «Ковчег», 2010. — 224 с.
2. Белобородова, К. П. Приамурские узоры / К. П. Белобородова. — Ленинград : Художник РСФСР, 1975. — 108 с. : ил.
3. Глебова, Е. Метаморфозы рыбьей кожи : Путь древнего ремесла народов Амура / Е. Глебова. — Хабаровск : Омега-Пресс, 2010. — 176 с. : ил.
4. Гонтмахер, П. Золотые нити на рыбьей коже : очерки о декоративном искусстве нивхов / П. Гонтмахер. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. — 128 с. : ил.
5. Кочешков, Н. В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв. / Н. В. Кочешков. — Санкт-Петербург, 1995. — 150 с.
6. Крейнович, Е. А. Нивхгу : Загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. — Москва : Наука, 1973. — 496 с.
7. Лопатин, И. А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские : опыт этнографического исследования / И. А. Лопатин. — Владивосток : [б. и.], 1922. — 371 с.
8. Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году / Р. К. Маак. — Санкт-Петербург, Тип. Карла Вульфа, 1859. — 211 с.
9. Матвеева (Дуван), Т. Б. Орнаментальное искусство ульчей: мастера и традиции / Т. Б. Матвеева (Дуван), П. Я. Гонтмахер ; Администрация Ульч. района, Хабар. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова, Проблем. лаб. по изучению яз. и культуры корен. народов Приамурья (при ХГПУ). — Хабаровск : [б. и.], 2003. — 107 с.
10. Мельникова, Т. В. Дар «рыбьекожих» варваров // Словесница Искусств. — 2005. — № 16. — С. 54–59.
11. Мельникова, Т. В. Завещание Зои Пластиной // Словесница Искусств. — 2003. — № 12. — С. 53–54.
12. Мельникова, Т. В. Традиционная одежда нанайцев (XIX–XX вв.) / Т. В. Мельникова ; Гос. музей Дал. Востока им. Н. И. Гродекова ; науч. ред. П. Я. Гонтмахер. — Хабаровск : [б. и.], 2005. — 239 с.
13. Мельникова, Т. В. Традиционная одежда ульчей (XIX – нач. XX вв.) / Т. В. Мельникова ; М-во культуры Хабар. края, Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова ; [науч. ред. П. Я. Гонтмахер]. — Хабаровск : [б. и.], 2008. — 107 с.
14. Муллоянова, О. Х. Мастера Приамурья : биобиблиогр. справ. (по материалам фондовых коллекций ХКМ им. Н. И. Гродекова) / О. Х. Муллоянова ; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова ; [гл. ред. Н. И. Рубан ; редкол.: О. Х. Муллоянова (авт.-сост.) и др.]. — Хабаровск : ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2010. — 181 с.
15. Сем, Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.) : этногр. очерки / Ю. А. Сем. — Владивосток, 1973. — 314 с.
16. Фадеева, Е. В. Женщина в традиционном обществе и семье коренных народов Нижнего Амура (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Е. В. Фадеева ; [Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН]. — Владивосток, 2006. — 22 с.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 22.07.2017 г.

Сведения об авторе: Глебова Елена Викторовна, редактор журнала «Страстной бульвар, 10» Союза театральных деятелей Российской Федерации (г. Москва), главный редактор культурно-просветительского журнала «Словесница Искусств» (г. Хабаровск), соискатель научной степени кандидата наук (Отдел Севера Института этнологии и антропологии Российской академии наук).
Контактные данные: e-mail: elena.glebova@mail.ru; тел. 8-915-096-16-13.

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматривается образная лексика и фразеология, представленные в «Словаре русских говоров Приамурья». Процесс метафоризации природных явлений (дождь, снег, солнце, луна) исследуется как специфическое восприятие мира в сознании диалектной личности. Описаны некоторые виды метафорических переносов: олицетворения, эпитеты. Раскрыта семантика устойчивых сочетаний, называющих различные природные явления, показаны случаи конвергенции тропов. Лексика и фразеология русских говоров Приамурья дана в статье с точки зрения речевой выразительности.

Ключевые слова: метафора, фразеологизм, олицетворение, диалектизм, языковая картина мира, конвергенция, диалектная личность, устойчивые сочетания.

Keywords: metaphor, phraseology, personification, dialectism, the language picture of the world, convergence, dialect personality, stable combinations.

Исследования диалектной метафоры проходят в русле лингвистических направлений, связанных с описанием языкового сознания диалектной личности. Язык носителей диалекта реконструирует специфическую картину мира диалектоносителя.

Метафору в языковой картине мира дальневосточников рассматривали в своих исследованиях Д. Н. Галимова [1; 2], Т. А. Кукса [3], Н. В. Лагута [4].

Однако описание сущности метафоризации природы в русских говорах Приамурья продолжает оставаться актуальным и требует, на наш взгляд, пристального внимания, поскольку диалектная метафора в силу своей номинативности, двуплановости и декоративности довольно уникальна и характеризует не только образное мышление жителей Приамурья, но и даёт представление об эмотивном и экспрессивном составе говора. Диалектная метафора — это определённое восприятие мира диалектоносителя, его «призма».

Наблюдение старожилов за природными явлениями вело к осмыслению многих закономерностей в окружающей среде, к пониманию времени, цикличности. Так, например, жители Приамурья с интересом следили за звёздами и заметили, что как только «загорается» (функциональная метафора) самая большая звезда, наступает окончание рабочего дня. Ср.: *вечёрна зарница (звезда) загорелась — пора домой, хватит работать! Вечёрняя звёздочка, она вперёд всех видится* [7, с. 59].

Освоение Дальнего Востока осуществлялось в труднейших природных условиях. Новосёлам первых образовавшихся казачьих станиц в конце XIX века приходилось приспосабливаться к холодному климату, жёсткость которого заставляла быть чуткими к непривычной переменчивой погоде, к неожиданным особенностям времён года, поскольку от этого зависело выживание в суровом краю России. Несмотря на бытовые трудности, мышление жителей Приамурья оказалось метафорическим, даже поэтическим, что подтверждает «Словарь русских говоров Приамурья» (далее — СРГП). Слова и фразеологизмы, выбранные из него, называющие природные явления, обладают необычайной выразительностью и эмоциональностью.

Так, например, радуга в представлении переселенцев — это ***дуга, коромысло, божья душа***. Ср.: *Радуга-дуга воду пьёт, ешо́ до́шш будет. Ново́й раз две в ряд дуги быва́. Радугу мы дугой раньше звали. Радуга-дуга, подыми меня туда*! [7, с. 120]. **КОРОМЫ́СЛО** — *1. Радуга. 2. Созвездие Ориона. Коромысло — другое название Ки́чигов. А коромысло — это четыре звезды на дугу положили* [7, с. 195]; ***бо́жья душа́***. *Глянь, в небе божья душа стоит* [7, с. 37].

Выражения ***бе́лая гора́*** и ***горю́чая гора́*** (атрибутивные метафоры) содержат в своём значении не только сему необычности дальневосточных гор, которые находятся в дыму от древесного угля, но и эмоцию созерцательного (наблюдательного) интереса (в речи информанта) к данному природному явлению: ***бе́лые го́ры***. *1. Дымящиеся горы на Амуре. Интересно по Амуру проехать, там есть горячие горы, искры валят, пламя. Их называют ещё белые горы. 2. Гора с залежами белой глины. У нас есть белые горы, камень, глина белая там*; ***горю́чая гора́***. *То же, что бе́лая гора́ в 1-м знач. Горюше горы топятся на ненастье. Едешь и видишь: с неё смола, как дорожка, значит, занена́стит* [7, с. 93].

Сопки и горы первые жители назвали ***вострякам***и. В наименовании реализован метафорический перенос «по форме»: острые (вострые) верхушки гор легли в основу мотивированности.

Ср.: **ВОСТРЯ́К**, а́, м. *Остроконечная сопка. Востряк ли, остряк ли — сопка така́ с верхушкой. Востряк — остра така сопка. Востряки — это во́стры сопки, другая дак, как шило, вытянется* [7, с. 70].

Сказочная «лысая гора» встречается и в русских говорах Приамурья, с той разницей, что она не гора, а ***лысая сопка*** (метафорический перенос по признаку) — *сопка, на вершине которой нет растительности. Гора сильно больша́, её называют лысая сопка: по бокам лес, орешник, а наверху лысу́ха, ничё нет* [7, с. 230]. В СРГП встретился также синонимичный вариант: **ПЛЕШИ́ВАЯ ГОРА́.** *Сопка, на вершине которой нет растительности. Пойдёмте на плешиву гору* [7, с. 317].

Можно увидеть некоторую закономерность, присущую изучаемым говорам, растительность метафорически сравнивается с волосами (гривой). Ср.: в 1-м знач. слово *«грива» — лес на возвышенности;* во 2-м знач. *— это заросшая деревьями сопка*: **ГРИ́ВА**, *ы. ж. 1. Лес, растущий полосой на возвышенности. Гривой называем высокий массив лесной, продолговатый такой. Грива — это небольшой лесок на горе. Я по этой гриве шёл, не сплошным лесом. 2. Вершина горы, сопки. А выше всего грива, на самом верху. На гриву часто забирался, на гриве был. Гривы высоки таки, солнце за их уходит* [7, с. 97].

Парадоксально, но голый участок сопки без растительности тоже может называться ***гривой***. Данное языковое явление, при котором разные значения многозначного слова противоположны друг другу, называется энантиосемией, или внутрисловной антонимией, которая характерна для многих говоров. См. СРГП 3 знач. слова «грива»: *3. Длинный узкий мыс у подножья горы, сопки. Косячок у сопки вышел, голый он — вот и грива.* А вот кусок с оставленной травой, невспаханный участок — опять «грива». См. СРГП 4 знач.: *4. Невспаханный участок поля. Допустим, поле, там*

не допахали — гриву оставили, вот недопаханное гривой называли [7, с. 97].

Горная цепь с пышной растительностью — это **ГРИ́ВНЫЕ ГО́РЫ**. *Гривные горы есть: оне́ тянутся одна за другой* [7, с. 100].

Метафорическое выражение ***вода́ кипи́т*** (на морозе) также содержит в семантике внутрисловную антонимию (энантиосемию): вода холодная — горячая. Оригинальность метафоры в том, что речь идёт не о кипятке, а о выходе в крепкие морозы на поверхность льда ключевой воды. *Там вода кипит и образует корку льда. Волки гонят сохатого на накипь, к родникам* [7, с. 66]. Созерцательный интерес позволил заметить необычность данного природного явления и отразить его в речи. В литературном русском языке накипью называют *«пену, грязь на поверхности кипящей жидкости, а также твёрдые образования на стенках посуды, ёмкости, в к-рой что-н. кипело, кипятилось. Н. на супе. Н. в котлах»* [5, с. 370]. В русских говорах Приамурья накипь (субстантивная метафора) — это наледь на берегах рек: **НА́КИПЬ**. *Наледь, которая появляется обычно у незамерзающих источников. На ключах вода кипит. Вон на Мохово́й или на Мариту́е накипь будет застывать, проехать будет трудно* [7, с. 257].

Тонкий, острый лёд наблюдательный ум диалектоносителя соотнёс с «иглами» и «пальчиками». Ср.: **ИГО́ЛЬЧАТЫЙ ЛЁД.** *Острый, подтаявший лёд весной. Игольчатый лёд. Он прямо как пальчики. Только тронешь — рассыпается* [7, с. 163].

Функциональную и глагольную метафору в лингвистике принято называть олицетворением, например: *ветер воет, дождь барабанит, снег идёт.* Олицетворение, или персонификация, — это присвоение неживым предметам функций, свойств и качеств живых. Выдающийся лингвист В. Н. Телия связывает когнитивную способность присваивать неживым предметам и явлениям человеческие черты с антропоцентрическим каноном: «По антропоцентрическому канону создается та «наивная картина мира», которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как «опредмеченные» константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами» [6, с. 1].

В СРГП неживая природа часто персонифицируется, причём выражения становятся конвергентными. Под конвергенцией обычно понимается совмещение выразительных средств (тропов, фигур) на коротком речевом отрезке, то есть образные устойчивые выражения, зафиксированные словарём, это одновременно и глагольная метафора, и олицетворение, и фразеологизм. Диалектные фразеологизмы, как правило, основаны на различных метафорических переносах, в лексическом значении такого устойчивого сочетания содержится глубокое, мудрое знание об окружающем мире.

Чаще всего персонифицируется солнце, месяц, дождь, при этом персонификация одновременно становится и народной приметой, которая выявляет природные закономерности благодаря исследовательскому интересу диалектоносителей. Например, ***со́лнце обмира́ет*** *— о солнечном затмении. У нас было в тот год стра́шно дело. Кода́ солнце обмирает, тёмно-тёмно де́лается* [7, с. 409].

По закату солнца и по его восходу точно определяется, каким будет следующий день. Существует выражение: ***морока́ перегоре́ли*** *— по народным приметам, закат солнца не в облако, предвещающий ясную погоду. Морока не перегорели, значит, дождь будет, а если морока перегорели, имеют цвет заката, тогда не будет дождя* [7, с. 309].

Совпадение нарождающегося месяца с дождями обещает, по народным наблюдениям, ясную погоду до следующей фазы. Ср.: ***ме́сяц обмы́лся*** *— о фазе луны, совпавшей с дождями, что, по народным приметам, предвещает хорошую погоду. Счас полмесяца не будет дождя. Месяц счас обмылся* [7, с. 240].

Молодой месяц ласково именуется в говорах ***молодиком***. Ср.: **МОЛОДИ́К**. *Молодой месяц в первой четверти после новолуния. Кода́ молодик народится, узна́шь, кака́ погода будет. Ладно уж, на полном молодике́ столе́тник посажу. Молодик молодой, у тебя рог золотой (из заговора)* [7, с. 243].

О солнце информанты метафорически говорили, что оно может не выглянуть (показаться) из-за туч, а ***выблеснуть***. Ср.: **ВЫ́БЛЕСНУТЬ**. *Показаться, появиться (о солнце). Дороги у нас раньше сильно размывало, грязи много было, а солнышко только выблеснет — всё подсыхает* [7, с. 74].

В русских говорах Приамурья дождю отводится много метафорических выражений. Например, ***си́роты пла́чут (запла́чут).*** *1. О мелком затяжном дожде. Дождь мелкий зарядил, нудный — сироты плачут. 2. Дождь при солнце. Солнце светит, и сироты плачут, а потом радуга быва́т. 3. О росе на цветах, появляющейся перед дождём. Если цветок сирота покроется росой — значит будет дождь. Сироты заплачут — значит жди дождя: оне́ капельками покрываются, цветы-то* [7, с. 396]. Ср. также: **КОСОХЛЁСТ**. *Дождь с порывистым ветром. Косохлёст идёт недолго, зато воды много. Косохлёст лучше, он с ветром, лучше землю напитает. Часто дожди не прямо льют, а как будто косо, такой дождь косохлёстом зовут. Осенью, бывало, косохлёст зарядит на всю неделю и льёт, и льёт, аж тошно делается* [7, с. 198].

На Дальнем Востоке летом погода неустойчивая: то засушливая, то дождливая, а бывает, что урожай губит непрекращающийся ***заливной дождь***, поэтому дождли-

вое лето старались предсказать заранее. Свидетельством тому является фразеологизм ***снег че́рез снег*** *— погода с перемежающимся снегопадом. Если зима — снег через снег, такое и лето будет* [7, с. 406].

Мелкие брызги дождя сравниваются с ***бусом*** (пылью), кроме того, серая и мелкая морось ***отбивала бус*** (прибивала к земле пыль) [7, с. 47].

Колкий снег, поднимающаяся к небу метель — тоже ***бус***. Завьюжить — значит ***забусить***. Ср.: **ЗАБУСИ́ТЬ**. *Припорошить чем-л. Забусило снегом, метель поднялась. Весь пол забусило пылью*; *засы́пать мукой, бу́сом* [7, с. 136]. Снег метафорически сравнивается и с крупой, но в говоре произошла метатеза — звуко-буквенная перестановка. Ср.: **КУРПА́**. *Снег в виде мелких и крупных зёрен. Курпа посыпалась, да и холодно ещё было* [7, с. 214]. Дождь, как и снег, также отождествляется с просеиванием муки. Ср.: **МУКОСЕ́Й**. *То же, что мотросе́й. Мукосей опе́ть на трое сутки, надолго пошел. Мукосей как мука, такой мелконький, нудный дождь* [7, с. 248]. Помимо пыли, муки, крупы, снег и дождь соотносится с пудрой, или ***пудергой***. Ср.: **ПУ́ДЕРГА.** *Ой, ветер, пудерга поднял́ася. Пурга, пудерга — сильный снег. Когда пудерга, на улицу выйти нельзя* [7, с. 355]. Сильный ураган нередко связывается в сознании дальневосточников со смертью, поэтому вполне ясна мотивированность значения в диалектном слове ***смерташ***. Ср.: **СМЕРТА́Ш**. *Сильный вихрь, ураганный ветер. Крышу унесло, смерташ назывался. Такой сильный был ветер, прямо смерташ, крышу унесло* [7, с. 405].

Молнию вдалеке без грома и без дождя диалектоносители прозвали ***жабой***, причём трудно установить, что легло в основу метафорического переноса. Ср.: **ЖА́БА**. *Далёкая гроза без громовых раскатов. Жаба быва́т, когда хлеб убирают; жаба — гроза без грома, вдали где-то, стороной, потом тучи уходят* [7, с. 127].

Существует общерусское выражение «***слепой дождь***» — о дожде, который идёт, когда светит солнце. На Дальнем Востоке бытует вариант «***слепо́й снег***». *Снег, падающий мелкими снежинками в солнечный день. Слепой снег пошёл: вот и солнышко светит, а снежок мелкий пошёл. Слепой снег — мелкий, в солнечный день, а крупный — лопуши́стый снег* [7, с. 406].

Затяжной дождь в говорах — ***кухтан***, а ***кухта*** — иней. Потрясающая поэтичность и ласковость информантов проявляются при описании инея на деревьях: *кухточка на деревцах, как вата, как снежочек выпала* [7, с. 216]. *Если (кухта) куржак на деревьях — это к урожаю* [7, с. 216].

В Приамурье произошло интересное переосмысление общерусского фразеологизма «***как снег на голову***» в значении «неожиданно», дальневосточники говорят: *не пе́рвый снег на́ голову. О привычном, о былом. Не страшно уже, были такие наводнения, не первый снег на голову* [7, с. 406].

Метафоры, называющие природные явления, мотивированные: «признак, который положен в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект явления, благодаря которому возможно его целостное понимание. Внутренние формы слов отражают систему стереотипных представлений, сложившихся в обществе» [3, с. 8].

Необходимо подвести некоторые итоги:

1. Процесс метафоризации является специфическим восприятием мира диалектоносителя, метафорические переносы в сознании переселенцев связаны с определённым видением природы и созерцанием окружающего мира.

2. Диалектные метафоры конвергентны, то есть могут являться одновременно разными тропами. Например, ***сироты плачут*** (о дожде) — одновременно функциональная метафора, олицетворение (персонификация), гипербола (долгий, нудный дождь, как бесконечные слёзы сирот).

3. Метафорической поэтизации природных явлений сопутствуют различные положительные эмоции, например, интерес или эстетические чувства (любование радугой, солнцем, луной, снегом, дождём, дымящимися сопками). Носители говора, очаровываясь окружающей красотой, присваивают природным явлениям выразительные названия и эпитеты, придумывают образные сравнения: *божья душа* (радуга), *сопка, как шило* (острая), *гривные горы* (горы с густой растительностью), *лопушистый снег*, *кухточка* (иней), *как вата* и т. д. При этом неживая природа персонифицируется, олицетворяется: *месяц обмылся*, *солнце обмерло* (о затмении) и т. д.

4. В основном метафоризация проявляется в названиях, характеризующих изменения и циклы природы, наблюдение за ними вылилось у старожилов в приметы, отражающие опыт первых переселенцев-дальневосточников, переданный последующим поколениям. Например, *радуга воду пьёт* — к дождю, *сопки в дыму топятся* — к ненастью, *морока перегорели* — к хорошей погоде, *снег через снег* — к дождливому лету, *кухта на деревьях* — к урожаю и т. д.

5. Эмотивность (эмоциональная реакция на природу) и оценочность (положительная/отрицательная), ощутимые в метафорах, — это результат когнитивных психических процессов, основанных на чёткой идентификации природных явлений носителями диалекта, а также свидетельство тонкой и чуткой душевной восприимчивости жителей Приамурья к окружающему миру.

Список использованных источников

1. *Галимова, Д. Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области : структурный и функциональный аспекты : автореф дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Н. Галимова ; [Место защиты: Том. гос. ун-т]. — Томск, 2010. — 26 с.*
2. *Галимова, Д. Н. Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья / Д. Н. Галимова // Слово : фольклорно-диалектол. альм. : материалы науч. экспедиций. — Благовещенск, 2005. — Вып. 2 : Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. — С. 30–35.*
3. *Кукса, Т. А. Метафорические модели как компонент идеографического поля : (на материале слов, определяющих физическое состояние человека) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Кукса ; [Юж. федер. ун-т.]. — Ростов-на-Дону, 2007. — 24 с.*
4. *Лагута, Н. В. Отражение внешнего микромира человека в русских говорах Приамурья (на материале бытийных высказываний) / Н. В. Лагута // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплинар. шк. молодых ученых «Картина мира: модели, методы, концепты». — Томск, 2002. — С. 220–224.*
5. *Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр.. — Москва : Оникс, Мир и Образование, 2007. — 1200 с.*
6. *Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. — Москва : Наука, 1998. — 179 с.*
7. *Словарь русских говоров Приамурья / авт.- сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.*

Материал поступил в редакцию 14.09.2017 г.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: 680000, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. (4212) 22-73-80.

НИКИТИНА НИНА ФЁДОРОВНА

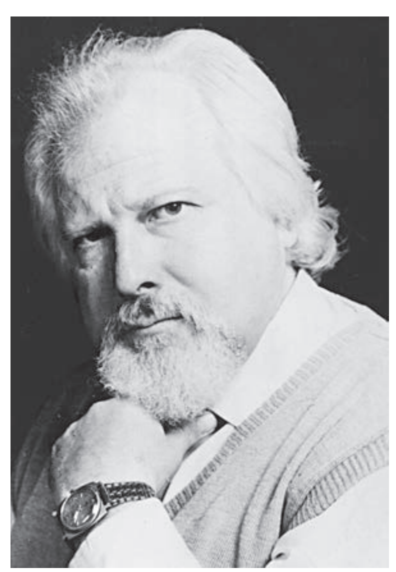
ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Статья посвящена 70-летию со дня рождения амурского художника и педагога Ю. Г. Наконечного, мастера монументально-исторического и городского историко-архитектурного пейзажа. Автор рассказывает о творческом пути живописца и графика, его вкладе в культуру Приамурья, приводит фрагменты интервью с ним. Использованы материалы личного архива Ю. Г. Наконечного.

Ключевые слова: Ю. Г. Наконечный, Благовещенск, Союз художников России, Амур, Дальневосточный государственный институт искусств.

Keywords: Yu. G. Nakonechny, Blagoveshchensk, Russia Artists Union, Amur, Far Eastern State Arts Institute.

Юрий Григорьевич Наконечный — заслуженный работник культуры Российской Федерации (2002 г.), член Союза художников России (с 1990 г.), лауреат Всероссийской выставки в Ульяновске (1980 г.), лауреат премии в области литературы и искусства в Амурской области (1998 г.).

Юрий Григорьевич Наконечный.

Родился он 11 сентября 1947 года в Благовещенске в семье рабочего. Его отец, Григорий Терентьевич Наконечный, после революции безусым пареньком приехал из Украины на Дальний Восток, служил в Красной армии.

— Отсюда, из Благовещенска, — рассказывает Юрий Григорьевич, — отец ушёл на фронт Великой Отечественной, прошёл всю войну, был участником войны с Японией, награждён орденами и медалями. Спустя годы, когда его уже не было в живых (он скончался в 1982 г.), нашей маме, Екатерине Ионовне Наконечной, пришла боевая награда отца — орден Отечественной войны II степени.

Юра с детства увлекался рисованием. Его воображение занимала жизнь старого города. Ещё мальчишкой с ватагой ребят бегал по развалинам церкви во имя Святой Троицы[1] (Шадринский собор) на улице Ленина, между Политехнической и Чайковского, делал вылазки на крышу здания Главного магазина и конторы благовещенского отделения Торгового дома «И. Я. Чурин и К°» на торговой площади по ул. Хмельницкого, 2. Увидеть город с высоты, а у самого края крыши прикоснуться к роскошному декору, — было чем гордиться перед сверстниками. Что-то оставалось в памяти, и мало-помалу появилось желание перенести увиденное карандашом на бумагу. В школьные годы во Дворце пионеров, расположенном в бывшем Главном магазине Торгового дома «И. Я. Чурин и К°», посещал изостудию. Руководил ею педагог В. В. Третьяков. Именно в школьные годы формируется характер юноши, его взгляды и устремления, и наконец приходит желание стать художником.

Шадринский собор, графика, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

В 1966 году он оканчивает Благовещенскую среднюю школу № 5. Несмотря на то, что мать Юрия — Екатерина Ионовна Наконечная (в девичестве Трущелёва), хотела видеть сына в будущем не иначе как архитектором, он поступает на художественно-графическое отделение Благовещенского педагогического училища № 1. Здесь опытные педагоги Валентин Васильевич Третьяков и Владимир Яковлевич Чумаков преподавали рисунок, живопись, черчение. Тогда мать не могла ещё знать, что её сын станет известным художником, большим мастером монументально-исторического и городского историко-архитектурного пейзажа.

— Мама часто вспоминала, — продолжил свой рассказ Юрий Григорьевич, — о годах детства и о своём отце, Ионе Ефимовиче Трущелёве, военном враче, офицере армии. Мой дед был высокообразованным человеком, владел несколькими иностранными языками. Он имел богатейшую библиотеку медицинской литературы, в том числе и на западноевропейских языках. Жили они тогда в Хабаровске. Имя И. Е. Трущелёва, как опытного врача, было широко известно среди простых горожан: многим он помог избавиться от недуга. В 1920 году жизнь деда оборвалась трагически:

1 *Названия церквей в Благовещенске автором взято из «Календаря на 2000 год» (Благовещенск, 1999). Автор текста — сотрудник Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского В. Н. Абеленцев.*

японские интервенты вывезли его на берег Амура и здесь расстреляли.

Наша бабушка, Мария Ивановна, спустя некоторое время после гибели мужа собрала пятерых детей и выехала в Благовещенск. Моя мама в Хабаровске успела окончить только пять классов средней школы. В Благовещенске ей удалось устроиться на работу по найму в бывшую купеческую семью экономкой и воспитательницей детей. Брат матери, мой дядя Володя Трущелёв, пошёл работать в Благовещенское речное училище, преподавал техническую дисциплину и всю жизнь выполнял там по совместительству работу художника-оформителя. Семья Наконечных-Трущелёвых обосновалась в этом городе крепко и надолго.

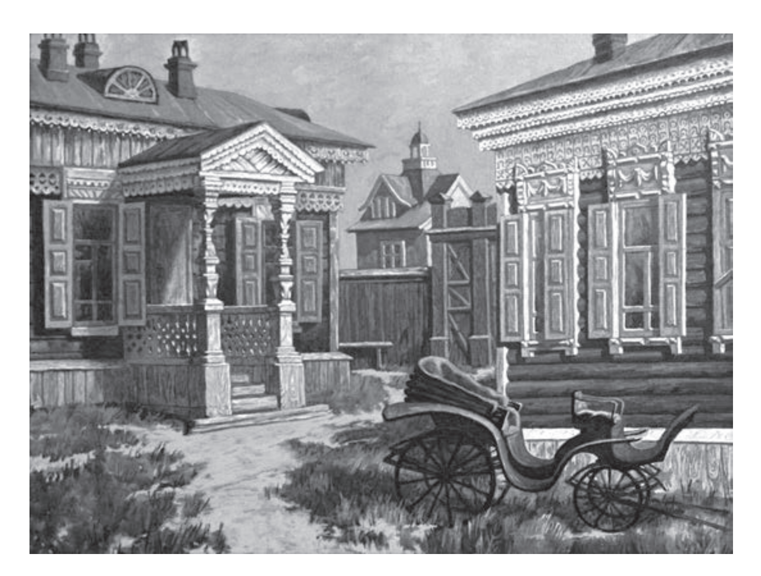
В 1960–1970-е годы стремительно менялось лицо областного центра. Как правило, новая застройка не отличалась архитектурной сложностью и изыском. Дома строились на смену не только ветхим, но и ещё довольно крепким купеческим деревянным домам бревенчатой кладки, карнизы, наличники, парадные подъезды которых — красота, глядеть — не наглядеться — зачастую были увенчаны, точно белым кружевом, тончайшей декоративной резьбой по дереву.

Триумфальная арка, графика, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Что и говорить, город наш красив изначально, он как бы вписан в природный пейзаж в излучине двух рек — Амура и Зеи. У старого города Благовещенска своё лицо: прямые, строго перпендикулярные, утопающие в зелени тополей улицы. Двух- и трёхэтажные здания разнообразной архитектуры в различных стилях — классическом, барокко, русский модерн — со временем сформировали архитектурный облик одного из первых городов Приамурья — Благовещенска.

В студенческие годы любознательный юноша с альбомом и карандашом в руках не однажды бывал во многих его

Городская усадьба, живопись, 1995 год, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

уголках. Он с интересом всматривался в контуры монументальных зданий, обращал внимание на их сводчатые окна, выступающие карнизы, нарядные порталы (художественно оформленные входы), делал зарисовки старинных не только каменных, но и деревянных строений, чем-то приглянувшихся купеческих усадеб.

Тогда же начались напряжённые творческие искания. Юрию не давал покоя вопрос: как изобразить архитектуру старого Благовещенска, сохранив дух того времени, как вернуть то, что кануло в Лету? Но вдруг пришла спасительная мысль. Ведь можно сделать этюды архитектуры города — зданий, улиц, людей, а где-то и восстановить по памяти. К сожалению, многие здания конца XIX – начала XX века — Триумфальную арку на Краснофлотской улице, Градо-Благовещенский кафедральный собор Благовещения

Здание бывшего торгового банка, графика, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Пресвятой Богородицы на пересечении улиц Ленина и Садовой, церковь во имя Святой Троицы (Шадринский собор), Кладбищенскую церковь во имя Вознесения Господня на углу Красноармейской и Комсомольской улиц, церковь во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца в Рёлочном переулке, угол Комсомольской, — можно было увидеть разве только в домашних альбомах да на музейных фотографиях. Большинство монументальных государственных, торговых и духовных зданий Благовещенска было снесено в советский период — в 1920-е – 1930-е годы и в 1980-м году.

Размышления Юрия Наконечного привели к созданию большой и серьёзной серии пейзажных работ, посвящённых истории Благовещенска. Сначала Юрий Григорьевич приступил к работе над графическими пейзажами «Прогулка по старому городу», а затем и над серией живописных историко-архитектурных пейзажей «Архитектура старого города». Вот где пригодились зарисовки бульваров и площадей, православных церквей и памятников культовой архитектуры самого большого некрополя нашего города — Кладбищенской церкви во имя Вознесения Господня (церковь была уничтожена в 1930-е гг.).

В 1970–1974 годах, после окончания училища, Ю. Г. Наконечный работает в Амурских художественно-производственных мастерских, занимается жанровой живописью. В 1974–1979 годах учится на живописном факультете Дальневосточного педагогического института искусств (ныне — Дальневосточный государственный институт искусств, г. Владивосток). Его учителем был заслуженный художник РСФСР (1966 г.), заслуженный деятель искусств РСФСР (1981 г.), член-корреспондент Российской академии художеств (с 1995 г.), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (с 1999 г.), профессор, почётный гражданин

Благовещенский кафедральный собор Благовещения Пресвятой Богородицы, живопись, 1997–2003 годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Кладбищенская церковь во имя Вознесения Господня, графика, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

города Владивостока Кирилл Шебеко (1920–2004)[2], о котором Юрий Наконечный хранит самые тёплые воспоминания. После окончания института он получает направление в Благовещенск, в Амурские художественно-производственные мастерские, работает в должности художника.

С 1970-х годов Юрий Григорьевич — постоянный участник областных, зональных, всероссийских и международных выставок. Он участвует в V зональной выставке «Советский Дальний Восток» (г. Чита, 1980 г.). Живописное полотно

2 До конца своей жизни К. И. Шебеко работал в двух направлениях: творчество и преподавание. В 1940 г. Кирилл Иванович окончил Благовещенское художественное училище (мастерская замечательного педагога, преподавателя рисунка и живописи Петра Сергеевича Евстафьева, ученика И. Е. Репина и Д. Н. Кардовского. О нём см. Никитина Н. Ф. Пётр Евстафьев, вдохновенный художник и педагог // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 1 (21). С. 59–69). С 1950-го по 1962 г. преподавал во Владивостокском художественном училище, потом на кафедре живописи и рисунка в Дальневосточном педагогическом институте искусств. В 1984 г. Кирилл Шебеко становится профессором рисунка и живописи, возглавляет кафедру. На педагогическом счету Кирилла Ивановича 90 специалистов, получивших высшее образование художников-живописцев. Среди них Евгений Макеев и Сергей Герасимов, Пётр Стронский и Андрей Камалов, Геннадий Кунгуров и Юрий Наконечный, а также многие другие не менее известные художники.

«Подстанция на БАМе» была закуплена и помещена в экспозицию художественного музея Читы.

В 1984 году своё профессиональное мастерство художник повышает в Доме творчества «Академическая дача» им. И. Е. Репина, в 1989-м — в Доме творчества «Байкал». На Байкале с группой коллег посещает остров Ольхон. Здесь родились новые творческие замыслы. Они воплотились в пейзажах «Земля предков» и «Вечерняя сказка Байкальских гор» по мотивам сказаний коренных жителей.

В 1988 году значимым событием в творческой биографии Юрия Наконечного стала первая персональная выставка, состоявшаяся в городе Тынде, материалы которой вызвали большой интерес у строителей БАМа.

Дважды (в 1995, 1996 годах) в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского (АОКМ) проходили персональные выставки художника «Архитектура старого Благовещенска. С любовью о веке минувшем» (позднее выставка экспонировалась в картинных галереях Харбина и Хэйхэ, КНР). В 1998 году в этих же стенах была организована экспозиция работ Ю. Г. Наконечного, посвящённая 140-летию столицы Амурской области и 50-летию со дня рождения мастера. Обе выставки вызвали большой интерес у публики. Их посетила молодёжь, которой не безынтересно было познакомиться с произведениями искусства, отображающими историю Благовещенска.

В 1998 году Юрий Наконечный выполняет заказ Ивановского муниципального краеведческого музея — воплотить на полотне трагедию сожжения японцами центральной части села Ивановки весной 1919 года. Во время Гражданской войны японские войска в поисках большевиков-партизан

Театр Роганова, графика, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Здание бывшего Торгового дома «Кунст и Альберс», 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

захватили село, расстреляли и сожгли ни в чём не повинных людей. Юрий Наконечный написал мемориально-историческое полотно размерами два на три метра. Помощь ему в создании картины оказывал художник Владимир Серебряков. В настоящее время картина «Ивановка весной 1919 года» находится в экспозиции этого музея.

В последние годы всё большее место в творчестве художника занимает пейзажная живопись, передающая неповторимую красоту природы Приамурья. На некоторых полотнах зритель может увидеть первое русское поселение XVII века на Амуре — город-крепость Албазин.

С молодых лет Юрий Григорьевич писал архитектурно-исторические пейзажи Благовещенска рубежа XIX–XX веков. Он первым в своём творчестве обратился к теме старого города и успел многое осуществить, создав произведения искусства, которые ждал амурский зритель. И эти ожидания оправдались. Многочисленные этюды, документально-художественные серии графических и живописных работ, посвящённые старому городу, — свидетельства века минувшего, вызывали неподдельный зрительский интерес к творчеству художника[3].

С 2003-го по 2008 год Юрий Наконечный являлся заведующим кафедрой художественных дисциплин Амурского государственного университета, вёл плодотворную работу по подготовке молодых творческих кадров.

3 Имя художника Ю. Г. Наконечного внесено в биобиблиографический указатель Амурской областной научной библиотеки им. Н. Н. Муравьёва-Амурского «Амурские художники» (Благовещенск, 2003).

«Мой дворик», живопись, 1980–1990-е годы, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Его произведения часто воспроизводятся в печати как в местной, так и в центральной (Россия) и зарубежной (Китай). С конца 1980-х годов в газетах «Старая мельница» (приложение к газете «Амурская правда»), «Амурский комсомолец», «Моя мадонна», «Благовещенск», «Аргументы и факты» и других печатались многочисленные статьи, интервью, заметки с отзывами о персональных выставках художника. Очерки, посвящённые творчеству Ю. Наконечного, публиковались на страницах альманахов «Приамурье моё», «Приамурье», альбомов «Благовещенску — 145 лет» (Благовещенск, 2003) и «Благовещенску — 150 лет» (Благовещенск, 2006).

В 1995 году художнику впервые представилась возможность иллюстрировать переиздание книги «Амурские волки» (Благовещенск, 1996) — коллективный роман из жизни Приамурья начала XX века.

Альбом рисунков Юрия Наконечного «Прогулка по старому Благовещенску».

Издательство «Приамурье» выпустило большой настенный календарь на 1998 год «Благословенный город мой», два настольных календаря и 17 карманных календарей, иллюстрированных работами Ю. Наконечного из серии «Архитектура старого города».

Редакция «Амурской правды» издала книгу Юрия Наконечного «Прогулка по старому Благовещенску», в которой помещено 43 графические работы художника[4].

В 2002 году в Даляне (КНР) вышел альбом произведений художников Китая, куда включено всего две репродукции картин амурских художников с одинаковым названием «Здание бывшего Торгового дома “И. Я. Чурин и К°”». Одна из них принадлежала кисти заслуженного работника культуры России Юрия Наконечного, вторая — заслуженного художника России Александра Жигалова.

Вышедший в 2004 году в Благовещенске альбом «Художники Приамурья» также содержит репродукции работ Ю. Г. Наконечного[5].

В 2008 году в Москве издан справочник «Единый художественный рейтинг», выпуск 14-й, где дана информация о месте творчества Юрия Наконечного в изобразительном искусстве страны. В двухтомнике «История Благовещенска», выпущенном издательством ОАО «Амурская ярмарка» в 2009 году, помещены репродукции его картин. В 2010 году в Китае вышло иллюстрированное издание «Выставка масляной живописи художников Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян, КНР», куда были включены и работы Юрия Наконечного. Тогда же в Харбине был выпущен альбом «Собрание художников России, Дальнего Востока»[6], а в Благовещенске издана книга «Искусство Приамурья»[7] с репродукциями работ Ю. Г. Наконечного.

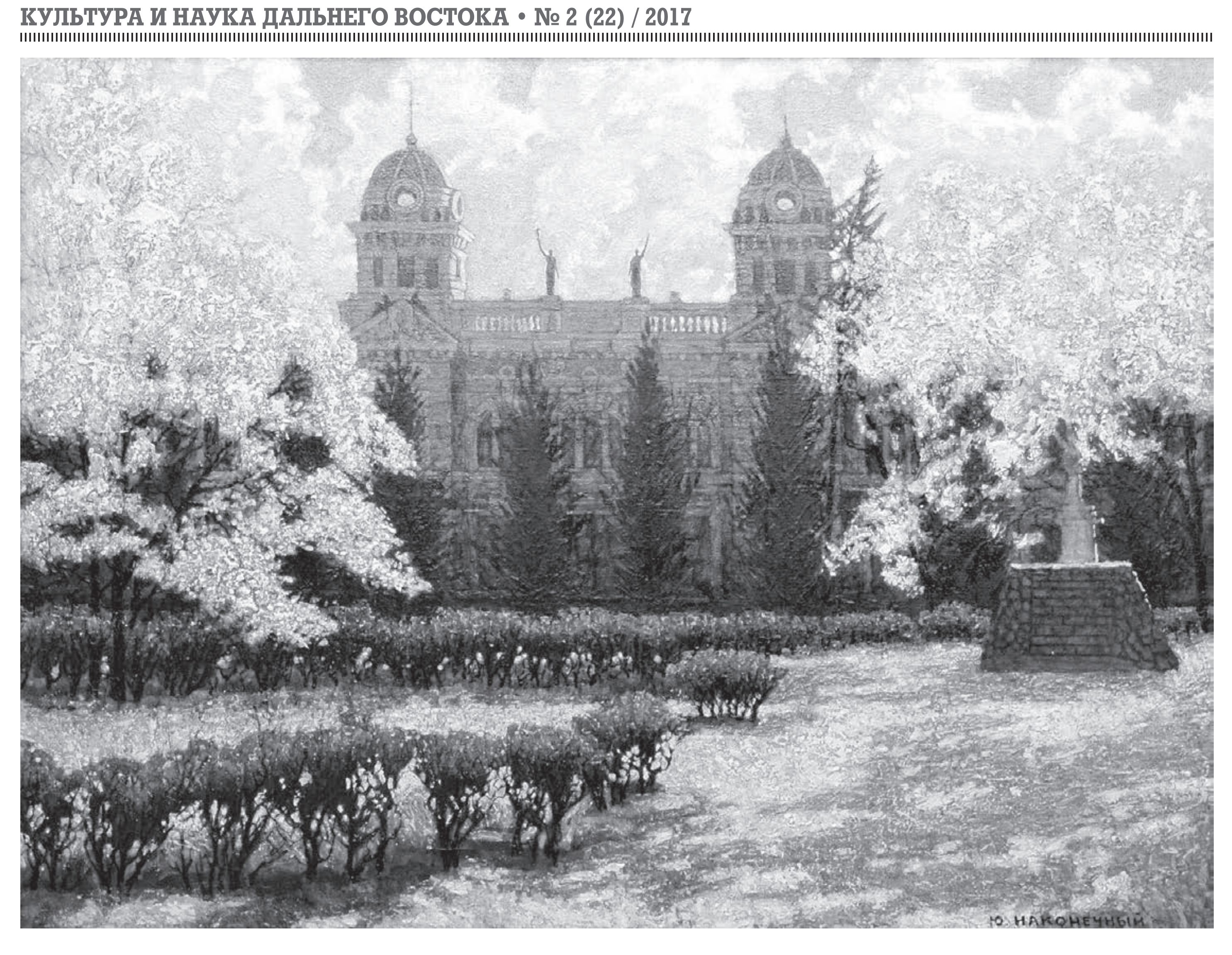
Труд Юрия Григорьевича Наконечного отмечен почётными званиями и наградами. В 1998 году он удостоен нагрудного знака Министерства культуры Российской Федерации «За достижения в культуре». В 2002 году ему присуждено

4 Наконечный, Ю. Г. Прогулка по старому Благовещенску / Ю. Г. Наконечный. Благовещенск : Амур. правда, 1998. 59 с. : ил.

5 Наконечный, Ю. Г. «Шадринский собор», «Магазин Гурикова и Чурина», «Натюрморт с плакатом», «Земля предков», «Кафедральный собор в Благовещенске», «Мой дворик» // Художники Приамурья [Изоматериал] : альбом. — Благовещенск, 2004. — С. 90–98.

6 Наконечный, Ю. Г. «Кафедральный собор в Благовещенске», «Городская усадьба», «Здание бывшего Торгового дома “И. К. Чурин и К°”»: репродукции // Собрание художников России, Дальнего Востока [Изоматериал] : альбом. — Харбин, 2010. — С. 94–99.

7 Наконечный, Ю. Г. «Мой дворик», «Набережная реки Амур», «Здание бывшего Торгового дома “И. К. Чурин и К°”» : [репродукции] // Искусство Приамурья : живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство [Изоматериал] : каталог. — Благовещенск, 2010. — С. 17.

Здание Главного магазина и конторы благовещенского отделения Торгового дома «И. Я. Чурин и К°», 1980–1990-е годы, живопись, из собрания АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

звание «Заслуженный работник культуры России». В 2011 году он награждён серебряным знаком «Традиции. Духовность. Мастерство».

Живописные произведения Ю. Г. Наконечного закуплены частными картинными галереями России, США, Китая, Японии. Коллекции его работ хранятся в АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Юрий Григорьевич за период с 1970-го по 2011 год был участником более 100 художественных выставок: всероссийских, региональных, зональных, зарубежных и международных, персональных и передвижных Амурской организации Союза художников России. Это как свидетельство активного участия хранителя времени мастера монументально-исторического и историко-архитектурного пейзажа Юрия Наконечного в художественной жизни региона и страны.

Осенью Амурский областной краеведческий музей подготовил очередную персональную выставку произведений Ю. Г. Наконечного к 70-летию со дня его рождения. На юбилейной выставке, прошедшей с 5-го по 29 октября, Юрий Григорьевич представил все работы, включая и те, с которыми ещё не знаком современный зритель. Экспонировались новые картины с видами зданий старого Благовещенска, написанные в последние годы: «Триумфальная арка и пароходы», «Китайские гости в Благовещенске. Конец XIX – начало XX вв.». Не оставили никого из зрителей равнодушными такие картины, как «Земля предков», «Вечерняя сказка Байкальских гор», «Портрет отца», «Портрет жены» и другие живописные работы художника.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Выставки, в которых принимал участие Ю. Г. Наконечный

1973 — Хабаровск. Краевая молодёжная художественная выставка.

1976 — Владивосток. Приморская краевая выставка.

1977 — Владивосток. Приморская краевая молодёжная выставка художников.

1980 — Чита. V зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток».

1980 — Ульяновск. Всероссийская выставка, посвящённая 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

1984 — Чита. Республиканская художественная выставка «Художники Советской России — БАМу».

1985 — Владивосток. VI зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток».

1988 — Тында. Первая персональная передвижная выставка в столице БАМа.

1988 — Харбин (КНР). Художественная выставка. Живопись.

1989 — Хэйхэ (КНР). Выставка работ амурских художников.

1990 — Благовещенск. Выставка работ амурских художников, принятых в Союз художников РФ.

1990 — Якутск. VII зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток».

1994 — Благовещенск. Весенняя выставка работ амурских художников.

1994 — Благовещенск. Персональная выставка в городской больнице.

1994 — Ниигата (Япония). Выставка работ российских художников.

1995 — Благовещенск. Персональная выставка «Архитектура старого Благовещенска» в АОКМ им Г. С. Новикова-Даурского.

1996 — Благовещенск. Персональная выставка «Архитектура старого города» в АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

1996 — Хэйхэ (КНР). Персональная выставка «Архитектура старого Благовещенска».

1996 — Харбин (КНР). Персональная художественная выставка «С любовью о веке минувшем. Архитектура старого Благовещенска» (живопись, графика).

1997 — Хабаровск. VIII региональная выставка «Дальний Восток».

1998 — Благовещенск. Персональная выставка, посвящённая 140-летию г. Благовещенска и 50-летию со дня рождения Ю. Г. Наконечного, в АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

1998 — Благовещенск. Выставка работ амурских художников, посвящённая 140-летию г. Благовещенска, в Центральном выставочном зале Амурского отделения Союза художников России.

1999 — Харбин (КНР). Международная художественная выставка.

2000 — Москва. Всероссийская художественная выставка «Имени Твоему», посвящённая 2000-летию Рождества Христова.

2002 — Далянь, Шанхай, Харбин (КНР). Международные художественные выставки.

2005 — Хэйхэ (КНР) Международная художественная выставка в честь открытия Музея русского искусства.

2006 — Благовещенск. Персональная художественная выставка графики, посвящённая 150-летию областной столицы.

2007 — Благовещенск. Международная художественная выставка «Россия — Китай», посвящённая Году Китая в России, в АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

2009 — Москва. Всероссийская художественная выставка «Россия XI».

2011 — Благовещенск. Художественная выставка преподавателей и студентов АмГУ в АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 23.07.2017 г.

Сведения об авторе: Никитина Нина Фёдоровна, краевед (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: z-31dgg_s@mail.ru; тел. 8-914-392-36-59.

БАБУРОВ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ? (ПОПЫТКА ПОПУЛЯРНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ)

Автор монографии пытается разобраться в вопросах творчества, искусства и эстетики и предлагает своё видение данной проблематики. Опираясь на изыскания учёных и философов, выкладки физиологов и психологов, а также собственный опыт, он выстраивает некую модель личности. Настоящая публикация является продолжением; начало размещено в № 1 (21) за 2017 год.

Ключевые слова: творчество, вдохновение, искусство, гармония, личность, разум и эмоции, художественная форма, ритм, эстетический вкус, стиль и мода, имидж.

Keywords: creativity, inspiration, art, harmony, personality, mind and emotions, artistic form, rhythm, aesthetic taste, style and fashion, image.

Принцип гармонии проявляет себя не только в восприятии людьми жизненных ситуаций. Точно так же этот механизм срабатывает в любых проявлениях человеческой психики, в том числе и в творческой деятельности. Творчество не может быть выражено иначе, чем через ту или иную форму. Форма — это прежде всего инструмент диалога художника со зрителем или музыканта со слушателем, или даже автора с самим собой.

Художественное содержание формы

С позиций рационального взгляда форма в искусстве — всего лишь средство передачи визуальной, звуковой или смысловой информации. Абсолютизация этого предназначения привела к тому, что в так называемом реалистическом искусстве задачи художественной формы сводились только к «отражению реальной действительности». А творческий процесс состоял в том, чтобы «реалистическим», то есть изобразительным, способом воплотить как можно более похоже на натуру тщательно продуманный, рационально воспринимаемый сюжет. Это и дало повод назвать такое искусство реализмом. Популярность реалистических форм искусства объясняется как раз тем, что по ясности восприятия реализм, как иллюстративная форма передачи того или иного смыслового содержания, доступен самым неподготовленным и малоразвитым в культурном отношении людям. Но действительность показала, что возможности мирового искусства не могут быть втиснуты только в узкие рамки реалистического метода.

С точки зрения психоанализа, наряду с вышесказанным, художественная форма имеет два основных значения: «Во-первых, эта форма должна давать неглубокое и поверхностное, как бы самодовлеющее удовлетворение чисто чувственного порядка и служить приманкой, обещанной премией или, правильнее сказать, предварительным наслаждением, заманивающим читателей в трудное и тяжёлое дело отреагирования бессознательного. Во-вторых, её назначение состоит в том, чтобы создать искусственную маскировку, компромисс, позволяющий и обнаружиться запретным желаниям, и тем не менее обмануть вытесняющую цензуру сознания» [1, с. 98].

В этом и заключена **основополагающая** роль художественной формы, **наряду с изобразительной**[1].

Каков же механизм, позволяющий передавать через художественную форму столь сложные проявления человеческой психики? Он не имеет иных истоков, кроме многотысячелетнего генетического опыта.

Связь характера формы с её эмоциональной нагрузкой и является основой возникновения эмоциональной выразительности в искусстве.

Соотношения цветов в живописи, звуковая гармония и ритмика в музыке, ритмические построения и контрастно-нюансные пропорции объёмов в архитектуре, пластические ассоциативные формы в скульптуре — всё это средства, позволяющие через художественную форму опосредованно реализовать мятущееся подсознание. Многообразие содержательно-выразительных возможностей формы, обладающих способностью воздействия на эмоции, бесконечно и индивидуально, как бесконечно многообразие человеческих личностей, ведь каждый человек имеет свой, конкретный «замес» рационального и эмоционального. Но характернейшие из них, имеющие в своей основе коренные эмоциональные мотивации, наиболее типичны. К таковым, к примеру, можно отнести ритм.

Восприятие ритма, как элемента художественной формы, объясняется тем, что ритм распространён в природе: это и повторяющаяся смена времён года, и каждодневный восход и закат солнца, и монотонность звучания капель дождя, и морской прибой. В человеческой деятельности ритм издавна служит средством для облегчения работы.

Кроме способности организовать и гармонизировать художественную форму, ритм обладает громадными «подтекстовыми» возможностями эмоционально-ассоциативного содержания.

Современная молодёжная музыкальная культура и культура «примитивных» народов ритмизированы настолько,

1 *В. А. Фаворский так рассуждал о многообразии возможностей содержания формы: «Форма — это вместилище содержания, в форму вкладывается содержание …нет содержания чистого, совсем без формы и нет формы без содержания… Вертикальность колонн, столбов, вертикальность дерева подсказывает нам фигуру человека в архитектуре и изобразительном искусстве, является уже содержанием формы… Среди объёмов, о которых интересно говорить, будет шар или шарик, если он маленький. Это бусина, которая висит и которая весит, которая падает и катится. То, что она весит — это характерно, и что падает — это тоже характерно. Недаром Ньютон на круглом яблоке открыл закон тяготения. Но это одна бусина, а может быть гроздь… Гроздь винограда. Тогда это каскад шариков, изображающих падение, стремление, тяготение, висящих на одной веточке и в то же время говорящих о единичном и множественном, о могуществе и мелочности, о сложном и цельном. Вообще, о грозди всего не скажешь — до того она замечательна! В ней всегда есть возможность раскатиться, превратиться из грозди в град. …Это то, что мы имеем в природе всюду и можем использовать, как форму уже содержательную и в орнаменте, и в других местах…» [6].*

что из них иногда полностью вытесняются все другие составляющие музыки. На молодёжных дискотеках вы часто не услышите ничего, кроме ритма. Гиперсексуальность подростков в период полового созревания, не имея ещё возможности в полной мере быть реализованной в жизни, выплёскивается на танцполе и сублимируется через чувственные формы ритмических звуков и движений. Молодые люди, получившие возможность регулярной реализации сексуального инстинкта в реальной жизни, как правило, теряют интерес к дискотекам.

Мало осознаваемый и потому мало осмысляемый эмоциональный образ, естественно, именно в силу неосознанности, не может быть полностью обличён в конкретную сюжетно-смысловую форму, а потому единственно оправданным путём его воплощения являются рационально неосознаваемые, заведомо иррациональные способы выражения, в том числе и через содержательные возможности художественной формы.

Психологическая основа художественного образа и сущность содержания в искусстве

Поскольку мотивацией творчества является конфликтное взаимоотношение между двумя составляющими гармонии — разумом и эмоциями, то и выражение этого конфликта через ту или иную художественную форму также подчиняется требованию гармонии.

Что же это такое применительно к творчеству? Для понимания этого термина удобнее всего воспользоваться древнебуддийским философским символом «Инь — Ян» в виде круга — символа абсолютной гармонии, разделённого S-образной кривой на две равные половины. В нём гармония представлена как единство противоположностей: чёрного и белого, добра и зла, мужского начала и женского, разума и эмоций…

Этот символ, несмотря на его экзотичность, давно принят в мировой философии как наиболее наглядно отражающий отвлечённое от конкретики понятие единства и гармонии. Он даже получил у европейских философов латинское название «монада» (от слова «моно», что значит «единое, цельное»).

Гармония не может быть представлена лишь одним качеством, а всегда только взаимосоответствием противоположностей. Применительно к нашей теме гармония — это то, что и уму понятно, и «душу греет». А что же греет душу в искусстве? Очевидно, то, что, кроме смыслового значения, воспринимаемо на эмоциональном (душевном) уровне и приятно ласкает наши чувства, глаз и слух. То, что мы называем эстетическими ощущениями, или эстетическим восприятием.

Природа эстетического, эстетический вкус

В чём же истоки эстетического, или художественного, восприятия?

Именно эмоциональность восприятия окружающей действительности является основой эстетического чувства. Но, поскольку эмоциональное по своей сути сокрыто для нашего сознания в области подсознательного, мы испытываем затруднения в попытках как-то осознать, а тем более объяснить наши эстетические чувства. Это и является причиной противоречивых взглядов, оценок и мнений в искусстве.

«По самой своей природе эстетическое переживание остаётся непонятным и скрытым в своём существе и протекании от субъекта. Мы никогда не знаем и не понимаем, почему нам понравилось то или иное произведение. Всё, что мы придумываем для объяснения его действия, является позднейшим примышлением, совершенно явной рационализацией бессознательных процессов. Самое же существо переживания остаётся загадочным для нас» [1, с. 18].

Чем более сложное эмоциональное состояние испытывает художник, тем меньшее значение для самовыражения имеет смысловое содержание его творчества.

В этом случае основным содержанием произведения становится не сюжетно-смысловая часть его, а замаскированный в форме и выраженный в ней эмоционально-чувственный образ, создающий у зрителя определённое эмоциональное настроение.

«Как вы хотите понять мои картины, — признавался Сальвадор Дали, — когда я сам, который их создаю, их тоже не понимаю. Факт, что я в тот момент, когда пишу, не понимаю моих картин, не означает, что эти картины не имеют никакого смысла, напротив, их смысл настолько глубок, сложен, связан, непроизволен, что ускользает от простого логического анализа» [Цит. по 3, с. 159].

Воспринимая такого рода искусство, зритель не должен пытаться найти в нём то сюжетное содержание, которое автор туда и не вкладывал. Это всё равно, как, придя в булочную, вы станете требовать гвозди и возмущаться, если таковых там не окажется. За гвоздями идите в другой магазин…

«Каждый хочет понимать искусство. Но почему же мы не стремимся понять пение птиц? Почему, любя ночь, цветы, всё вокруг нас, мы не пытаемся понять это? Когда же речь заходит о картине, люди считают, что они должны

понимать её… Тот, кто берётся объяснять картины, обычно попадает пальцем в небо», — выразился в своё время Пабло Пикассо [5, с. 23].

В данном случае необходимо не искать «обязательный смысл», а открыть свои чувства сложному воздействию художественной формы и через посредство этого воздействия попытаться ощутить эмоционально-чувственный образ произведения, то есть проникнуться тем состоянием души художника, в котором он пребывал в момент творчества. Только при этом условии конкретное произведение может состояться для данного зрителя как произведение искусства.

На каком же источнике основана наша подсознательно-чувственная сфера?

Унаследовав из глубины веков сокрытую от сознания эмоциональную составляющую нашей души, мы и теперь, в практически неизменном виде, пользуемся ею. Эмоциональные реакции современного человека сопровождаются биохимическими процессами точно такими же, какие сопровождали подобные эмоции первобытного человека.

«…У ярости и страха немало одинаковых проявлений: учащаются сердечные сокращения, повышается артериальное давление и расширяются кровеносные сосуды, снабжающие кровью мышцы. В кровь выделяются гормоны — адреналин, а затем гидрокортизон; увеличивается концентрация в крови жирных кислот и глюкозы, повышается свёртываемость крови. Иными словами, все ресурсы организма мобилизуются для предстоящего боя (в случае ярости) или бегства (в случае страха).

Но в наших повседневных отношениях борьба или бегство, как правило, исключаются, мы большей частью ведём себя «по-джентельменски». Поэтому физиологические реакции, подготавливающие организм к активной физической деятельности, оказываются неуместными. Более того: часто повторяясь и не находя разрядки, они приносят вред. Выражение «заболел от злости», к сожалению, не фигуральное, его подтверждает медицинская практика» [4, с. 20].

Студент на экзамене испытывает те же самые эмоции, какие сопровождали его далёких предков в случае реальной опасности, с теми же самыми биохимическими процессами в организме; на экзаменатора он эмоционально реагирует точно так же, как его далёкий предок на саблезубого тигра. Разница только в том, что реализовать это в реальных мышечных действиях на экзамене невозможно, а потому вся энергия, предназначенная для физически активных действий, попросту как неиспользованная, превращается в тепло. Бедного неуверенного в себе студента сначала бросает в дрожь, затем в жар, а потом в пот.

Поскольку опасности подстерегали наших предков постоянно, то организм, эндокринная система, работа всего физиологического аппарата были ориентированы на такую жизнь. Для нормального функционирования организма современного человека также по инерции требуются в необходимом количестве стрессовые ощущения, без которых он не получает в достаточном для его нормального функционирования объёме гормонов «опасности». То есть очень спокойная и безопасная жизнь ведёт к «застою» организма, эпизодически нуждающегося в подстёгивающих его энергетику гормонах. От слишком спокойной жизни организм «вянет» и начинает болеть.

На подсознательно-эмоциональном уровне это срабатывает как необъяснимый с позиций здравого смысла интерес к всевозможного вида опасным происшествиям с трагическим исходом. Получив в результате зрелища необходимую дозу стрессовых гормонов, подкреплённую подсознательным: «Слава богу, это случилось не со мной», — человек испытывает чувство облегчающего (как это ни кощунственно звучит) самоудовлетворения.

Необходимостью подпитывать организм стрессовыми ситуациями и объясняется притягательная популярность голливудских боевиков, фильмов-катастроф и прочих «страшилок» и «ужастиков». Такие фильмы выполняют прежде всего психотерапевтическую функцию для громадного количества людей, живущих слишком спокойной и безопасной жизнью. В этом и состоит основное «содержание» такого киноискусства, а вовсе не в «пропаганде культа жестокости и насилия», как это по «совковой» инерции продолжают говорить некоторые идеологи и теоретики искусства. Другое дело, что под притягательность зрелища можно пристегнуть ту или иную политико-идеологическую концепцию, но это к сути искусства имеет косвенное отношение.

Таким образом, мы имеем ещё один пример того, что искусство призвано восполнять недостающее. А вспомните, какие фильмы были популярны в осаждённом Ленинграде во время блокады. Это были в основном довоенные комедии, а в театр замерзающие и умирающие от голода люди шли на оперетту.

Генетическая память работает и при более тонких, чем страх и ярость, эмоциях — эмоциях, имеющих эстетическую направленность.

Эстетика художественной формы

Что такое красота? Как мы сегодня оцениваем красоту человека? Большую роль здесь играет физический облик. Для людей, по крайней мере принадлежащих к одной расе (то есть к общему генетическому стереотипу), существуют общие критерии в оценке физической красоты. Ещё в античные времена были созданы изображения мужчин и

женщин, до сих пор являющиеся идеалом в смысле их физического совершенства. Красивой, в нашем восприятии, является стройная фигура с нормальными пропорциями, достаточной длины руки и ноги, развитая мускулатура. Стройная шея, прямой нос, большие, широко расставленные глаза, густые волосы, чистая кожа — всё это признаки, которые, по нашей оценке, являясь сугубо эстетическими, на самом деле проявления приспособленности человека к выживанию в суровых диких условиях. Длинные ноги давали возможность быстро бегать, крепкие руки — хорошо охотиться, стройная, достаточно длинная шея — вовремя оглянуться и из-за куста заметить опасность на полсекунды раньше, что часто имело решающее для жизни значение. Большие и широко расставленные глаза улучшали бинокулярность зрения, что позволяло лучше охотиться. Густые волосы и чистая свежая кожа — свидетельство нормального обмена веществ и внутреннего здоровья, что являлось существенным фактором в выборе отца или матери будущего потомства. Прямой нос у представителей европеоидных рас позволял согреваться холодному воздуху при дыхании в северных широтах.

Все эти качества, являвшиеся жизненно необходимыми в условиях дикой природы, в настоящее время уже не столь актуальны для выживания. Нам не нужно сегодня догонять или убегать, рисковать жизнью для того, чтобы жить; неустойчивый климат компенсируется комфортным жильём, а вместо красивого мужа большинство женщин предпочитают состоятельного. Тем не менее древнейший механизм подсознательного настолько силён, что по-прежнему продолжает определять наши эстетические оценки.

Критерием соответствующих неосознанных оценок является, несомненно, опыт общения с природой. А другому и взяться неоткуда. Современный человек интуитивно ищет в окружающей его новой, искусственно созданной среде аналогии с естественной природой и испытывает эмоциональное и эстетическое удовлетворение, когда находит таковые.

Напрашивается парадоксальный вывод: «Это что же, раз все мы — дети природы и у нас все эмоциональные критерии — от природы, то и эстетический вкус у нас должен быть безукоризненный и один на всех?»

Это было бы так, если бы человек в психологическом смысле состоял из одних эмоций. А куда мы дели индивидуальный прижизненный опыт, именуемый разумом? Наличие в психике человека двух параллельно существующих и часто конфликтующих между собой сфер и создаёт всю эту неразбериху с эстетикой. Это определяет и характер восприятия человеком окружающей действительности. С одной стороны, он воспринимает мир разумом, сознанием, ищет в явлениях жизни смысл, логику, целесообразность. С другой — каждое явление одновременно оценивается им подсознательно, эмоционально. Как и в психике человека, эти сферы не всегда в согласии при оценивании окружающей действительности — зачастую возникает противоречие между разумной и эмоциональной оценками.

Как только недалёкое наше сознание начинает деспотично вмешиваться в процесс эстетической оценки, внутренняя согласованность даёт сбой. Совершенно «правильная», логичная и оправданная с позиций здравого смысла форма может восприниматься отрицательно в эмоциональной оценке как сухая, безжизненная и некрасивая.

Очевидно, для нашего «двухканального» восприятия необходимо не только соответствие здравому смыслу и логике, а и «чувствование».

Как сбалансированное соотношение эмоционального и рационального в психике человека определяет гармонию личности, так же лишь при условии баланса рациональных структур с иррациональными (то есть природными или ассоциирующимися с таковыми) в искусстве возможно достижение того, что в нашем восприятии есть гармония.

Пока человек не обладал тем, что мы именуем разумом, то есть уже был «гомо», но ещё не стал «сапиенс», он находился в психологическом единстве с природой. Но с развитием сознательной сферы он одновременно всё более рационализирует окружающую среду: создаёт новые, не существовавшие до того в природе формы, исходя из своих практических потребностей, творит вторую, искусственную среду своего обитания (рационально организованную, геометрически структурированную), для которой ещё не успел выработаться генетически закреплённый в подсознании стереотип восприятия. Соответственно мы воспринимаем искусственные, не имеющие аналогов в природе формы как эмоционально не окрашенные — сухие, мёртвые и безжизненные.

Так, безусловно, полезные и рациональные новостройки спальных районов, возведённые по типовому проекту, производят удручающее эмоциональное впечатление, пока они не сгармонизированы, то есть не обживаются людьми и не дополняются природными ландшафтными формами в виде рельефа, водоёмов и растительности.

Подобно тому как в человеке всё более и более развивается рациональная сфера, усложняя его внутреннее взаимодействие с подсознанием, требования, предъявляемые им к окружающей среде, приводятся в аналогичное соответствие. Он испытывает потребность придать всему многообразию искусственно создаваемых форм качества, позволяющие воспринимать их как эмоционально положительные. Уже в самых ранних своих изделиях и постройках

человек ищет способы «вдохнуть душу» в новую среду своего обитания. Новые формы лишь в том случае могут стать комфортно воспринимаемыми, если они будут отвечать его эмоционально-подсознательным критериям.

Так же, как внешние формы живой природы — растений, животных, людей — обусловлены целым рядом внешних факторов, определяющих их формообразование, подлинно гармоничная искусственно создаваемая форма обязательно является следствием доскональнейшего учёта соответствующих факторов.

Если внимательно проанализировать все моменты, влияющие на образование растительных или животных форм, оцениваемых нами как красивые и гармоничные, обнаруживается прямая и довольно определённая зависимость этих форм от целого ряда внешних условий, в которых происходило их формирование. Зависимость эта обеспечивается в природе жесточайшим фактором естественного отбора, отметающим всё, хоть в самой малой степени не отвечающее требованиям внутреннего назначения и внешней среды.

Природные формы, будь то растения, пейзаж или животное, для человека красивы, если они в его восприятии эмоционально окрашены как приятные — не представляют опасности (ядовитые змеи) или не ассоциируются со смертью, распадом (хладнокровные земноводные, черви и рептилии), а также в полной мере соответствуют своему предназначению, находясь в оптимуме своего развития. К примеру, мы воспринимаем здоровую сильную лошадь как, безусловно, красивое животное. Природа в результате эволюции отвергла у этого непарнокопытного всё лишнее, не соответствующее его назначению быть лошадью, доведя совершенство форм до состояния «биологического кристалла». Но любые отклонения от совершенства делают объект нашего внимания «некрасивым». Больная или старая лошадь — уже «кляча».

Красота природных форм является следствием гармонии, основанной именно на предельном соответствии условиям их образования и существования. Это соответствие, являющееся **высшей целесообразностью формы**, и закрепилось в видовом опыте человека, существующем в каждом из нас до сих пор.

Природа не создала автомобиля, самолёта или корабля. Их формы абсолютно искусственны, но тем не менее мы восхищаемся красотой многих, особенно удачных, моделей.

Очевидно, что современный автомобиль со дня появления прошёл все этапы, приведшие его форму в состояние технологической, конструктивной и эксплуатационной гармонии, то есть он достиг за свою эволюцию той же степени совершенства, что и лошадь. Это и даёт возможность воспринимать его искусственную форму как эмоционально положительную, а значит, и эстетичную. Умозрительные попытки «украсить» автомобиль или любую другую искусственную форму, используя внешние атрибуты, механически привнесённые от других «красивых» форм, обречены на неудачу. Нелепо выглядела бы лошадь, «украшенная» какими-нибудь рогами, ветками или чешуёй (что тем не менее применимо в карнавальной эстетике, основанной именно на парадоксе).

Гармония созданных природой форм и механизм их образования опосредованно являются мерилом эстетической оценки новых форм, создаваемых человеком.

Пока человек жил в соответствии с окружающей средой, всё, что он создавал, в той или иной степени было гармонично. Лучшие музеи мира украшают коллекции произведений народного творчества, а фольклорная музыка является эталоном высокого музыкального вкуса.

Но что происходит, когда нарушается гармония среды обитания? Рассмотрим это на примере русского народного творчества.

Российские крестьяне, как основа русского народа, существовали в сложившейся веками среде. Многие поколения их предков жили на одном месте, занимаясь одним и тем же делом. Всё было устоявшимся — образ жизни пришёл в состояние определённой гармонии. Соответственно, всё, создаваемое ими, — утварь, одежда, песни, танцы — являлось образцом художественного вкуса. Но с отменой крепостного права в 1861 году крестьяне двинулись в города за лучшей долей, на заработки. Порвав связь со своей средой, они оказались в непривычных, чуждых для них условиях жизни и дали начало новой для тогдашней России социальной прослойке городского населения — мещанскому сословию.

Поступив в услужение к состоятельным горожанам, недавние крестьяне полностью поменяли свою жизнь. Их привычные представления входят в противоречия со сложившейся, а потому и по-своему гармоничной городской средой. Желая поскорее адаптироваться к новым условиям и осуществить свою мечту о более зажиточной, чем в деревне, жизни, они начинают хотя бы внешне подражать чуждой и непонятной им городской культуре.

Крестьянская девушка — ладная по деревенским понятиям: «Плечи — косая сажень, руки — лопаты» или «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», которая у себя в деревне была первой красавицей, поступив служить прислугой или горничной в богатый городской дом, видит там небывалую для неё ранее роскошь. Она мечтает, в силу своих возможностей и представлений, жить так же. Её восхищает красота барыньки, которая красива, но другой, городской, красотой. У той своя гармония. Её предки

несколько поколений не занимались физическим трудом, поэтому она хрупкая и нежная. Её одевает лучший портной — художник своего дела, поэтому её наряды — шедевры портняжного искусства, гармоничны и очень ей идут. Для платьев используются лучшие и, безусловно, красивые ткани: немецкий бархат, китайский шёлк, брюссельские кружева. Дизайн платьев тщательно продуман конкретно для барыньки с её субтильной конституцией. Когда она пьёт свой кофе — чашечка у неё маленькая (по её конституции), а держит она её изящно двумя пальчиками (больше и не поместятся). Всё это в сочетании с её изысканными манерами, натренированными на французских бальных танцах, которым её обучали с детства, в совокупности и создаёт гармонию, благодаря которой в барыньку влюблены все знакомые офицеры.

Нашей деревенской красавице тоже так хочется. Ей тоже хочется, чтобы в неё были влюблены если не офицеры, то хотя бы приказчик из лавки напротив.

Но конституция у неё другая, да и денег на дорогие ткани и француза портного у неё нет. Поэтому она сочиняет свой наряд сама: бархат — дорого, вместо него — мятый плюш, кружева заменит тюль, французские гобелены не по карману — сойдут бумажные обои. Вместо сливочного масла — маргарин, а вместо настоящего кофе — желудёвый. А вместо естественного гармоничного поведения — манеры.

У барыньки на платье две оборочки и бантик — красиво! «А мы сделаем десять оборочек и пять бантиков: это ж в пять раз «красивше»! А у барыньки воротничок кружевной, а у меня тюль — я в неё хоть вся завернусь». И вот вырядится наша крестьянка в собственноручные наряды — «под барыню», да сядет у открытого окошка чай пить «с манерами», чтобы приказчик из лавки видел. А чашечка-то у неё — полулитровая (по её комплекции), а держит-то она её двумя пальчиками (как барынька), а мизинчик-то оттопырен (чтобы приказчику манеры виднее были). Так вот и формировалось то, чему позже было дано название «мещанский вкус». То есть всё — эрзац. Всё — подделка. Всё — подражание. Всё — имитация и, естественно, никакой гармонии, а, следовательно, полная безвкусица. А сколько таких примеров мы можем назвать из нашей сегодняшней жизни…

Дожившие до наших дней «горничные» и «приказчики из лавки напротив» активно проявляют свои вкусовые пристрастия в обыденной жизни: телевидение заполнено «рейтинговыми» программами и сериалами, пекущимися как горячие пирожки по принципу: «сделайте нам красиво», да ещё доступно для невзыскательного нашего интеллекта, да ещё интересно в рамках наших полубиологических жизненных приоритетов, да ещё и богато — как мы это богатство представляем в своих ограниченных нашим пролетарским воспитанием о нём мечтаниях. Апогеем «мещанского» вкуса наших дней является вся поп-культура, или, в простонародье, «попса», в высшем своём проявлении поднявшаяся до «гламура». Так называемый «гламур», по сути, и есть воплощение представлений «горничной» о том, какой бы должна была быть её жизнь, если бы ей повезло стать «барынькой».

Однажды моя знакомая молоденькая девушка посетовала на то, что её бабушка знала секреты какого-то особенного поведения, позволяющего «выглядеть» умной, воспитанной и привлекательной, но не успела поделиться ими со своей внучкой. Она спросила меня, не мог бы я ей что-нибудь посоветовать в этом плане. Я этой девушке дал единственно возможный, на мой взгляд, совет: «Надо не “выглядеть”, а быть такою!» — чем привёл её в полное замешательство.

А что бывает, когда наша «горничная» берётся, к примеру, проектировать архитектуру?

Даже поверхностный анализ даёт нам немало примеров, показывающих, что игнорирование хотя бы некоторых из факторов гармонии резко снижает эстетический уровень архитектурных сооружений.

Мы знаем немало случаев, когда эстетически недообразованный архитектор, вдохновлённый, к примеру, безусловной красотой античной архитектуры и желая «сделать так же красиво», механически переносит её внешние формы на сооружение, по своему назначению и конструкции не отвечающее прототипу (те же кружавчики, те же оборочки). Где-нибудь на Дальнем Востоке появляется архитектурный объект, использующий в декоре античную ордерную систему. Архитектор, в силу своих ограниченных представлений о красоте, украшает районный Дом культуры или учебное заведение колоннадой и портиком, приставленными к совершенно не нуждающемуся в них зданию. Ни конструкция объекта, использующая достижения иной строительной индустрии, ни назначение его (явно не храм), ни климат (суровый и ветреный зимой) не обусловливают подобное решение. Кроме того, великолепие беломраморных колонн античного храма, составленных из вручную вырубленных монолитных мраморных блоков, сверкающих на солнце и сохраняющих как бы теплоту рук, их сотворивших, подменяется подделкой: вопиющим безобразием сложенных из кирпича, заштукатуренных и грубо побелённых известью столбов.

В другом случае «наша горничная», вдохновлённая ещё одним историческим примером красивой архитектуры (палаццо времён итальянского Возрождения), строит здание бывшей высшей партшколы в Хабаровске. Так же, как и ранее, вместо сложенных из натуральных, обтёсанных вручную

каменных блоков, украшающих стены венецианских дворцов, применяется кирпич, оштукатуренный «под руст». Балкон, как непременный атрибут «украшения», не опирается на каменные, сделанные искусным резчиком консоли, а сделан из простой бетонной плиты, вмонтированной в стену. А подвешенные к ней фальшивые бетонные, побелённые всё той же известью консоли не то что не поддерживают балкон, а, напротив, утяжеляют конструкцию. Где тут эстетика?

Много лет назад на лекциях я приводил этот пример как образец дурного вкуса, предсказывая, конечно, в шутку, что подвешенные тяжеленные бетонные «консоли», как конструктивно негармоничный элемент, рано или поздно должны отвалиться, с риском убить кого-либо из прохожих. Не так давно это и произошло, правда, слава богу, никто из прохожих не пострадал.

Или пример из нашего времени. Мы, наконец, дожили до самых передовых строительных технологий и материалов. Сейчас архитекторы имеют роскошь использовать великолепные, недоступные ранее в нашем отечестве возможности. Но и теперь глаз поражается обилию всевозможных архитектурных «залепух», применяемых по принципу: «не умею сделать красиво, так разукрашу». Сколько на наших зданиях всевозможных «средневековых» башенок, а сколько нелепых, якобы современных конструкций, в виде псевдокуполов, пирамидок и прочих сооружений, оправданных желанием в меру своих представлений соответствовать бесхитростному требованию такой же «горничной»-заказчика: «Сделайте мне красиво!»

Совершенно естественно, что подобная архитектура именно в силу своей безусловной дисгармоничности, то есть несоответствия формы множеству определяющих её факторов, лишь в сомнительной степени может отвечать чьему-либо в той же степени сомнительному вкусу.

Чтобы произведение архитектуры было прекрасным, оно не должно нарушать своего единства с назначением, технологическими возможностями его возведения, правдивой и ясно читающейся конструкцией и единства сооружения с материалом, из которого оно построено, то есть всей совокупности признаков, слагающих гармонию. Примером такой архитектуры мог бы служить Пекинский национальный стадион «Птичье гнездо» (возведён в связи с проведением в Пекине Олимпиады-2008), являющийся шедевром современной архитектурной эстетики.

Стиль и мода

История человечества даёт нам немало примеров, когда сообщества людей вырабатывали в своём развитии образцы культуры, безукоризненные по своей гармонии. Это и известные нам национальные культуры народов, длительное время развивавшихся в относительной изоляции (национальные культуры Японии, Китая или индейских цивилизаций доколумбовой эпохи), и культурные проявления исторических периодов и эпох, успевших сложиться в гармоничную структуру, — то, что мы называем историческим стилем.

Очевидно, что для приведения окружающей человека среды обитания в состояние гармонии необходимы условия и время, достаточные, чтобы все компоненты её устоялись и пришли в соответствие друг с другом — до состояния необходимого единства.

Это же справедливо и для отдельной индивидуальной личности. В обществе всегда находятся яркие люди, привлекающие к себе всеобщее внимание умом, общественным положением, красотой и обаянием. Как правило, это люди, от природы наделённые задатками гармоничной личности: они и умны, красивы и уместно эмоциональны. Такие люди, в силу подсознательных, данных им природой критериев гармонии и собственных незаурядных качеств, чувствуют себя уверенно, независимо и ведут себя в жизни совершенно естественно. Им нет необходимости подражать кому-либо или следовать правилам, не согласующимся с их чувствами. Они интуитивно, благодаря высокой собственной культуре,чувствуют, как надо себя вести, как поступить правильно и как одеваться в соответствии с конкретной ситуацией и возможностями. Гармоничность таких личностей воспринимается окружающими эмоционально как положительная, а индивидуальную гармоничную совокупность всех качеств, составляющих личность и выделяющих её из остального сообщества, мы определяем как стиль личности. Рядом с такими людьми приятно находиться, с ними хочется общаться, им хочется подражать. Это не обязательно гении человечества, являющиеся кумирами миллионов людей. Такие типажи можно обнаружить даже в какой-нибудь захудалой деревушке — только, как правило, их гармония этой деревушкой и ограничивается…

Когда-то ещё студентом мне пришлось бывать на севере охотского побережья. В маленьком посёлке на берегу моря иногда появлялся верхом на лошади человек, работавший в тайге то ли лесничим, то ли егерем. Он был поразительно красив и привлекателен. Уверенный в себе, статный, замечательно сидевший на лошади человек был воплощением экзотичной гармонии и романтики. Местные женщины с него глаз не сводили, а мальчишки завидовали ему и старались подражать его поведению и внешнему виду. И вот через много лет в городе в трамвае я случайно узнал в одном из пассажиров того самого таёжного красавца. Когда к нему подошла кондуктор, он странно засуетился, стал хлопать себя по карманам в поисках денег и, наконец,

найдя их, как-то униженно и подобострастно протянул деньги «должностному» в его глазах лицу. Куда делся прежний красавец — уверенный в себе «владыка жизни»? Как он был нелеп и жалок в своей суетливости! А как хорош был в таёжном селе!

Естественное восхищение гармоничной личностью порождает в человеке, не уверенном в собственной гармонии, желание быть таким же. Если не полностью, то хотя бы выглядеть так же.

Внешние проявления личности в совокупности определяются как **имидж**.

Механическая, основанная чаще всего на подражании, чисто внешняя попытка «создать публичный имидж» тому или иному общественному или политическому деятелю используется современными политтехнологами. Обычно это всего лишь более или менее профессиональная попытка выдать желаемое за действительное.

Подражание стилю либо личности, либо эпохи породило и такое явление, как **мода**, в виде усреднённого следования поверхностным проявлениям той или иной гармонии: во внешнем виде или поведении. Хорошо, если оно согласуется хоть в какой-то степени с собственной гармонической структурой подражателя, соответствует условиям и стилю его собственной жизни. А если нет? В таком случае «модник» становится просто смешной и нелепой «жертвой моды». Отсюда моду можно определить как вторичное, по отношению к стилю, явление. Механическое подражание стилю или моде без учёта качеств конкретной личности, как правило, дисгармонично, а соответственно, и проявляет себя как **безвкусица**.

Люди, обладающие незаурядными данными, не нуждаются в следовании моде. Они сами — её законодатели. И напротив, любой, гармонически не обусловленный механический перенос тех или иных внешних форм на другую структуру чреват дисгармонией и делает подражателя карикатурно смешным.

Диапазон личности и творчество

Отношение к жизни, творчеству, искусству, непонимание и неприятие тех или иных явлений жизни, общества, людей, произведений искусства и форм творчества напрямую зависит от **личностных** характеристик конкретного человека.

Что же является определяющей основой, характеризующей личность? В этом определении мы опять не обойдёмся без нашей основы — соотношения двух составляющих человеческой психики: **рационального** и **эмоционального**. Мало того, что соотношение их разное, но и диапазон их возможностей разный. Без ханжеского лицемерия мы вынуждены признать, что бог или природа награждает каждого, появляющегося на свет, по-разному. Одному в полной мере отвешивается и разума, и талантов, а другому их хватает едва-едва, чтобы со скрипом окончить школу и быть в жизни серенькой, неприметной личностью, лишённой каких-либо способностей к творчеству.

Если представить отдельно взятую личность в виде символа Инь — Ян, то соотношение разумного и эмоционального далеко не всегда находится в равной пропорции, дающей полную гармонию. Как правило, эти соотношения имеют отклонения в ту или другую сторону. Таким образом, мы можем представить всё человечество в виде кружочков, разделённых S-образной кривой на белую и чёрную, в большинстве случаев неравные половины. Но ко всему прочему и кружочки эти не равны по величине. Среди них есть и небольшие, и очень маленькие, и просто огромные. Размер этих кружочков и определяет диапазон личности.

Это то, что касается врождённых задатков. А дальше, в процессе жизни, личность начинает формироваться, развивая или не развивая (в силу внешних условий и собственного желания) свой, полученный при рождении, потенциал.

У обладающей большими задатками личности при благоприятных (идеальных) условиях в адекватной степени могут быть развиты и реализованы в жизни все её способности. Такие люди становятся гордостью человечества. При сбалансированном соотношении и реализованных в жизни составляющих их психики они поражают своей универсальностью: и умом, и знаниями, и талантами, и достигают успеха в громадном количестве видов деятельности.

Примером могут служить многие гении человечества, такие как Леонардо да Винчи или Ломоносов. Каждый из них, в той или иной степени, был учёным и художником, и поэтом, и механиком, и математиком, и философом. Но действительность не так часто делает подобные подарки людям. Можно назвать немало примеров, когда человек в процессе жизни развивает и реализует только часть своего потенциала. Многие люди, достигающие высот в какой-либо профессиональной деятельности и становясь большими авторитетами в этой области, часто в быту обнаруживают ещё и другие таланты, которые, не будучи достаточно развиты, остаются всего лишь милым дополнением для друзей и досуга. Но это пример более или менее гармоничных личностей со значительным, в большей или меньшей степени, реализованным потенциалом. В общении такие люди приятны, интересны и притягательны в силу гармонически соотносящихся и высокоразвитых качеств.

Для наглядности возьмём другой пример возможностей личности, имеющей полученное от природы, ярко выраженное дисгармоничное соотношение рационального

и эмоционального. Если ребёнок с явным перекосом в рациональную сторону будет обучаться искусству, вы хоть тресните, а гения из него не сделаете, но зато в точной науке он переплюнет любого. Если мальчику повезло, и он родился в семье профессора физики, а папа, вовремя заметив его мыслительные и аналитические способности, стал натаскивать ребёнка по любимому предмету, такой человек может достичь больших успехов в своём деле. В жизни же он может быть очень ограниченным. Он и сухарь, и не интересен в общении, и искусству чужд, но свою Нобелевскую премию рано или поздно получит.

И, напротив, ребёнок даже с ограниченными умственными способностями, но с большим потенциалом эмоциональной сферы может в школе получать двойки по математике, но стать великим музыкантом, если опять же будут вовремя замечены, правильно оценены и грамотно развиты его возможности.

И, наконец, если природа не одарила человека большим потенциалом, а дала ему самый маленький? Ну что ж — он на базаре семечки продаёт, а книжки, если и читает, то только про шпионов. А если его крошечный потенциал ещё и в равновесии, то такой человек на своём уровне гармоничен. Весел, беззаботен, его на базаре любят и он по-своему счастлив.

Таким образом, всё человечество представляет собой сложнейший замес неповторяющихся, и в количественном, и в качественном смысле, индивидуальностей.

Искусство, как средство выражения творческого начала, в полной степени соответствует всему этому громадному многообразию. И ровно в той же степени, в какой существует разнообразие личностных характеристик, мы имеем разнообразие их выражения в искусстве и разнообразие восприятия этого выражения потребителями искусства. Тут и музыка Стравинского, и Шариков с его приверженностью к балалайке.

А как же происходит диалог между художником и зрителем, композитором и музыкантом, поэтом и читателем? Когда происходит контакт? Как человек находит в этом необъятном хаосе именно своё, именно то, что его сердце тревожит, что его волнует и ему понятно? Чем объяснить то, что произведение, являющееся шедевром для одного человека, абсолютно не принимается или не понимается другим?

Попробуем это показать наглядно на схеме:

Если мы представим личностный потенциал человека уже в виде более короткой или более длинной черты, включающей его диапазон, от разумного до подсознательного, то на громадной линии, отражающей соответствующий потенциал всего человечества, каждая личность найдёт своё место — «всяк сверчок знай свой шесток».

Естественно, ни одна самая гениальная индивидуальность (как бы ни было прискорбно некоторым это осознавать) ни в коей степени не может соответствовать по своим возможностям бесконечному диапазону всего человечества.

Таким образом, и творцы, и потребители искусства располагаются на нашем графике в соответствии с размерами своей чёрточки. Все на своих местах, в диапазоне между разумным и эмоциональным свойствами всего человечества. Индивидуальный сдвиг в ту или иную сторону, с длиной и соответственным местом каждой чёрточки на общечеловеческой линии, и есть характеристика возможностей личности.

Культурный диапазон человечества

Но это пока потенциал. А дальше, в процессе жизни, каждая личность развивает данные ей природой возможности в силу внешних условий и собственной энергии либо лени и собственной ограниченности. Развитие это на нашей схеме происходит вверх от соответствующих участков каждой черточки, в зависимости от того, насколько «наш пострел везде поспел». А поскольку большинство «пострелов» далеко не всегда и не везде «поспевает», то и диаграммка наша получается далёкой от совершенства. Вместо ровненьких, похожих на пирожки округлостей, выросших над каждой индивидуальной чёрточкой и отражающих гармоничное развитие каждого потенциала в жизни, мы видим неровно заполненную челюсть престарелой акулы, начавшей терять свои зубы.

И всё это безобразие только оттого, что многие из нас ленятся развивать и реализовывать все стороны своих возможностей, данных природой, и умозрительно ограничиваются только теми, которые кажутся актуальными и доступными на сегодняшний день. А в итоге гармонии нет и, соответственно, «нет в жизни счастья». Человек всю жизнь ощущает себя нереализованным либо занимающим не своё место.

Вот вам ещё одно объяснение того, **что такое счастье** и для чего нужно стараться исполнить своё предназначение в жизни «на полную катушку», а не сидеть у «синего моря» в бесплодном ожидании «золотой рыбки».

Вся эта далёкая от совершенства картина полностью находит своё воплощение в мировом творчестве. Каждый творец создаёт свой шедевр, наполняя его смысловым и эмоциональным содержанием в доступных ему пределах, совпадающих с его местом в потраченной челюсти старой акулы. А потребитель искусства (зритель, слушатель и проч.) воспримет только то (часть или целое «откровение»), что совпадает по диапазону и по интеллектуально-эстетической культуре с его собственным куском старой челюсти. Всё находящееся за пределами индивидуальности, естественно, ею и не воспринимается.

Отсюда — у двух участков нашей диаграммы, разделённых между собой «выпавшим зубом», в принципе не может быть не только общего взгляда на искусство, но и вообще какого-нибудь понимания. Полное же восприятие таких глыб в искусстве, как, к примеру, творчество Пабло Пикассо, требует от зрителя быть такой же глыбой на нашем графике. Именно поэтому, не будучи таковыми, одни восхищаются только «голубым» или «розовым» периодами творчества Пикассо и не приемлют его кубизма; другие в восторге от «африканского» периода, а третьим Пикассо вообще никак не понятен. Но спорить между собой будут до драки!

Адекватное восприятие произведения искусства требует от человека воспринимающего как минимум аналогичного авторскому чувственного и интеллектуального диапазона, то есть для полноценного потребления искусства необходимы и профессионализм, и талант. Очень хорошо эта мысль выражена в строках поэта Андрея Дементьева:

Пусть другой гениально играет на флейте,
Но ещё гениальнее слушали вы [2].

Рассуждая дальше, можно понять, что для каждого «сверчка» на нашей полочке существует своя, доступная конкретно ему, сфера творчества. Параметры этой сферы определяются как прирождённым личностным диапазоном «сверчка», так и степенью реализации им прижизненно данных природой качеств в виде образования, культуры, эрудиции, причём, чем меньший диапазон достался человеку и чем менее он развился, тем менее разнообразны его возможности творить и воспринимать искусство во всех его проявлениях.

Продолжение в следующих номерах.

Список использованных источников

1. *Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Соврем. гуманитар. ин-т, 2001. — 211 с.*
2. *Дементьев, А. Ни о чём не жалейте [Электронный ресурс] / А. Дементьев // Авторская страничка Татьяны Валяевой. — Режим доступа: http://www.vtvmir.kz/chst/chsr06.htm.*
3. *Каптерева, Т. Дадаизм и сюрреализм / Т. Каптерева // Модернизм : анализ и критика основных направлений : [сб. ст.]. — Москва, 1969. — С. 137–170.*
4. *Лук, А. Н. Улыбка лучше таблетки / А. Н. Лук // Здоровье. — 1977. — № 4. — С. 20–21.*
5. *Пикассо, П. Беседа с Кристианом Зервос, 1935 г. / П. Пикассо // Пикассо. Сборник статей о творчестве. — Москва, 1957. — С. 17–24.*
6. *Фаворский, В. А. Содержание формы // В. А. Фаворский. Литературно-теоретическое наследие. — Москва, 1988. — С. 238–240.*

Материал поступил в редакцию 16.12.2016 г.

Сведения об авторе: Бабуров Владимир Филиппович, ювелир, эмальер, график, скульптор, член Союза художников России.
Контактные данные: e-mail: baburov.vf@mail.ru; тел. 8-962-501-09-40.

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

САША, АЛЕКСАНДР, АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ НОВИКОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В статье автор через призму своих первых впечатлений от памятной для неё встречи с композитором Александром Вячеславовичем Новиковым (1952–2009) вспоминает его творческий путь, наиболее яркие вершины, рассказывает о наследии музыканта, которое буквально по крупицам удалось собрать сотрудникам музыкально-нотного отдела Дальневосточной государственной научной библиотеки. В приложении опубликованы воспоминания современников о композиторе, также собранные специалистами отдела. Материал посвящён 65-летию со дня рождения Александра Вячеславовича Новикова.

Ключевые слова: А. В. Новиков, Хабаровск, ДВГНБ, Новосибирская консерватория, дальневосточный композитор, Хабаровский театр юного зрителя.

Keywords: A. V. Novikov, Khabarovsk, FESSL, Novosibirsk Conservatory, Far Eastern composer, Khabarovsk Young Spectator's Theatre.

В 1999 году я пришла работать в музыкально-нотный отдел Дальневосточной государственной научной библиотеки. Тогда я и увидела А. В. Новикова. Это было в 2002 году. Как сейчас помню, в отдел зашёл скромный застенчивый мужчина и вежливо поздоровался с нами, библиотекарями, тихо сел за стол в уголке и стал работать с каталогом нот. Выписав на листок читательского требования ноты, подошёл ко мне и вежливо попросил принести сборники. Когда я принесла ему ноты, он поблагодарил. Я не знала, кто он, мне даже показалось тогда, что Александр Вячеславович похож на строгого немногословного преподавателя музыки.

Годы шли… Он приходил всё реже и реже к нам в отдел, и вдруг в 2009 году как гром среди ясного неба — Александра Вячеславовича не стало! Без сомнения, Дальний Восток потерял талантливейшего композитора. Он был единственным композитором-профессионалом, живущим в Хабаровске.

«Произведения А. Новикова — это музыкальное лицо нашего города и региона… Его музыка — “зеркало” жизни, в которой есть всё». Она уникальна и самобытна и «способна выдержать конкуренцию с лучшими российскими сочинениями… композитору удаётся сохранить самое драгоценное — собственную индивидуальность. Чувствуется, что его перо с лёгкостью выводит нотные знаки», — так охарактеризовала его творчество музыковед, кандидат искусствоведения Лариса Алексеевна Михайленко [1].

Александр Вячеславович Новиков.

Позже произошло знакомство сотрудников музыкально-нотного отдела с замечательной женщиной — Еленой Анатольевной Максимовой, вдовой композитора, которая любезно предоставила в пользование библиотеки ноты, аудио- и видеозаписи мужа. Необходимо было всё это разобрать, атрибутировать, опознать на слух… Предстояла тяжёлая и кропотливая работа. В течение года шаг за шагом библиограф музыкально-нотного отдела Л. Н. Кременская, отвечающая за материал на бумажных носителях, работала с Е. А. Максимовой, разбирая рукописные листы, чтобы собрать их в единые опусы. По возможности материал переплетался, и данные заносились в каталог. Практически такая же тщательная работа, которая была бы неосуществима без консультаций и бесед с Е. А. Максимовой, была проделана и мной. Таким образом, был собран практически весь материал, касающийся творчества А. В. Новикова. Это газетные и журнальные публикации, статьи из справочных сборников о композиторах России, работы, посвящённые отдельным произведениям музыканта. Но самое ценное — это собранный нотный и звучащий материал, поэтому у наших посетителей есть уникальная возможность слушать и исполнять его музыку.

Годы студенчества в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта. Команда КВН «Квант».

Работая над материалами, Елена Анатольевна рассказывала и о самом композиторе. Это — биография действительно незаурядного человека. Сочинять музыку Александр Вячеславович стал, когда ему исполнилось 12 лет. Научился играть на баяне и сам подбирал свои мелодии. Потом в Охе (Сахалинская область) окончил экстерном музыкальную школу, учился в училище искусств. Затем был институт [Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта, ныне — Дальневосточный университет путей сообщения], работа в Комсомольске в ПТУ. Новосибирскую консерваторию окончил уже в зрелом возрасте. Вернувшись после учёбы в Хабаровск, А. Новиков вскоре оказывается в театре. Первой театральной работой стало музыкальное оформление спектакля-сказки Самуила

В Хабаровском училище искусств, 1978 год.

Маршака для самодеятельного кукольного театра «Кукольчата», который назывался очень забавно — «Про козла», а второй — музыка для спектакля Льва Устинова «Великий лягушонок». Именно тогда А. Новиков окончательно определился с выбором своей жизненной стези музыканта и композитора. Интерес к театрализации для него был вполне естественен, ведь успешно работая в оперном, хоровом, симфоническом жанрах, А. Новиков сам всё-таки явное предпочтение отдавал его Величеству Театру. В одном из интервью на вопрос корреспондента, считает ли он себя театральным композитором, А. Новиков ответил: «Как это ни странно, я не боюсь этого слова, и оно не кажется мне оскорбительным — да, считаю».

Театральность — главная линия творчества Александра Новикова, протянувшаяся от скромных юношеских попыток оживить концертное исполнение академической музыки к театру, где композитор проявил в полную силу своё музыкальное дарование. Он жил творчеством, каждое новое сочинение поражало новизной, самобытностью и талантом. Музыка, которую писал профессиональный композитор, всегда находила путь к сердцам слушателей.

«Театр сегодня даёт и возможность выхода к публике… чувствуешь себя творчески востребованным. Скажем, прошло пятьдесят показов какого-то спектакля с моей музыкой, посчитайте, сколько людей меня слушали. Я не верю тем сочинителям, которые говорят, что пишут для себя. Я сочиняю музыку для людей, писать для себя — дело скучное», — признавался в одном из интервью А. В. Новиков [2].

Музыка в театре, разумеется, не ограничивала творчество композитора. Его диапазон, как утверждают музыковеды, весьма широк, даже универсален: он мог говорить со слушателем и на языке Средневековья, и на языке современности, свободно чувствовал себя во всех музыкальных направлениях — в фольклоре, духовной музыке, академической, джазовой. Значительная часть его творчества — это вокально-хоровые сочинения. Помимо театральной музыки, А. Новиков обращался и к массовому жанру, такому как песни и гимны. Его перу принадлежат песня о нашем родном городе «А я — хабаровский» и гимн для хоккейной команды «Амур». Специально к юбилейной дате — 75-летию со дня основания Детской музыкальной школы № 1 — создал «Гимн первой музыкальной», который впервые был исполнен под управлением маэстро Виктора Тица.

Особой областью творчества А. Новикова по праву

Мемориальная доска композитору Александру Вячеславовичу Новикову на фасаде Хабаровского краевого театра юного зрителя, ул. Муравьёва-Амурского, д. 10.

считается вокально-хоровая музыка для детей, произведения, созданные для маленьких слушателей и исполнителей. Это как отдельные песни, так и вокальные циклы. Вот лишь некоторые из них: циклы «Пять песен на стихи И. Пивоваровой», «Четыре хора на стихи Уолтера де ла Мэра», «Две песни в джазовом стиле на стихи Б. Заходера» и другие.

Академические сочинения А. Новикова всегда достойно представляли музыкальную культуру Дальнего Востока на различных театральных и концертных площадках как в России: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Хабаровске, Иркутске, Омске, Томске, Челябинске, так и за рубежом: в Японии, Республике Корея, Швеции, Германии, Греции.

В 1987 году А. В. Новиков был принят в Союз композиторов СССР, в 1994-м — в Союз театральных деятелей России. Александр Новиков имел немало творческих наград. На серьёзных фестивалях отмечались его академические произведения. За театральные работы — музыку к спектаклям «Цирк Шардам-Принтипрам», «Стрелец», «Маленький принц» — композитор награждался премиями губернатора Хабаровского края. А за музыку к спектаклю «Сказка о золотом петушке» он был удостоен премии Правительства Российской Федерации в области культуры, правда, уже посмертно…

5 мая 2015 года на площадке у входа в Хабаровский краевой театр юного зрителя прошла церемония открытия мемориальной доски композитору Александру Вячеславовичу Новикову.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Воспоминания современников о дальневосточном композиторе Александре Вячеславовиче Новикове

Никифорова Ирина Викторовна, заслуженная артистка России, г. Хабаровск:

— Нет, далеко не простым парнем был Саша Новиков! И у меня отношения с ним складывались нелегко. Он частенько ехидничал, иронизировал в мой адрес. Было даже и нежелание работать со мной как-то. Во всяком случае, вместо меня пригласили совсем чужого человека — преподавателя, кажется. Я не обижалась. Он — молодой, максималист. Тем более что его частенько называют «молодой гений», «талант»…

А как-то я обратилась к нему по поводу его сочинения в концерте: «Саша, что послужило толчком для создания музыки? О чём она?» А он мне в ответ: «Вы — ведущая. Приходите на репетицию, послушайте. И решайте, что будете говорить». — «Саша! Да ведь я не музыковед, не музыкант! Я и не должна анализировать произведения». — «Не знаю. Вы — ведущая». Повернулся и ушёл. Пришлось мне обращаться к маэстро Тицу. Виктор Зигфридович улыбнулся, всё мы с ним обговорили. После концерта обычно авторы подходят, говорят спасибо, иногда замечания сделают — дело обыкновенное. А Новиков даже не подошёл! Ничего не сказал. И так было довольно долго. Ну никак контакт не налаживается с Новиковым!

На очередные дальневосточные ассамблеи приехал В. Агафонников. Исполняли его «Триптих». А у меня был великолепный материал о нём. После концерта Слава подошёл, наговорил кучу комплиментов и вдруг говорит: «Ирина, а почему ты в Союз композиторов не вступаешь? Так здорово ты рассказываешь…» Я рот от удивления раскрыла, какой Союз композиторов? Я даже не музыкант! Да что там музыкант, я ни одной песни чисто не спела. А он отвечает: «Ну и что?» И при этом разговоре был Саша Новиков. Мы с ним переглянулись, оба понимающе улыбнулись. И с тех пор всё изменилось! Он стал приветлив со мной, внимателен. Хотя иногда «лягал» и ехидничал. Но не обидно. Просто иронично. А в последние годы, когда я стала в отпуск ездить в Новосибирск, работать с камерным хором Гладкой [Хабаровск], который много исполнял хоровых сочинений Новикова, отношения становились всё более тёплыми.

И как же радостно было в Новосибирске услышать вопросы о Новикове в камерном хоре Юдина [камерный хор Новосибирской государственной филармонии]! Всегда первым вопросом был: «А как там Новиков?» Я слышала и видела, как принимает слушатель его сочинения. Частенько он сам был на этих концертах, и зал не отпускал его.

Запомнилась его «Месса», песни, музыка к театральным постановкам. А знаменитое его «Послесловие», посвящённое В. З. Тицу, кажется, звучит в ушах по сей день. Удивительное произведение! О чём оно? О смысле жизни? Предназначении художника? Помню, что Виктор Зигфридович увлечённо работал над «Послесловием». И всегда очень уважительно относился к Новикову и его сочинениям.

Но я даже предположить не могла, каким почётом и уважением пользуется его творчество в Новосибирске. И, наверное, не случайно ушёл он из жизни именно в этом городе. И кремация, прощание с Сашей прошли здесь, в Новосибирске.

Народу было не очень много, но это были по-настоящему любящие его люди: артисты камерного хора, ансамбля П. Шаромова — те, кто его хорошо знал и ценил, друзья его студенческих лет.

Сама церемония была, я бы сказала, благородная, элегантная. И хотя многие плакали, не было угнетающей мрачности. У меня было ощущение, что от покойного исходит какой-то свет. Звучала его музыка.

Конечно, очень грустно, что Новиков так рано ушёл из жизни. Но жизнь его была полнокровной, настоящей. И оставил он после себя немало. Был горд, свободен, не жалел себя.

У гроба П. Шаромов прочитал стихи Саши, посвящённые другу С. Кравцову. Я сказала несколько тёплых слов от имени Хабаровска.

А потом во дворе крематория, после того как каждый из провожающих ударил в «колокол прощаний», накрыли стол и помянули Сашу по-русскому обычаю. И вспоминали его живого, жизнерадостного. Рассказывали грустные и весёлые байки из его студенческой и творческой жизни в Новосибирске и Хабаровске.

Лёжа в клинике, Саша заказал жене много книг. И здесь, на поминках, Елена раздарила их нам. Достался и мне поэтический сборник русских поэтов XIX–XX веков.

Камерный хор под управлением И. Юдина ещё на утренней репетиции помянул Александра Новикова исполнением его музыки.

А я, хабаровчанка, прощаясь с А. Новиковым, испытывала ещё и чувство гордости оттого, что мы с ним были согражданами, коллегами и что я знала его не понаслышке.

***

Бригидин Юрий Иванович, полковник ФСБ в отставке[1]**:**

Впервые с Александром Вячеславовичем, а тогда просто с Сашкой Новиковым, я познакомился в 1969 году, когда он поступил на первый курс Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта на факультет «Автоматика, телемеханика и связь». Знакомство это было шапочным, а точнее, даже коридорным, так как я учился на курс старше и встречались мы в основном в коридорах института на перерывах между парами.

Внешне это был среднего роста светловолосый коренастый паренёк с белесоватыми ресницами и весёлыми глазами. От других студентов он отличался неспешной манерой разговаривать и лёгкой картавинкой, которая иногда проскакивала в его речи.

Более близкое, в прямом и переносном смысле, знакомство состоялось у нас примерно через полгода, когда Александр пришёл в институтскую спортивную секцию борьбы самбо. На первых занятиях, как и все начинающие спортсмены, он занимался общефизической подготовкой, учился правильно падать, изучал приёмы страховки и самостраховки, не приступая к отработке технических приёмов. Так случилось, что по какой-то причине не явился на одну из очередных тренировок мой постоянный напарник и тренер поставил меня в пару с Сашкой, несмотря на солидную (10–15 кг) разницу в весе. Стоит отметить, что я в то время боролся до 57-ми, а он до 75 килограммов. Всем известно, что отработка бросковой техники спортсменами производится в полсилы, и в результате многократных повторений приём доводится до автоматизма. К моему величайшему удивлению, А. В. Новиков этой истины не знал. Припомнив суворовскую мудрость: «Тяжело в ученье — легко в бою», я взял удобный захват, удачно подвернулся и… всё. Мне показалось, что я пытаюсь сдвинуть с места паровоз. На соревнованиях все броски совершаются неожиданно для соперника, у Саши же, знавшего, какой приём я буду проводить, времени подготовиться было предостаточно. Я поднялся с колен и увидел в Сашкиных глазах торжество, злорадство и решимость и дальше стоять насмерть до последней капли крови. Объяснив ему, что от него требуется, я вновь попытался осуществить тот же самый бросок. Результат такой же, только в его глазах ещё добавилась удовлетворённость от проделанной работы. Очередные попытки заканчивались с тем же успехом, они просто разбивались об него, как океанские волны о непоколебимый утёс. Сашка стоял широко расставив ноги, как будто бы вросшие корнями в настил ковра. Весь его вид говорил о том, что он готов сражаться так, будто от результата нашего поединка зависел если не исход какой-то войны в целом, то, по крайней мере, одного из её определяющих сражений. Ситуация нормализовалась только в результате вмешательства нашего тренера Александра Золотарёва. В дальнейшем, учитывая нашу разницу в весе, мы очень редко сходились с ним на ковре в одной паре, общались мы тоже не часто, так как на тренировки он ходил со своими однокурсниками Валерой Быковым и Сашей Шаковцом. Очередной прогресс в наших отношениях произошёл в 1972 году. Одна половина страны смотрела КВН по телевизору, вторая половина пыталась в него играть. Не мог оставаться в стороне и наш институт, в котором тоже организовали кавээновский турнир. Меня назначили (или выбрали, сейчас уже не помню) капитаном факультетской команды, основу которой составили студенты четвёртого курса, немного разбавленные третьекурсниками. Сашка учился на третьем курсе, его песни распевала половина «общаги», и, вполне естественно, он был приглашён в качестве полноправного участника. Команду, созвучно с названием факультета, назвали «Квант» — команда весёлых автоматчиков, непризнанных талантов. Если кто-то считает, что КВН — это весёлая развлекаловка, то он сильно заблуждается. Это постоянный цейтнот и нервотрёпка, когда за три дня до начала очередной игры совершенно не вытанцовывается сценарий, кажутся тупыми и несмешными придуманные шутки и миниатюры и уже совершенно не хочется выходить на сцену.

В это время откуда-то появляется Новиков, брякает какую-то свою шутку, которая тут же вписывается в сценарий, и всё сразу изменяется. Куда-то отступает состояние безысходности, ярче начинает светить солнце, вновь появляется желание работать, и даже мухи, которые только что летали над нами и садились на нас, как на какой-то мусор на помойке, начинают весело жужжать над нами, как над яркими весенними букетами. КВН — это, даже после очередной победы, состояние полной душевной опустошённости и единодушное мнение, что это всё… что больше никогда и ни за что… Но когда до следующей игры остаётся три дня — всё повторяется с самого начала. Так продолжалось до тех пор, пока мы не выиграли в финале и не стали чемпионами.

Следует отметить, что была ещё одна выигранная сборной института игра с «политеном» в рамках едва начавшегося первенства города среди вузов. Но по мановению чьей-то волшебной палочки из Москвы КВН на 15 лет исчез с телевизионных экранов и одновременно с подмостков всех

1 *Эти воспоминания, датированные 7 октября 2012 года, были переданы Еленой Анатольевной Максимовой, вдовой А. Новикова.*

клубов и домов культуры Советского Союза. Так мы закончили играть в КВН, но множество нитей, которые связали нас за это время, продолжали нас связывать ещё долгие годы. После окончания института каждый уехал к своему месту работы и каждый пошёл той дорогой, которую он выбрал для себя. Путь от абитуриента Сашки Новикова до композитора Александра Вячеславовича Новикова не был лёгкой прогулкой по прямой асфальтовой аллее, скорее, он больше походил на блуждание в лабиринтах извилистых парковых тропинок, когда известно, к чему ты хочешь прийти, но не знаешь, какая тропинка короче. Он создавал и создал себя сам, достойного уважения, подражания и доброй памяти.

***

Зражевский Сергей Васильевич, бард, г. Сиэтл, США:

С Александром Новиковым судьба свела меня в 1974 году. Мне тогда было 15 лет, а ему, моему наставнику и кумиру, а в будущем самому близкому другу, — аж 21 год! Даже не верится, что ему тогда был только 21 год, потому что он выглядел всегда очень взрослым, собранным, на все вопросы имел свою точку зрения, с которой мы, 15-летние, соглашались! Он был всегда в хорошем настроении, любил шутить... Но не на репетиции, на репетиции всегда шла очень серьёзная, я бы сказал, кропотливая и жёсткая работа. Поэтому от первого состава вокальной группы, который насчитывал более 10 человек, остались только трое: Ира Шевчук, Андрей Толочко и я. Лично мне он дал очень многое: научил петь, слышать, слушать, любить поэзию и чувствовать её в музыке. Александр Вячеславович был первым на моём жизненном пути реальным человеком, который сочинял музыку, и на его примере и я увлёкся — стал слышать музыку в стихах.

А тогда, в 1974 году, мы учились всему у А. В. Новикова: пели его песни, оперу «Про козла», учились понимать поэзию, музыку. В СГПТУ № 26[2] города Комсомольска-на-Амуре, где мы учились на монтажников СЦБ [сигнализация, централизация, блокировка] и связи, был ещё и замечательный кукольный театр, руководил которым энтузиаст и фанат своего дела Юрий Павлович Марков, и после написания Александром Новиковым оперы «Про козла» появилась гастрольная группа «Вока-Куки», которая с большим успехом объехала почти все населённые пункты БАМа. Было интересно наблюдать, как часть зрителей, не веря, что куклы играют под живое музыкальное сопровождение, заглядывали за кулисы, где мы: Александр Вячеславович с баяном, Ира, Андрей и я, умудрялись петь в один микрофон... Также были концерты, фестивали, записи на телевидении, радио. И эта творческая жизнь настолько увлекла меня, что я поехал за Александром Вячеславовичем в училище искусств города Хабаровска, где мне посчастливилось учиться и петь в хоре вместе с ним... Затем судьба развела нас: его — в Новосибирскую консерваторию, меня — в армию… Оперу «Про козла», я помню до сих пор наизусть, да и все мои трое детей выросли на этом замечательном произведении. Учась в мединституте, я параллельно прошёл путь в качестве руководителя вокальной группы, художественной самодеятельности курса, института, самодеятельного композитора, и путеводной звездой у меня всегда был и остаётся он — мой дорогой и уважаемый наставник и друг Александр Вячеславович Новиков.

***

Егорова (Шевчук) Ирина, г. Комсомольск-на-Амуре:

В 15 лет я не планировала ехать в Комсомольск-на-Амуре. С детства пела в хоре при клубе железной дороги, и, когда сообщила в классе и клубе, что собралась уезжать, классный руководитель уговаривала меня не делать глупости, а руководитель хора пришла даже домой к родителям. Но, вероятно, и есть это слово «судьба», которое меня не остановило и привело в СГПТУ № 26 Комсомольска-на-Амуре, где на первом же вечере меня, Сергея Зражевского и Андрея Толочко заметил Александр Вячеславович Новиков, после института приехавший работать в училище. С этого дня — репетиции, знакомство с новой музыкой. Хотелось вернуться домой к маме, подругам по хору, и только общение с Александром Вячеславовичем останавливало меня. Так и осталась в училище. А ведь могла уехать, так мне там не нравилось. Потом были незабываемые концерты по трассе БАМа, на теплоходе «Пропагандист» по Амуру до Николаевска-на-Амуре. Мы пели оперу «Про козла». Это Новиков показал нам городскую телестудию…

Александр Вячеславович всегда был тактичный, с юмором. Меня почему-то называл Редиской, вероятно, была вредная и противная. После второго курса готовил меня для поступления в училище искусств, но, увы, наевшись мороженого, я не спела. Провожая меня на поезд, ругал. Когда работала секретарём комитета комсомола и уже была взрослой, 20-летней, ездила к нему на свадьбу. Увидела, какие у него хорошие друзья и какой он был счастливый. Знакомство с ним мне дало многое. Научил петь, любить классическую музыку. Все последующие годы пела в художественной самодеятельности. В лихие 1990-е голос помог мне выжить. Пела восемь лет в группе при кондитерской

2 СГПТУ — среднее городское профессионально-техническое училище, ныне не существует.

фабрике. И до сих пор пою и считаю, что в этом огромная заслуга Александра Вячеславовича Новикова. Это он вложил в нас желание петь, сочинять музыку. И сейчас при встречах вспоминаем о нём, как будто он рядом с нами, живой.

***

Марков Юрий Павлович, г. Комсомольск-на-Амуре:
Мне почти 70... Но до сих пор я оцениваю себя глазами Саши и понимаю: я знал и не знал его, как и другие, подтверждая чеховское: «Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставки».

Это не случайность. Александр Вячеславович в итоге пришёл к чеховскому тексту. Пришёл, как и Антон Павлович, от весёлого, шумного, озорного к великой тоске — призыву хранить в себе достоинство человека.

Вспоминается… Демонстрация 7 ноября. Директор СГПТУ решил удивить, блеснуть оформлением колонны и, установив на машине нагромождения, приказал Саше изобразить действующего сварщика. Саша отказался: «Я не клоун».

Директор пригрозил уволить его с работы. В ответ юноша просто развернулся и ушёл.

С другой стороны, имя А. В. Новикова у меня ассоциируется со словом «новое». Год 1974-й. В Комсомольске-на-Амуре открывается СГПТУ № 26. Молодое, юное, новое, как и те, кто поступил учиться, и те, кому было предназначено «сеять разумное, доброе, вечное» — выпускники железнодорожного института, среди которых выделялся парень, искрящийся юмором, безудержным стремлением к озорству, шутке, мистификации. С ним было не просто весело, а умно весело. Он был центром капустников, КВН, дружеских вечеров, умея дарить радость так, что каждый ощущал себя личностью.

Однако пустое развлекательство было чуждо ему. Именно поэтому, находясь в кругу друзей, он никогда не брал баян, владея им в совершенстве. Это был Саша Новиков, который всем казался жизнерадостным солистом во всём.

Но это внешне. Время от времени в его глазах возникала усмешка, а мягкий, интеллигентный, вкрадчивый голос скрывал тайное величие таланта. Этот талант он молча взращивал, без поблажек, словно воплощая чеховское: «Дело надо делать, а остальное — к чёрту», «Надо себя дрессировать». Так рождался композитор Новиков, принципиально жёсткий к себе и другим в том, что касалось искусства.

Отсюда и первые песни, и ВИА «Мозаика», ставший лучшим в городе, и успешные гастроли по БАМу и Амуру, и первая детская опера для театра кукол «Про козла», покорившая не только детей, но и взрослых и, увы, ещё ждущая своего признания на большой сцене, и опера «Верую» по рассказу Василия Шукшина, и многое другое.

Сам же автор был открыт и… закрыт для других. Шаг за шагом композитор самостоятельно шёл к своей цели, сознавая свой неповторимый талант, свою значимость. Не случайно он с иронией мягко напоминал:

— А как вы думали!? Я же великий и, конечно, гениальный.

На что окружающие реагировали:

— Ну, Новиков, ты от скромности не умрёшь….

Да, он стремился к славе, любил её, но не эгоистически, а отстаивая право на своё творческое Я. Наверное, потому в один из дней его рождения друзья взяли да и запросто переименовали улицу Фрунзе, где жил Новиков, в улицу его имени, снабдив стены дома самодельными табличками и водрузив на подъезд доску, где чётко значилось: «Здесь живёт и работает великий композитор Александр Вячеславович Новиков». Александр не возражал, хитро улыбался, показывая, что ему это приятно, что так и должно быть, что он достоин сего всерьёз.

Будучи просто мастером производственного обучения в СГПТУ, ещё не окончив училища искусств, института культуры, консерватории, он считал правомерным ставить на афишах своё имя со словом «композитор». Это вызвало удивление у одного из маститых московских актёров во время гастролей Новикова с его ансамблем «Мозаика» по БАМу. Актёр нарочито заметил: «У вас нет документа, подтверждающего право называться композитором».

Документом было творчество Александра и авторы, на тексты которых он писал музыку, — Шукшин, Вознесенский, Левитанский, Бродский, Чехов, Маршак, Чуковский, истинные его друзья.

У них он учился самодисциплине, неуклонно следуя разработанным им самим правилам. Никто и ничто — гости, знакомые, бытовые и формальные ситуации, обстоятельства — не могли их нарушить. Он смотрел на часы и говорил, в частности мне: «Делай что хочешь, а мне пора работать».

Отсюда и аскетичность Новикова в быту — ничего лишнего, только фортепьяно, книги и надувной матрас, на котором часто засыпал он сам или его гости после бесконечных разговоров об искусстве. Отсюда — постоянное стремление духовно обогатить других. Для меня он открыл Бродского, Булгакова и ещё, и ещё... Приезжавших к нему он вёл на выставки, репетиции, в театры, кино, клубы, на концерты. Искусством Саша дышал, жил, в нём он сгорал, в нём творил, топя всё личное.

Ему претило самобичевание, самокопание. Потому он не любил писем, дневников, героев Л. Н. Толстого. Он нёс

своё одиночество, не выставляя напоказ личные переживания, уважая талант в себе и дело, которому себя посвятил.

Не случайно он завещал развеять свой прах над Татарским проливом, тем самым утверждая, что важно не личное, а те дела, что остаются после нас.

***

Соболевская Ирина Павловна, музыковед, заслуженный работник культуры:

Проходят годы… Долгие годы, уносящие в небытие многие лица, фамилии, встречи… Часто, приняв приветствие идущего навстречу обычным ответом: «Здравствуйте!», потом долго и мучительно вспоминаешь: «Кто это? Откуда знаю?»

Бывшие ученики так быстро взрослеют, видоизменяются. Недавно стройные милые девочки превращаются в грузных, солидных дам, и, к сожалению, лишь у некоторых из них сохраняется в глазах молодой огонёк, который помогает памяти воскресить образ из прошлого. Лишь единицам удаётся сохранить свою юношескую суть…

Один из них — Саша Новиков, на талант которого обратили внимание все педагоги хабаровского музыкального училища и, главное, Юрий Яковлевич Владимиров, чьё появление в музыкальной и культурной жизни Хабаровска было подарком судьбы: высокопрофессиональный, интеллигентный, с глубокими познаниями во многих областях искусства.

Думается, что для Саши это была встреча, повлиявшая на его дальнейшую жизнь профессионального музыканта-композитора.

Сегодня многое можно узнать из Интернета. Сколько и какие произведения написал за свою короткую жизнь Саша, где и кем работал. Жаль, что пока ещё не создан такой инструмент, способный передать ощущение его души после ухода из земной жизни… Те, кто его знал и любил, всё это помнят и берегут, а вот как быть с теми, кто придёт позже и захочет узнать больше, чем простая информация из Интернета?

Трудно до основ понять глубину его музыки, не зная, не помня ощущения доброты, интеллигентности, памяти его улыбки-смущения, приветливых ласковых глаз…

Говорят, душа живёт, пока о ней помнят, а потом?

Хотелось бы, чтобы Саша знал, что он с нами, а пепел его праха, рассеянного над океаном (по его просьбе), стал частичкой мироздания.

У Саши было много педагогов — в музыкальной школе, училище, консерватории. Я — одна из них.

Список использованных источников

1. *Михайленко, Л. Особый дар Александра Новикова / Л. Михайленко // Приамур. ведомости. — 2002. — 21 февр. — № 31/32. — С. 12.*
2. *Чернявский, А. Утренний звонок А. В. Новикову : [интервью с хабар. композитором А. В. Новиковым в день его 50-летия] / А. Чернявский, А. В. Новиков // Тихоокеан. звезда. — 2002. — 20 февр. — № 33. — С. 1.*

Фотографии предоставлены Е. А. Максимовой и из архива ДВГНБ.
Материал поступил в редакцию 11.09.2017 г.

Сведения об авторе: Тринеева Инна Михайловна, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальных звукозаписей отдела комплектования Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: innatrineeva@bk.ru.

РОМАШКИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: ИТОГИ АНКЕТИРОВАНИЯ

В статье приводятся статистические данные о профессиональных компетенциях и личностных качествах руководителей общедоступных библиотек Хабаровского края, полученные в ходе научного исследования, проводимого специалистами Дальневосточной государственной научной библиотеки в рамках договора о партнёрстве и международном сотрудничестве с Национальной библиотекой Беларуси; делаются выводы и даются рекомендации.

Ключевые слова: руководитель библиотеки, современный менеджер, профессиональная компетентность, Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровский край, общедоступные библиотеки.

Keywords: head of the library, modern manager, professional competence, Far Eastern State Scientific Library, Khabarovsk Territory, public libraries.

Менеджер библиотеки завоёвывает всё более прочные позиции в профессиональной среде. Его роль в системе управления, профессиональные и личностные качества, способы их обретения — предмет постоянного обсуждения на страницах специальной печати [1–6, 9–10].

Явления, с которыми сегодня сталкиваются управленцы, — постоянный вызов современного мира. От профессиональных умений руководителя, его способностей оперативно принимать решения, нацеливать сотрудников на непрерывное развитие, творческий рост зависит профессиональный успех библиотечного коллектива. Всё это требует от менеджера высокого уровня компетентности.

Толковые словари определяют компетентность как осведомлённость, авторитетность в какой-либо области. Под профессиональной компетентностью современные учёные понимают совокупность знаний и опыта, требуемых для выполнения профессиональных задач. Таким образом, профессиональная компетенция руководителя библиотеки — это его интеллектуальный ресурс, выраженный в способности применять свои знания, умения и навыки в решении библиотечных проблем [7].

Вопросы, касающиеся круга профессиональных компетенций и личностных качеств руководителей общедоступных библиотек Хабаровского края, до настоящего времени не рассматривались, поэтому результаты исследования «Кадровые ресурсы публичных библиотек: современные требования к профессиональной деятельности и возможности для её реализации» [8], проводимого Дальневосточной государственной научной библиотекой (ДВГНБ) в рамках договора о партнёрстве и сотрудничестве с Национальной библиотекой Беларуси, представляют определённый интерес.

Инструментарий исследования, разработанный белорусскими специалистами, представлен двумя вариантами анкет: для руководителей и специалистов. К категории руководителей были отнесены директор, заместитель директора, заведующие структурными подразделениями, (отделами и секторами), главные специалисты. В число анкетируемых библиотечных специалистов вошли сотрудники центральных и районных библиотек, библиотек-филиалов, самостоятельных библиотек и библиотек — структурных подразделений клубов.

Всего в отдел научно-исследовательской и научно-методической работы ДВГНБ для обработки поступило 309 анкет из всех 17 районов Хабаровского края (147 — заполненных руководителями библиотек и 162 — библиотечными специалистами), что обеспечило репрезентативность выборки и соответствовало методике сбора данных. Вопрос о личных сведениях включал данные о поле, возрасте, стаже библиотечной работы и образовании.

Обратимся к статистическим материалам, полученным в ходе анализа анкет, заполненных руководителями библиотек.

Возрастной состав руководителей, принявших участие в анкетировании, распределился следующим образом: 40,8% респондентов имеют возраст от 55 лет и старше; более трети (33,8%) — от 45 до 54 лет; 19,8% — от 35 до 44 лет и 5,6% — от 25 до 34 лет.

По стажу работы в библиотечной сфере респонденты распределяются следующим образом: 8,3,% — от 40 лет и более; 42,0% — от 25 до 39 лет; 19,6% — от 15 до 24 лет; 23,1% — от 5 до 14 лет и 10 руководителей (7,0%) — до 5 лет.

По образованию: 54,8% опрошенных имеют высшее библиотечное образование, 28,1% — высшее небиблиотечное. Со средним профессиональным образованием — 13,0% руководителей, со средним специальным небиблиотечным — 8,9%. Четверо руководителей (2,7%) имеют учёную степень кандидата наук. Среди опрошенных есть лица, имеющие два образования: высшее библиотечное и высшее небиблиотечное или высшее и среднее профильное образование.

Что касается гендерного признака, то в анкетировании участвовали 95,9% женщин-руководителей (141 человек) и 4,1% руководителей мужчин (6 человек).

Таким образом, представим портрет нашего респондента, среднестатистического руководителя общедоступной библиотеки Хабаровского края. Это женщина с высшим образованием, в возрасте от 45 лет и старше, имеющая стаж работы в библиотечной сфере от 15 лет и более.

К вопросу «Какими компетенциями должен обладать руководитель библиотеки прежде всего?» предлагалось 17 вариантов ответов с возможностью выбора нескольких из них. Анализ полученных данных позволил составить своеобразный рейтинг важнейших, с точки зрения руководителей, профессиональных компетенций.

Все 100% респондентов первое место отдали знанию нормативной правовой базы обеспечения профессиональной деятельности, 98,8% опрошенных — управлению кадровыми ресурсами, то есть знанию методов, приёмов подбора, отбора, обучения, оценки, расстановки, мотивации кадров. Среди приоритетных также были названы: владение навыками письменного общения (написание докладов, статей, ведение деловой переписки); решение конфликтных ситуаций в коллективе; установление и развитие социального и делового партнёрства. Менее заинтересованы библиотечные менеджеры в овладении иностранными языками (0,7%), организации информационно-библиотечного обслуживания (21,2%) и работе с информацией (поиск, анализ, отбор и др.) — 23,9%.

Проанализировав ответы, можно сделать вывод, что у руководителей общедоступных библиотек Хабаровского края в приоритете усовершенствование управленческих компетенций, то есть приобретение знаний в области нормативно-законодательной базы деятельности, делопроизводства, управления персоналом, профессиональной этики и опыта установления контактов с властными структурами, местным сообществом.

Отвечая на следующие вопросы анкеты, 98,6% респондентов отметили, что сегодня для успешной профессиональной деятельности необходимо постоянное обновление и пополнение профессиональных знаний, умений и навыков. Что касается потребности в обновлении/пополнении профессиональных знаний, 53,7% ощущают её постоянно, 41,5% — время от времени, и только 6 человек ответили, что такая необходимость возникает очень редко.

Следующий вопрос «Из каких источников получаете профессиональную информацию?» предлагал десять вариантов ответов. В число информационных источников входили печатные издания, электронные и вербальные. Здесь же респонденты должны были указать периодичность обращения к указанным ресурсам. На первое место анкетируемые поставили журналы (96,6%), к которым большинство руководителей обращаются чаще, чем раз в месяц, далее указаны общение с коллегами (95,2%) и библиотечные сайты (93,9%). Одинаковое число респондентов (по 89,1%) источниками получения профессиональной информации назвали книги и семинары (конференции, круглые столы). Гораздо реже в качестве ресурса получения профессиональной информации были названы радио и телевидение. Более того, 63,1% опрошенных никогда не рассматривали радио и 22,6% телевидение как источник новых профессиональных знаний.

Вопрос «Какие темы более всего Вас интересуют в профессиональных изданиях?» был открытым. Респондентов просили сформулировать актуальные темы, проблемы, в освещении которых они были особенно заинтересованы.

Анализ полученных данных показал, что наиболее востребованными для профессиональной деятельности руководителей оказались темы, связанные с разработкой инновационных проектов (38,9%), продвижением книги и чтения (32,7%), новыми формами и методами работы с пользователями (29,2%), внедрением в библиотеки новых информационных технологий (21,2%), управлением библиотекой, работой с кадрами, стимулированием труда (14,2%), библиотечным правом (12,4%).

Отвечая на вопрос о темах, недостаточно освещённых в профессиональных изданиях, третья часть респондентов-руководителей написала, что все актуальные вопросы библиотечного дела отражаются достаточно полно. Из тем, которые нуждаются в более широком освещении, были названы следующие: изменения в нормативных и правовых актах, регламентирующих деятельность библиотек и внедрение новых профессиональных стандартов (16,8%), опыт работы общедоступных библиотек региона (9,8%). Кроме того, руководители хотели бы видеть на страницах профессиональных изданий материалы о практике использования таких инновационных форм работы, как: интерактивные выставки и плакаты, буктрейлеры, квесты, акции в помощь продвижения книги и чтения и т. д. (11,2%).

В анкете был поставлен вопрос о профессиональных изданиях, которым респонденты отдают предпочтение в своей работе. Самым популярным периодическим изданием у руководителей является общероссийский массовый профессиональный журнал «Библиотека». На это издание, как важный источник получения профессиональной информации, указали 81,1% ответивших. Среди других популярных профессиональных периодических изданий: «Библиополе» (36,2%), «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки» (27,6%), «Библиотечная орбита» (26,8%), а также «Справочник руководителя учреждения культуры» (18,9%), «Современная библиотека» (11,0%), «Библиотечное дело» (10,2%).

На основании этих данных можно сделать вывод, что в круг профессионального чтения руководителей практически не вошли такие авторитетные источники профессиональной информации, как «Библиотека и закон» (его назвали только 8,7% опрошенных), «Независимый библиотечный адвокат» (отметили 6,3%), «Информационный бюллетень РБА» (1,6%). Вместе с тем именно эти издания смогли бы удовлетворить информационные потребности библиотекарей по вопросам нормативно-правовой деятельности библиотек, на слабую освещённость которых указали респонденты. Однако на практике положение дел таково, что профессиональные издания недоступны большинству библиотечных специалистов, особенно небольших сельских библиотек, ввиду ограниченности финансов на подписку или единичной экземплярности. Это подтвердили и ответы наших респондентов: о возможности знакомиться с профессиональными изданиями только частично высказались 46,6% опрошенных, а 4,1% написали, что такая возможность вообще отсутствует.

Возможность публиковать свои материалы, выступать с докладами и участвовать в научно-исследовательской деятельности и другие варианты ответов предлагались к вопросу «Имеются ли в Вашей библиотеке составляющие реализации профессиональной деятельности?».

Компетентный специалист стремится поделиться своим опытом и достижениями, поэтому, как правило, активно

публикуется в профессиональных изданиях, выступает с докладами на научно-практических конференциях, однако опрос показывает, что публикационная активность библиотечных менеджеров края довольно низкая. Только 18 человек из 145 ответивших на вопрос (12,4%) отметили, что имеют печатные работы. В то же время круг профессиональных изданий, опубликовавших статьи респондентов, широк и весьма авторитетен. Среди них общероссийские профессиональные издания («Вестник библиотечной ассоциации Евразии (БАЕ)», «Библиотековедение», «Библиосфера», «Библиотека», «Новая библиотека» и др.), библиотечные и историко-культурные издания Дальневосточного региона («Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки», «Библиотечная орбита», «Хабаровский библиотекарь», «Общедоступные библиотеки Хабаровского края в … году: анализ деятельности», «Культура и наука Дальнего Востока», «Словесница Искусств» и др.).

Что касается участия руководителей библиотек в научно-исследовательской работе (НИР), то на возможность заниматься научной деятельностью в полной мере указали 33,8% респондентов; то, что такая возможность отсутствует, отметили 23,4%; 22,1% опрошенных сказали, что имеется частично, а 20,7% выбрали вариант «трудно сказать».

Ответ на вопрос «Организовывали/проводили ли Вы в последние 3 года научные исследования?» позволил увидеть объективную картину проведения НИР в общедоступных библиотеках Хабаровского края.

О том, что их библиотеки принимали участие в организации/проведении НИР, указали только 5,4% руководителей. В основном это представители краевых библиотек (в число библиотек — баз исследования — вошли три библиотеки краевого уровня: Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровская краевая специализированная библиотека для слепых и Хабаровская краевая детская библиотека им. Н. Д. Наволочкина).

Среди методов научных исследований, которые использовались в НИР, были названы: опрос (анкетирование и интервьюирование), контент-анализ документов, наблюдение, статистический анализ, историко-биографический метод.

Труд менеджера, особенно в области библиотечного дела, — это работа с людьми. Умение расположить к себе, убедить в своей правоте, добиться желаемого — важнейшие профессиональные качества руководителя библиотеки, ничуть не менее важные, чем специальные знания и организаторские способности.

Проведённый опрос позволил выявить некоторые личностные качества респондентов — руководителей библиотек, а именно: умение находить общий язык с собеседником, преодолевать сложности в общении с подчинёнными, поддержка неформальной жизни коллектива и другое.

Отвечая на вопрос «Можете ли Вы сказать, что легко находите общий язык с собеседником?», 60,5% руководителей показали, что они всегда находят общий язык с участником беседы, у 34,7% респондентов возникают сложности при общении и лишь 1,4% отметили, что это зависит от статуса собеседника.

Личность руководителя раскрывается и в ответах на такие вопросы, как «Считаете ли Вы, что собеседники всегда правильно понимают то, что Вы хотели сказать?» и «Обращаете ли Вы внимание, как реагирует Ваш собеседник на сказанные слова?».

На первый вопрос 55,8% респондентов ответили, что собеседники всегда точно понимают смысл сказанного им, 30,6% — что иногда участники беседы вкладывают в слова другой смысл, а остальные (13,6%) дать ответ на этот вопрос затруднились.

Что касается внимания руководителей на реакцию собеседника на сказанные в ходе беседы слова, то ответы распределились следующим образом: 72,8% всегда замечают эту реакцию, у 23,1% это зависит от ситуации и 6 человек (4,1%) затруднились с ответом.

Из содержания ответов можно сделать вывод, что среди руководителей библиотек ощущается потребность в более глубоком понимании психологии отдельных людей, обновлении/пополнении знаний в области психолого-педагогических методов взаимоотношений в коллективе и современных достижений в педагогике и психологии.

В анкете присутствовали вопросы, ответы на которые дали нам сведения о личных качествах респондентов-руководителей и морально-психологическом климате в возглавляемых ими коллективах.

В любой организации неформальное общение во многом определяет морально-психологический микроклимат. Тесные неформальные контакты говорят о слаженности коллектива и взаимных симпатиях его членов. Судя по ответам на вопрос «Участвуете ли Вы в неформальной жизни коллектива?», неофициальные отношения поддерживает большая часть респондентов-руководителей, а именно 67,6%. Среди совместных мероприятий ими были отмечены: участие в корпоративах, празднование юбилеев, выезды на природу, посещение театров, концертных залов. Вместе с тем 20,7% опрошенных в неформальной жизни коллектива не участвуют, а 11,7% затруднились с ответом. Здесь можно выдвинуть версию, что эта часть руководителей старается сохранить определённую дистанцию между собой и подчинёнными, разделяя личное и служебное. Однако оптимальным для руководителя является

сочетание в себе качеств формального и неформального лидера. Хотя понятно, что совмещать эти социальные роли в одном лице сложно.

Авторитет руководителя — обязательная составляющая успешной работы организации. Трудно найти руководителя, который был бы безразличен к своему авторитету в глазах подчинённых. В этой связи его оценка респондентами-руководителями представляет определённый интерес. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, пользуетесь ли Вы авторитетом у подчинённых?» распределились следующим образом: 22,6% опрошенных на этот вопрос ответили утвердительно, 56,2% считают, что, скорее, да, чем нет, а 19,9% затруднились с ответом. Только один руководитель ответил, что авторитетом у подчинённых не пользуется. Как видим, самооценка руководителями своих личностных и деловых качеств достаточно высока.

Таким образом, итоги социологического исследования «Кадровые ресурсы публичных библиотек: современные требования к профессиональной деятельности и возможности для её реализации», проведённого отделом научно-исследовательской и научно-методической работы ДВГНБ на базе общедоступных библиотек Хабаровского края, позволили выявить определённые тенденции и сделать следующие выводы:

– доля профессионалов среди руководителей общедоступных библиотек края (специалисты с профессиональным высшим и средним образованием) достаточно высока (67,8%);

– происходит старение кадрового состава руководителей, так как нарушены возрастные пропорции из-за небольшой численности средней возрастной группы библиотечных менеджеров;

– большинство руководителей соответствует своему статусу и должности, владеет основами управления библиотекой, широким кругом профессиональных компетенций и личностными качествами лидера коллектива;

– сильной стороной библиотечных менеджеров общедоступных библиотек края является чёткое понимание необходимости постоянного обновления и пополнения профессиональных знаний, умений и навыков;

– в приоритете важнейших компетенций, которые руководители хотели усовершенствовать в первую очередь, — знание правовых аспектов деятельности библиотек, основ делового общения и профессиональной этики;

– круг профессионального чтения библиотечных специалистов общедоступных библиотек края, особенно небольших сельских, весьма ограничен ввиду недоступности многих профессиональных изданий;

– сложности, возникающие в общении с подчинёнными, указывают на необходимость обновления/пополнения руководителями знаний по педагогике и психологии;

– слабой стороной библиотечных управленцев общедоступных библиотек края является их нежелание или неумение проводить в своих библиотеках научные исследования, делиться своими знаниями с менее опытными коллегами на научных конференциях и в профессиональной периодике.

Список использованных источников

1. Авраева, Ю. Б. Проблемы повышения профессиональной компетенции руководителей библиотек / Ю. Б. Авраева // Библиосфера. — 2013. — № 2. — С. 30–33.

2. Бочарникова, Е. С. Профессиональное развитие библиотечных специалистов / Е. С. Бочарникова // Науч. и техн. б-ки. — 2006. — № 6. — С. 41–45.

3. Жадько, Н. В. Лидерами не рождаются. Как раскрыть скрытые ресурсы / Н. В. Жадько // Библ. дело. — 2006. — № 10. — С. 37–38.

4. Захаренко, М. П. Влияние региональных особенностей на кадровый потенциал библиотечной отрасли: по результатам комплексного изучения мотивации молодых специалистов / М. П. Захаренко // Социолог и психолог в библиотеке : сб. ст. и материалов / Рос. гос. б-ка для молодёжи ; ред.-сост. М. М. Самохина. — Москва, 2012. — Вып. VIII. — С. 90–108.

5. Захаренко, М. П. Привлекательность библиотечной профессии для молодёжи: опыт социологического исследования / М. П. Захаренко // Библиотековедение. — 2010. — № 3. — С. 113–117.

6. Маркова, В. Н. Диагностика управленческих навыков библиотечных менеджеров / В. Н. Маркова, Е. А. Чернышёва // Науч. и техн. б-ки. — 2005. — № 8. — С. 66–72.

7. Профессиональные компетенции [Электронный ресурс] // Портал Smart education. — Режим доступа: http://www.smart-edu.comhttp://www.smart-edu.com/index.php?option=com_content&view=article&id=701&Itemid=525.

8. Ромашкина, Т. А. Сотрудничество Дальневосточной государственной научной библиотеки с Национальной библиотекой Беларуси в рамках исследовательского проекта / Т. А. Ромашкина // Культура и наука Дальнего Востока : науч.-практ. журн. — 2016. — № 2 (20). — С. 116–119.

9. Суслова, И. М. Менеджер библиотеки : требования к профессии и личности : учеб. пособие для вузов и колледжей / И. М. Суслова. — 2 изд., дораб. и доп. — Москва : Профиздат : Изд-во МГУКИ, 2003. — 136 с.

10. Сукиасян, Э. Р. Общая и профессиональная культура библиотекаря и динамика развивающегося общества / Э. Р. Сукиасян // Науч. и техн. б-ки. — 2005. — № 2. — С. 40–43.

Материал поступил в редакцию 05.10.2017 г.

Сведения об авторе: Ромашкина Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: tar2805@mail.ru.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

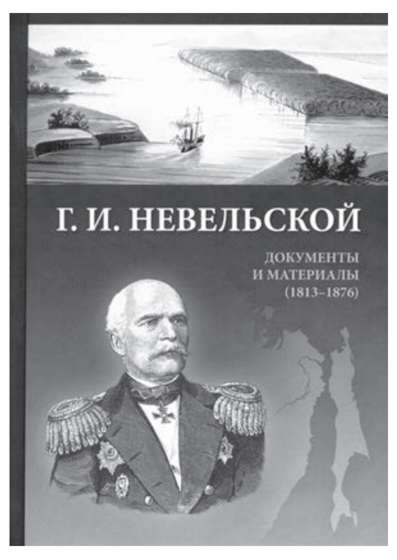
ГЕННАДИЙ НЕВЕЛЬСКОЙ. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ

В мае 2017 года вышел в свет сборник документов о Г. И. Невельском, подготовленный Российским государственным архивом Военно-морского флота (РГАВМФ). Автор представляет его содержание и даёт оценку опубликованным документам о российском адмирале и исследователе Дальнего Востока.

Ключевые слова: Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьёв-Амурский, РГАВМФ, Амурская экспедиция, сборник документов.

Keywords: G. I. Nevelskoy, N. N. Muravyov-Amursky, RGAVMF, Amur expedition, documents' collection.

Сборник «Г. И. Невельской. Документы и материалы (1813–1876)» составлен на основе документов из фондов РГАВМФ, которые детально освещают организацию и деятельность экспедиции под руководством капитана 1-го ранга Геннадия Ивановича Невельского в 1849–1855 годах, в ходе которой удалось подробно изучить и нанести на карту о. Сахалин, доказав его островное положение, и устье реки Амур, с обоснованием доступности последнего для морских судов.

Опубликованные материалы дают представление о подготовке экспедиции, постройке, вооружении и выходе в «дальний вояж» транспорта «Байкал», об участии многих русских мореплавателей в снаряжении этого похода. Открытия, совершённые Г. И. Невельским и его сподвижниками, впоследствии неоднократно обсуждались на заседаниях специально созданного Особого комитета по делу об Амуре и гиляках.

В сборник включены многочисленные рапорты, донесения, письма Г. И. Невельского начальнику Главного морского штаба его императорскому высочеству князю А. С. Меншикову и генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-майору Н. Н. Муравьёву. Публикуемые материалы экспедиций содержат сведения о жизни, быте и культуре народов Сахалина и Приамурья середины XIX века, дружеском отношении местного населения к русским землепроходцам и мореплавателям, отображают процесс описания и освоения этих территорий, учреждения постов и укреплённых пунктов, строительства портов.

Книга завершается документами о подготовке к изданию записок Г. И. Невельского «Действия наших морских офицеров с 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего отечества и их последствия».

Издание адресовано специалистам по истории Дальнего Востока, международных отношений, Военно-морского флота, этнографам и географам, а также всем интересующимся историей России XIX века.

В этой публикации расскажем лишь о некоторых новых документах о деятельности Г. И. Невельского.

Авторы сборника сообщают, что фонда документальных материалов Г. И. Невельского и экспедиции, которой он руководил, в архивохранилищах России не найдено. Также неизвестно, какими документами он располагал при написании книги «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» [1, с. 31].

Дальневосточные исследователи хорошо знакомы с этой проблемой из публикации историка А. И. Костанова [6]. Мы тоже это отмечали в книге об Амурской экспедиции [7].

Определённый интерес представляют документы об инструкции Г. И. Невельскому по изучению устья Амура и основании им на мысе Куегда Николаевского поста 1 (13) августа 1850 года в присутствии гиляков из окрестных деревень при салюте из фальконета и ружей с подъёмом русского флага. Первая команда на посту состояла из шести матросов при фальконете и шлюпке [2, с. 122].

Как известно, за эти самовольные действия его хотели привлечь к ответственности вплоть до разжалования в матросы. Но заступничество великого князя Константина Николаевича и Н. Н. Муравьёва спасли Г. И. Невельского от этого наказания.

После завершения плавания в Охотск осенью 1849 года и доклада в Петербурге о его итогах Г. И. Невельской вновь получил назначение на Дальний Восток. 8 февраля 1850 года он «высочайшим приказом из 10-го флотского экипажа переведен в Охотскую флотилию с производством на основании Положения о Камчатке в капитаны 1-го ранга и назначен состоять при генерал-губернаторе Восточной Сибири для исполнения особого возложенного высочайшего повеления и с предоставлением прав относительно пенсии, каким пользуются начальники Камчатки» (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 463. Л. 519–521). 27 марта 1850 года Невельской был уже в Иркутске [1, с. 441].

Авторы сборника подтверждают, что 16 августа 1848 года последовала инструкция Морского министерства, в которой повторялась официальная версия плавания Г. И. Невельского, но далее говорилось, что подробные инструкции он получит в Петропавловске от Н. Н. Муравьёва, в распоряжение которого передавалось судно. Н. Н. Муравьёв подготовил инструкцию и, обосновав историческую необходимость обследования Амура, отметил, что «из берегов Охотского моря наиболее необходимо подробное описание: 1) северной части острова Сахалина с восточной и западной его стороны; 2) пролива, отделяющего этот остров от материка; 3) лимана и устья реки Амур и 4) Сегнекинской губы.., получившей название залива в. кн. Константина» (документ № 7).

В этой инструкции Н. Н. Муравьёв впервые назвал Сахалин островом. Инструкцию, утверждённую императором, Г. И. Невельской должен был получить в Петропавловске [1, с. 21–22].

Составители сборника утверждают, что этой инструкции в архивах не обнаружено!

Документы, вошедшие в новое издание, свидетельствуют, что в Петербурге продолжались дебаты по поводу дальнейших путей освоения Приамурья и действий экспедиции. Не все члены Особого комитета верили в открытие Г. И. Невельского и, опасаясь осложнений с Китаем, требовали ликвидировать Николаевский пост, никаких мест больше не занимать, отправить лист в пекинский трибунал, чтобы договориться с Китаем об обеспечении «устьев Амура» от покушений иностранцев. Военный министр граф А. И. Чернышёв настаивал на суровом наказании Г. И. Невельского за самовольные действия на Амуре.

7 февраля 1851 года состоялось очередное заседание Особого комитета, на котором было объявлено повеление императора: Николаевский пост оставить в виде лавки Российско-Американской компании (РАК), продолжать торговлю с туземцами через РАК, послать лист в Пекин и др. (документ № 24). 11 февраля Н. Н. Муравьёв сообщил Главному правлению Российско-Американской компании «о последовавшем высочайшем разрешении по делу об Амуре и гиляках» (документ № 25). По версии Г. И. Невельского, изложенной в его книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», Особый комитет заседал снова 12 февраля под председательством наследника и, вопреки резолюции императора, принял решение, один из пунктов которого гласил: действующую на Амуре экспедицию назвать Амурской, начальником её во всех отношениях назначить Г. И. Невельского. Однако документально это не подтверждается [1, с. 25]. 12 февраля заседания Особого комитета не происходило, официального приказа об организации Амурской экспедиции не издавалось [1, с. 442].

Ниже можно прочитать: «20 марта 1850 г. А. С. Меншиков сообщил Муравьёву, что он докладывал императору о его рапорте. Николай I «изволил сообщить» Муравьёву, «что постоянно желая, дабы в распространении наших отношений с чуждыми нам доселе племенами восточного азиатского края соблюдалась крайняя осторожность и неспешность, его величество не может не признать предложенных вами мер и распоряжений при настоящих обстоятельствах еще **рановременными** (выделено мною — А. Ф.), а потому все, что могло бы в сем случае быть принято к исполнению как следствие вашего ко мне отношения, отложено» (РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 206. Л. 73, об., 74). Экспедиция была подчинена правительству только в конце 1853 года (см. документ № 87)» [1, с. 448].

В другом месте опять идёт речь об экспедиции под руководством Г. И. Невельского, которая до 1853 года «Амурской» не называлась. До этого Н. Н. Муравьёв в письмах к Г. И. Невельскому называл её «ваша экспедиция», «вверенная вам особая экспедиция» и по-другому, а сам Невельской именовал её «просто особая экспедиция» (см. документ № 54).

К рапорту Н. Н. Муравьёва был приложен проект положения о преобразованиях в экспедиции, практически изложенный в рапорте, и впервые представлен «штат морской и казачьей команды Петровского селения», где в числе строевых чинов значился «начальник экспедиции, состоящий для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Капитан 1-го ранга». До этого Невельской начальником экспедиции официально не назывался. Всего в штат было включено 353 человека, на то время в Петровском зимовье находилось 92 человека (РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 206. Л. 68–70) [1, с. 447].

Показательным примером вольной трактовки Г. И. Невельским исторических событий стал приказ по войскам о назначении его начальником штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири [1, с. 399]:

«Приказ по войскам, на устье Амура сосредоточенным», о назначении контр-адмирала Г. И. Невельского начальником штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири и командующем войсками

№ 4 *27 мая 1855 г.*

Принимая главное начальство над морскими и сухопутными силами, для защиты устьев Амура сосредоточенными, я поручаю начальство над всеми морскими силами, в этих местах находящимися, камчатскому военному губернатору г-ну контр-адмиралу Завойко, а состоящему при мне контр-адмиралу Невельскому предлагаю исправлять при мне должность начальника штаба по всем вышеизложенным войскам.

Главная квартира моя назначается в Мариинском посте. Дежурству камчатского военного губернатора и начальника морских сил при устье Амура находиться в Николаевском посте.

Подлинный подписал генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий в оной войсками генерал-лейтенант Муравьев

(РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 922. Л. 85–85, об., копия, заверенная Н. Н. Муравьёвым).

В книге Г. И. Невельского этот приказ изложен иначе: «1. Амурская экспедиция заменяется Управлением камчатского губернатора контр-адмирала Завойко, местопребыванием которого назначается Николаевское. 2. Вы назначаетесь начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами Приамурского края. 3. Все чины, состоящие в Амурской экспедиции, поступают под

начальство адмирала Завойко. 4. Главной квартирой всех наших войск назначается Мариинский пост» [2, с. 322–323].

Как показало исследование, специального приказа об организации Амурской экспедиции не издавалось, соответственно не было приказа и о её расформировании, она не имела статуса военно-морского формирования. Название «Амурская экспедиция» до 1853 года не употреблялось и появилось в 1853 году в документах Главного правления РАК, возможно, для отличия от Сахалинской экспедиции (см. документ № 71). Военный министр князь В. А. Долгоруков в письме к К. В. Нессельроде от 1 мая 1863 года даже называл её «Забайкальской экспедицией» (АВПРИ. Ф. Главный архив. Оп. 8. 1853–1859. Д. 6. Л. 1). В подлинном послужном списке Невельского, составленном в 1856 году, вероятно, уже в Петербурге и подписанном Н. Н. Муравьёвым, сказано: «С 1850 по 1855 год по 3 июня был начальником Особой амурской экспедиции, составленной для занятия Приамурского края, состоя вместе с тем по особым поручениям у генерал-губернатора Восточной Сибири» (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 463. Л. 516). Следует отметить, что начальником экспедиции он приказом тоже не назначался [1, с. 461–462].

Вышеупомянутым приказом № 4 экспедиция Невельского была практически расформирована. Сдав дела своему заместителю А. В. Бачманову, Невельской с женой и маленькой дочкой переехал в Мариинский пост. Вступив в новую должность, он прежде всего представил генерал-губернатору отчёт о действиях экспедиции с июня 1850-го по июнь 1855 года и свои соображения о дальнейших мероприятиях по отражению неприятеля и устройству края [2, с. 321–328].

После окончания боевых действий на Амуре и отъезда Н. Н. Муравьёва Г. И. Невельской с семьёй остался зимовать в Мариинском посте как частное лицо. Летом 1856 года Невельские выехали с Амура через Аян и к концу сентября прибыли в Иркутск [2, с. 323, 336, 338–341].

10 декабря 1856 года Невельской был зачислен в резерв флота, в 1857-м — назначен членом Морского учёного комитета, в 1866-м — членом Учёного отделения Морского технического комитета [1, с. 461].

Уделено в сборнике внимание и организационным вопросам экспедиции Невельского. До 1854 года она подчинялась камчатскому военному губернатору и командиру Петропавловского порта генерал-майору (позднее — контр-адмирал) В. С. Завойко, так как официально Г. И. Невельской был причислен к Охотской флотилии, и Российско-Американской компании, снабжавшей экспедицию всем необходимым и обеспечивавшей товарами её участников, которые изучали Приамурье под видом купцов. И с В. С. Завойко, и с Главным правлением РАК у Г. И. Невельского сложились весьма напряжённые отношения, что мешало его деятельности (документы №№ 40, 50, 52, 54). Экспедиция в то время не имела ни штата, ни утверждённого начальника. Г. И. Невельской несколько раз обращался к Н. Н. Муравьёву с просьбой о необходимости организационных преобразований и представлял свои соображения, где была указана должность начальника экспедиции, капитана 1-го ранга, состоящего по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, однако император считал это «рановременным» (документы №№ 42, 52). Только 6 января 1854 года в Николаевском посте был получен приказ о подчинении экспедиции правительству, подъёме на всех постах военных флагов и сдаче флагов РАК в пакгаузы. Экспедиция получила особый временный штат, Г. И. Невельской освобождался от зависимости от РАК (документ № 88). 25 августа 1854 года он был произведён в контр-адмиралы.

В сборник вошли и документы о реорганизации управления войсками на Амуре после окончания военных действий. Н. Н. Муравьёв предполагал назначить Невельского начальником штаба при себе, контр-адмирала В. С. Завойко — начальником всех морских сил на Амуре, а М. С. Корсакова — всех сухопутных. «Таким образом, — писал он Корсакову, — Невельской с громким названием не будет никому мешать и докончит свое там поприще почетно» [3, с. 157]. 16 марта 1855 года Н. Н. Муравьёв сообщил о своих планах по реорганизации управления войсками и морскими силами на Амуре генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, объясняя необходимость преобразований тем, что тогда «...упразднится отдельное управление войсками на юго-восточных берегах Сибири и прекратятся особые преимущества, на время им дарованные» (документ № 102).

Выше уже говорилось о приказе от 27 мая 1855 года (документ № 103), автоматически прекращавшем деятельность экспедиции Г. И. Невельского, хотя в самом приказе об этом не говорится ни слова. По версии Г. И. Невельского, приказ от 27 мая касался только Амурской экспедиции, что не соответствует подлиннику.

Покидая Амур, 18 ноября 1855 года Н. Н. Муравьёв писал Константину Николаевичу: «Невельской здесь теперь не нужен, ни на Амуре, ни в Иркутске. Я принял смелость представить об отчислении его: он выслужил узаконенные сроки и контр-адмирал, заслуги его вознаграждены, а если будет милость вашего высочества дать ему покойное место, то он отдохнет и оправится от многолетнего своего пребывания на Амуре» (документ № 105) [1, с. 29–30].

В заключение отметим, что ко времени создания Невельским рукописи книги практически не осталось людей, которые могли бы подтвердить или опровергнуть многие

факты деятельности участников экспедиции. В этой связи можно лишь говорить о некоторых достоверных событиях. Об этом же свидетельствуют и многочисленные замечания редакторов в комментариях к переизданиям его книги.

На наш взгляд, исследователям предстоит кропотливая работа как по внимательному изучению сборника новых документов о Г. И. Невельском, так и по критическому анализу многочисленных книг и статей о его деятельности.

Список использованных источников

1. Г. И. Невельской. Документы и материалы (1813–1876). — Санкт-петербург, Изд-во «Русско-Балт. информ. центр "Блиц"», 2017. — 504 с., ил. — [Сб. док. подготовлен Рос. гос. архивом Военно-мор. флота (РГАВМФ)].

2. Невельской, Г. И. Подвиг русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–1855 / ред. и вступ. статья Л. Г. Каманина. — 3-е изд. — Москва : Географгиз, 1947 (Тип. «Кр. пролетарий»). — 398 с.

3. Алексеев, А. И. Геннадий Иванович Невельской, 1813–1876 / А. И. Алексеев. — Москва : Наука, 1984. — 191 с.

4. Барсуков, И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : биогр. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печат. источникам / И. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во. — Репр. воспроизведение изд. 1891 г. — Хабаровск : б. и., 1999. — 672 с.

5. Барсуков, И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : биогр. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печат. источникам. Кн. 2 / И. П. Барсуков. — Репр. воспроизведение изд. 1891 г. — Хабаровск : РИОТИП, 2009. — 465 с. : портр.

6. Костанов, А. И. О судьбе архива Амурской экспедиции Г. И. Невельского / А. И. Костанов // Документальная история Сибири XVII – середина XIX вв. — Владивосток, 2007. — С. 259–272.

7. Филонов, А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского : взгляд из XXI века / А. М. Филонов. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. — 334 с.

Фотография предоставлена автором.

Материал поступил в редакцию 22.09.2017 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, почётный член и учёный секретарь Приамурского географического общества (г. Хабаровск), почётный гражданин г. Хабаровска.

СТАРКИНА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА

«КНИЖНЫЕ СВИДЕТЕЛИ БЫЛЫХ ВРЕМЁН» — ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье рассказывается об электронном сборнике статей «Книжные свидетели былых времён», выпущенном Дальневосточной государственной научной библиотекой в 2017 году. Автор подробно останавливается на структуре издания, подчёркивает непреходящее значение этого проекта. В подтверждение приводятся примеры успешных презентаций данного сборника, проведённых на различных региональных научных мероприятиях.

Ключевые слова: ДВГНБ, «Книжные свидетели былых времён», электронный сборник, книгоиздание.

Keywords: FESSL, “Written evidences of the passed times”, electronic collection, book publishing.

Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) является крупнейшим книгохранилищем на Дальнем Востоке, одной из важнейших задач которого на протяжении более 120 лет является обеспечение не только сохранности книжных памятников, но и широкой доступности для научных и просветительских целей. В апреле 2017 года увидел свет новый издательский проект ДВГНБ — электронный сборник «Книжные свидетели былых времён», в основу которого легли статьи ведущих специалистов библиотечного дела нашего учреждения, опубликованные в сборниках научных трудов, международных, российских и региональных конференций, в периодических изданиях федерального и краевого уровней за период с 2001-го по 2016 год.

В редакционную коллегию вошли: генеральный директор ДВГНБ Т. Ю. Якуба (гл. ред.), заместитель генерального директора Г. В. Старкина, специалист по учётно-хранительской документации отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Н. К. Лютова, главный редактор О. Н. Волкотрубова (выпуск. ред.). Ответственный составитель сборника — Н. К. Лютова. Составители: заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» А. В. Воропаева и главный библиотекарь этого отдела Н. В. Радишаускайте.

Фундаментальному изданию присвоен ISBN 978-5-98162-022-5, он выложен в открытом доступе на официальном сайте библиотеки по ссылке https://www.fessl.ru/KSBV2017/

Эта, без преувеличения, уникальная книга, объёмом 864 страницы, состоит из трёх частей. Первый раздел знакомит с теоретическими и методическими вопросами формирования библиотечных фондов, созданием электронных баз данных на старопечатные издания, работой с книжными памятниками. Вторая, самая обширная, включает статьи о редких и ценных изданиях в фонде ДВГНБ: книжных памятниках, краеведческих, периодических. В третью часть вошли работы, которые дают представление о сохранности библиотечных фондов. Всего в сборнике представлены 116 статей и 17 мультимедийных презентаций.

В 2008 году на базе отдела редких и ценных изданий ДВГНБ был образован отдел «Краевой научно-исследовательский центр книжных памятников» (сегодня это Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края). Здесь при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Культура России» было создано два центра: Центр консервации библиотечных фондов и Региональный центр по работе с книжными памятниками.

Главное направление деятельности Центра консервации — реализация государственных задач по обеспечению сохранности библиотечных фондов на территории Хабаровского края. Специалистами выполняется работа по обеспечению режимов хранения библиотечных фондов, организации и выполнению работ по стабилизации, реставрации документов, оказанию методической, практической и консультативной помощи. В сборник вошло 12 статей, посвящённых проблемам консервации, сохранности фондов и реставрации книжных памятников. Основные авторы — главный библиотекарь Елена Валерьевна Голышева и специалист по учётно-хранительской документации Надежда Константиновна Лютова.

Один из старейших региональных центров по работе с книжными памятниками ведёт свою историю с 1894 года, когда в Николаевской публичной библиотеке был образован отдел «Библиографические редкости». Основу его составили книги, пожертвованные известными государственными и общественными деятелями России в конце XIX – начале XX века. Сегодня фонд редких и ценных изданий составляет 27 тысяч единиц хранения. На протяжении многих лет сотрудники этого центра проводят научную работу по изучению редких и ценных изданий. Результатом исследований явились статьи, которые ежегодно публикуются в журналах «История и культура Приамурья» (с сентября 2016 г. — «Культура и наука Дальнего Востока»), «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки», «Словесница Искусств». В электронный сборник «Книжные свидетели былых времён» вошло более 60 статей о редком фонде ДВГНБ. Основные авторы — сотрудники отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края»: заведующий Александра Валерьевна Воропаева, главный библиотекарь Наталья Витаутовна Радишаускайте, библиотекарь 2-й категории Кристина Андреевна Струк, а также Татьяна Александровна Щербакова, работавшая в библиотеке с 1987-го по 2004 год (с 1996 г. она была заведующим отделом редких и ценных изданий ДВГНБ). В статьях речь идёт как об отдельных русских и западноевропейских изданиях, начиная с XV века, так и о коллекциях книг, принадлежавших когда-то политическим и общественным деятелям. Назовём только несколько известных дарителей. Это коллекции великого князя Константина Николаевича Романова, приамурского генерал-губернатора Николая Ивановича Гродекова, русского путешественника и военного географа Михаила Ивановича Венюкова, семьи Старцевых. Есть документы, переданные разными организациями, среди которых Гидрографический департамент и Московский государственный университет. Несколько статей посвящено изучению уникальных коллекций фотоальбомов конца XIX – начала XX века, автографов, экслибрисов.

О редких краеведческих изданиях написано 20 статей.

Основной автор — главный библиотекарь отдела «Центр информационно-библиографического обслуживания, библиографии и краеведения» Татьяна Васильевна Кирпиченко. Статьи знакомят с историей российского Дальнего Востока. Много материалов и об известных дальневосточных деятелях и их библиотеках: Николае Митрофановиче Рогале, Николае Витальевиче Усенко, Георгии Георгиевиче Пермякове.

Восемь статей написано о региональных журналах: об особенностях изданий, истории, о формировании фонда краеведческой периодики в ДВГНБ. Разработкой этой темы занималась Н. К. Лютова.

Для более удобного просмотра электронного издания предусмотрены гиперссылки, библиографический список статей, вошедших и не вошедших в сборник.

Члены редколлегии уверены, что сборник «Книжные свидетели былых времён» будет интересен как для специалистов, так и для широкого круга читателей. И это уже подтверждено рядом научных мероприятий! С апреля по октябрь 2017 года сотрудники ДВГНБ приняли участие в различных конференциях с презентациями нового издательского проекта библиотеки:

- XXXIV Крашенинниковских чтениях (секция «Заочные и стендовые доклады», 5–6 апреля, Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, г. Петропавловск-Камчатский);
- XV Международной научно-методической конференции «Проблемы высшего образования» (круглый стол «Общие вопросы развития образовательных систем; совершенствование преподавания гуманитарных дисциплин», 5 апреля, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск);
- Межрегиональной научно-практической конференции «Роль библиотек в сохранении и популяризации культурного наследия региона» (заочное участие, 22–23 мая, Сахалинская областная универсальная научная библиотека, г. Южно-Сахалинск);
- VII краевых Кирилло-Мефодиевских образовательных чтениях «Славянская письменность и культура: изучение, сохранение, приумножение» (культурологическая секция «Православные ценности как основа русской культуры», 23 мая, Хабаровская духовная семинария, г. Хабаровск);
- XXIV Международной конференции «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» (секция «Региональные, муниципальные и сельские общедоступные библиотеки: новая экономика и новые технологии», 8 июня, III Международный профессиональный форум «Книга. Культура. Образование. Инновации» («Крым-2017»), г. Судак);
- Международном научно-практическом семинаре «Информационное общество: новые приоритеты книжной культуры» в рамках Международного фестиваля «Книжная Сибирь» (заочное участие, 15–17 сентября, ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск);
- VIII Муравьёвских чтениях (Региональная научно-практическая конференция «Становление и развитие культуры, науки и образования в Приамурье» в виде телемоста Благовещенск — Хабаровск — Чита; организатор — Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьёва-Амурского; 25 октября).

В конце сентября сборник «Книжные свидетели былых времён» был представлен на XX Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор-2017» (г. Владивосток) и удостоен серебряной медали в номинации «Лучшее электронное издание». В октябре книга стала победителем конкурса «Лучшее краеведческое издание» в номинации «Электронное краеведческое издание», проводимого Сахалинской областной универсальной научной библиотекой.

Необходимость и уникальность нашего сборника также подтверждают положительные отзывы ряда специалистов: И. Л. Карповой, кандидата исторических наук, заведующего сектором НИО редких книг (Музей книг) Российской государственной библиотеки (г. Москва), эксперта по печатным изданиям Министерства культуры Российской Федерации; Е. А. Кривощёковой, главного хранителя фондов Городского краеведческого музея (г. Комсомольск-на-Амуре); М. А. Лоскутниковой, первого заместителя министра культуры Хабаровского края; О. А. Лопатиной, кандидата педагогических наук, профессора кафедры «Библиотечно-информационная деятельность, документоведение и архивоведение» Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск); Н. И. Дубининой, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Электронный сборник «Книжные свидетели былых времён», несомненно, вызывает интерес среди научной и библиотечной общественности. Мы надеемся, что огромная работа, проделанная ведущими специалистами нашей библиотеки, и в дальнейшем будет оценена по достоинству, а благодаря фундаментальному издательскому проекту ДВГНБ в научный оборот будет введена новая информация об отдельных редких и ценных изданиях, хранящихся в фондах библиотеки.

Материал поступил в редакцию 29.09.2017 г.

Сведения об авторе: Старкина Галина Владимировна, заместитель генерального директора Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: starkina@yandex.ru; тел. (4212) 32-75-02.

ДИВНИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА

«ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ»: ВЕЧНАЯ НАУЧНАЯ КЛАССИКА

В статье представлена хроника издания книги «Описание земли Камчатки» с приложением библиографического описания всех изданий этого труда на русском языке. Публикация приурочена к 280-летию со дня высадки участника Второй Камчатской экспедиции Степана Крашенинникова на берег не известного тогда науке полуострова.

Ключевые слова: С. П. Крашенинников, Камчатка, «Описание земли Камчатки».

Keywords: S. P. Krasheninnikov, Kamchatka, “Description of the Kamchatka land”.

Много ли на свете научных книг XVIII столетия, которые в XXI веке читают, изучают, конспектируют самые разные люди: учёные, краеведы, представители коренных народов Севера и Дальнего Востока, возрождающие свою традиционную культуру, студенты и школьники?

В Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова одну такую книгу знают очень хорошо. В юбилейный год с момента прибытия на Камчатку в составе Второй Камчатской экспедиции Степана Петровича Крашенинникова наша библиотека, которая с гордостью носит имя этого замечательного учёного-исследователя, представляет хронику издания его величайшего научного труда — книги «Описание земли Камчатки», заслуженно вошедшей в сокровищницу не только российской, но и мировой науки и культуры.

Год выхода из печати — 1756-й, изданий на русском языке — 8 (последнее в 2014 г.), множество изданий и переизданий на иностранных языках. Это первая в истории России научная академическая монография, первая российская региональная энциклопедия, первое в русской и мировой научной литературе исследование о Камчатке, это ярчайший образец её комплексного страноведческого описания, а также образец прекрасного русского литературного языка первой половины XVIII века.

Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) — участник Второй Камчатской экспедиции, исследователь Камчатки и Сибири, первый русский академик-географ, профессор натуральной истории.

На Камчатке он пробыл четыре года (1737–1741) и за это время провёл всестороннее исследование полуострова: пересёк его десять раз, изучая растительный и животный мир, речную систему; описал рельеф, вулканы Авачинский, Кроноцкий, Толбачик, Ключевскую сопку, гейзеры, горячие источники на реках Банной, Паратунке, Озёрной, Паужетке, Семячике; составил подробную климатическую карту местности. Учёный собрал обширный материал о коренном населении Камчатки и Курильских островов: ительменах, коряках, курильцах, их языке и культуре.

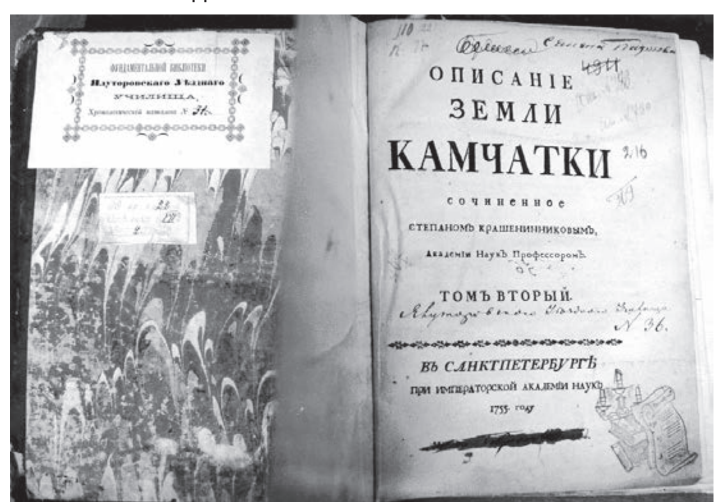
Делом всей последующей жизни Крашенинникова стала обработка собранных материалов и подготовка «Описания земли Камчатки» — главного труда, который принёс ему мировую славу.

В 1743 году Степан Петрович вернулся в Петербург — уже зрелым исследователем, однако два года продолжал числиться студентом и лишь в 1745 году получил первое учёное звание — адъюнкта, а ещё пять лет спустя — профессора натуральной истории и ботаники. Звания не избавили учёного от бедности — Крашенинников заболел туберкулёзом, но до последних дней жизни продолжал работу над книгой: будучи тяжело больным, он подписывал корректуру последних печатных листов.

Учёный умер в возрасте сорока трёх лет, 25 февраля 1755 года, — в день, когда был отпечатан в типографии последний лист «Описания земли Камчатки».

На титульном листе первого русского издания год выпуска книги обозначен как 1755-й. Однако после смерти Крашенинникова решено было выход книги задержать, дополнив её картами и предисловием, автор которого, академик Герхард Миллер, справедливо написал о Степане Петровиче: «Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия» [1].

Таким образом, книга вышла из печати во второй половине 1756 года.

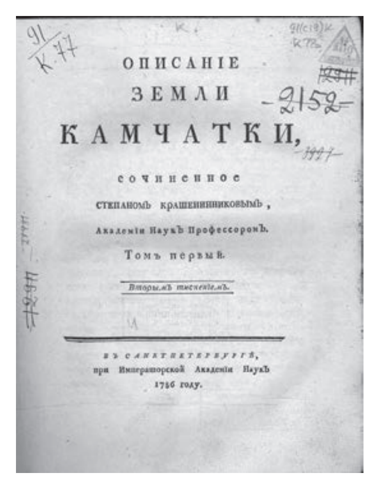

Второй том издания «Описание земли Камчатки» (Санкт-Петербург, 1755).

Сразу после выхода в свет труд Крашенинникова стал хорошо известен не только в России, но и в Западной Европе. Уже в 1760 году появился сокращённый перевод на французский язык, в 1764-м — полный английский перевод, в 1766-м — немецкий, в 1770-м — голландский; в 1767–1770 годах последовали новые издания на французском языке, а в 1771-м и 1789 году — на немецком.

Спустя 30 лет, в 1786 году, Императорская Академия наук выпускает второе издание «Описания земли Камчатки».

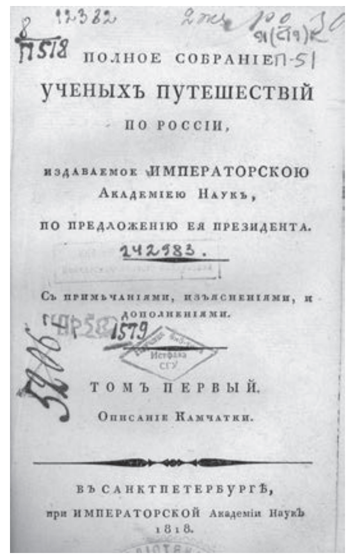
В начале XIX столетия в научных кругах возникла идея издания «Полного собрания учёных путешествий по России». Открыли эту серию новым, третьим, изданием труда Крашенинникова, два тома которого были напечатаны в 1818–1819 годах по распоряжению президента академии наук С. С. Уварова.

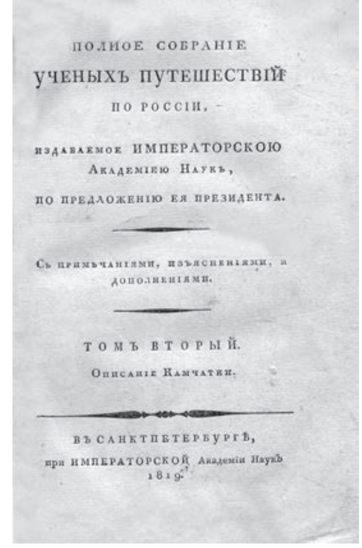

ОПИСАНІЕ
ЗЕМЛИ
КАМЧАТКИ,
сочиненное
Степаномъ Крашенинниковымъ,
Академіи Наукъ Профессоромъ.
Томъ первый.
Вторымъ тисненіемъ.
Въ Санктпетербургѣ,
при Императорской Академіи Наукъ
1786 году.

Первый том труда С. П. Крашенинникова (Санкт-Петербург, 1786).

В подготовке издания принимали участие её профессора В. М. Севергин, П. А. Загорский, А. Ф. Севастьянов, В. К. Вишневский; книгу дополнили многочисленными замечаниями, комментариями и новыми сведениями о Камчатке.

Незадолго до своей роковой дуэли А. С. Пушкин читал и конспектировал книгу Крашенинникова, приступив к работе над документальным рассказом о завоевании Камчатки, в основу замысла которого легло «Описание земли Камчатки».

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
ПО РОССІИ,
издаваемое ИМПЕРАТОРСКОЮ
Академіею Наукъ,
ПО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТА.
Съ примѣчаніями, изъясненіями, и дополненіями.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Описаніе Камчатки.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ
1818.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
ПО РОССІИ,
издаваемое ИМПЕРАТОРСКОЮ
Академіею Наукъ,
ПО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТА.
Съ примѣчаніями, изъясненіями, и дополненіями.
ТОМЪ ВТОРЫЙ.
Описаніе Камчатки.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ
1819.

Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению её президента (Санкт-Петербург, 1818).

К середине XX века труд Крашенинникова стал библиографической редкостью — со времени выхода последнего русского издания прошло 130 лет. В эпоху активного освоения Советского Севера и Дальнего Востока возник особый интерес к книге известного русского исследователя.

Тогда государственное издательство географической литературы «Географгиз» приняло решение подготовить к печати «Описание земли Камчатки», рассчитанное на массового читателя. Оно было издано в 1948 году. По сути, это популярный конспект предыдущих изданий, сделанный редакторским коллективом в лице Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина на современном русском языке. По их мнению, такой вариант облегчал работу с книгой читателям, которые не являются учёными.

СТЕПАН КРАШЕНИННИКОВ
ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ
в изложении по подлиннику
и под редакцией
Н. В. ДУМИТРАШКО и Л. Г. КАМАНИНА
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1948

«Описание земли Камчатки» издания 1948 года.

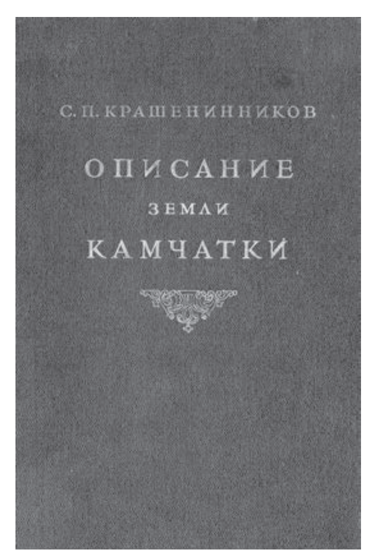
Из неё были исключены языковые словари народов Камчатки, перечни небольших камчатских рек, журнал наблюдений над приливами и отливами, таблицы расстояний между населёнными пунктами, а также следующие главы: седьмая, часть вторая — «О витимском соболином промысле»; двадцатая, часть третья — «О разных наречиях камчатского народа»; седьмая, часть четвёртая — «О подчинённых каждому острогу камчатских и корякских острожках, о ясачном сборе с них и о казённых доходах». Глава девятая в первой части книги — «О разных дорогах, которыми из Якутска переезжать можно» и глава вторая в первой части — «О камчатских проезжих дорогах» даны в сокращении.

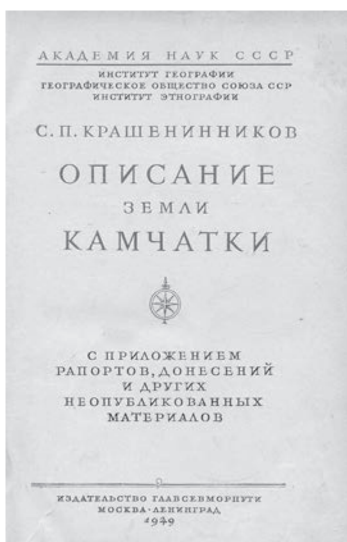
Специалисты и любопытные отсылались к предыдущим изданиям книги и к новому полному изданию 1949 года, которое в это время выпускалось Географическим обществом Союза ССР, Институтом географии и Институтом этнографии АН СССР с обширными научными комментариями, дополнениями и приложением.

Это пятое российское издание книги С. П. Крашенинникова стало лучшим! В основу публикации был положен текст «Описания земли Камчатки» 1755 года, представляющий собой последнюю авторскую редакцию труда; он был дополнен по рукописи Крашенинникова, хранящейся в архиве Академии наук СССР.

Располагая ею, редакторский коллектив тщательно изучил этот источник и счёл необходимым воспроизвести изъятые автором места в сносках настоящего издания. Кроме того, в нём напечатаны и другие работы, тематически связанные или с «Описанием земли Камчатки», или в целом с поездкой Крашенинникова на Камчатку. Это рапорты, донесения, заметки, записки и два путевых дневника исследователя: «Описание пути от Большерецкого острога вверх по Большой реке до тёплых вод и оттуда до имеющейся на Аваче реке близ её устья горелой сопки» и «Описание пути от Верхнего до Нижнего Камчатского острога».

Общее руководство изданием и его редакция осуществ-

Издание Главсевморпути (Москва, 1949).

лялись президентом Географического общества Союза ССР при Академии наук СССР академиком Л. С. Бергом, директором Института географии Академии наук СССР академиком А. А. Григорьевым и профессором Института этнографии Академии наук СССР Н. Н. Степановым.

Комментарии подготовили известные учёные: этнограф В. В. Антропова, этнограф и лингвист И. С. Вдовин, историк И. И. Огрызко; раздел «О картах, относящихся к Великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII века» написан членом-корреспондентом Академии наук СССР А. В. Ефимовым. Большая работа по изданию книги была проделана и сотрудниками архива АН СССР.

Однако издание 1949 года, включившее в себя многие работы Крашенинникова, почти не затронуло сибирский период (1733–1737), предшествовавший его путешествию на Камчатку. Работа Степана Петровича в Сибири была слабо освещена и в научной литературе.

Сборник «С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы» (1966), подготовленный и прокомментированный профессором Н. Н. Степановым, содержит рапорты Крашенинникова о его научных исследованиях в Сибири, дорожный дневник, географические описания маршрутов учёного, этнографические работы.

Прошло 28 лет, и, благодаря энтузиазму камчатских краеведов, сотрудников библиотеки Российской академии наук, издательских фирм «Наука» и «Камшат», в 1994 году в Санкт-Петербурге вышло в свет факсимильное воспроизведение самого первого издания «Описания земли Камчатки».

К 255-летию этого фундаментального труда издательство «Эксмо» в серии «Великие путешествия» выпустило очередное его издание (2010).

Для удобства читателя XXI века издатели привели в соответствие с нормами современного русского языка устаревшие грамматические формы, затрудняющие чтение, по тому же принципу выправили пунктуацию. Издание было дополнено новыми интересными комментариями, богато иллюстрировано.

Репринтное воспроизведение «Описания земли Камчатки» (Санкт-Петербург, Петропавловск-Камчатский, 1994).

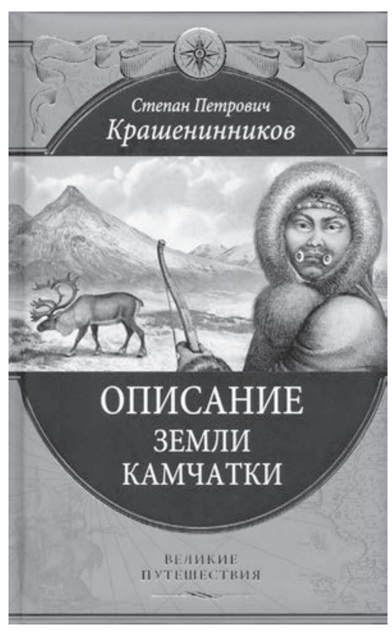
Однако на первой странице вступления учёного называют «Семёном Петровичем Крашенинниковым» (в интернет-библиотеках ошибка исправлена), очень многие иллюстрации носят случайный характер и не имеют отношения к Камчатке, а их источники не указаны, и аннотации к ним не точны.

Книга была переиздана в 2014 году в серии «Великие русские путешественники». Поменялся цвет и вид обложки, но Степан Петрович так и остался «Семёном Петровичем» в первой строчке вступительного слова «От редакции». Очень жаль…

Интересно, каким будет следующее издание вечной научной классики? А ведь будет, непременно!

Уже 260 лет люди читают и переиздают «Описание земли Камчатки». Более двух с половиной веков находят в этой книге то, что им интересно. Точные, полные и разносторонние описания и наблюдения Степана Петровича Крашенинникова не потеряли своей значимости до настоящего времени.

И это не просто слова. Не так давно в отделе краеведения нашей библиотеки были выданы на руки все имеющиеся в наличии экземпляры книги Крашенинникова, о чём мы смущённо и сообщили очередному читателю, которому книга срочно понадобилась: «Извините, “Описания земли Камчатки” на полке нет…»

Издание 2010 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Библиографическое описание всех изданий книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» на русском языке

(Сост. Н. Д. Тропина, ведущий библиотекарь отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, и М. В. Кораблёва, заведующий сектором информационно-библиографического отдела Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.)

1. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : в 2 т. / С. П. Крашенинников. — Санкт-Петербург : Император. Акад. наук, 1755. — Т. 1. — 438 с. ; Т. 2. — 312 с.
2. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : в 2 т. / С. П. Крашенинников. — Санкт-Петербург : Император. Акад. наук, 1786. — Т. 1. — 438 с. ; Т. 2. — 312 с.
3. Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению её президента: с примеч., изъяснениями и доп. — Санкт-Петербург : Император. Акад. наук, 1818. — Т. 1. : Описание Камчатки / С. П. Крашенинников. — 529 с.
4. Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению её президента: с примеч., изъяснениями и доп. — Санкт-Петербург : Император. Акад. наук, 1819. — Т. 2.: Описание Камчатки / С. П. Крашенинников. — 486 с.
5. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки: в излож. по подлиннику / С. П. Крашенинников ; ред.: Н. В. Думитрашко, Л. Г. Каманин. — Москва : Географгиз, 1948. — 292 с.
6. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки: с прил. рапортов, донесений и др. неопубл. материалов / С. П. Крашенинников ; отв. ред.: Л. С. Берг, А. А. Григорьев, Н. Н. Степанов. — Москва ; Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1949. — 842 с.
7. С. П. Крашенинников в Сибири : неопубл. материалы / АН СССР, Сиб. отд-ние ; подгот. текста, вступ. ст. Н. Н. Степанова ; отв. ред. А. П. Окладников. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — 242 с.
8. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : в 2 т. / С. П. Крашенинников. — Санкт-Петербург : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1994. — Т. 1. — 438 с. ; Т. 2. — 319 с. — Репринт. воспроизведение.
9. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. — Москва : Эксмо, 2010. — 475 с.
10. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников ; Рус. геогр. о-во. — Москва : Эксмо: Око, 2014. — 475 с.

Список использованных источников

1. [Миллер, Г.] Предисловие // Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки: с прил. рапортов, донесений и др. неопубл. материалов / С. П. Крашенинников ; отв. ред.: Л. С. Берг, А. А. Григорьев, Н. Н. Степанов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1949. — С. 93.

2. Степан Петрович Крашенинников и его книга «Описание земли Камчатки» : к 300-летию со дня рождения и 225-летию со дня выхода моногр. / Камч. краев. б-ка им. С. П. Крашенинникова, Информ.-библиогр. отд. — Петропавловск-Камчатский : ККНБ, 2011. — Буклет.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 21.08.2017 г.

Сведения об авторе: Дивнина Наталья Валентиновна, главный библиотекарь отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (г. Петропавловск-Камчатский).
Контактные данные: e-mail: glashenka44@mail.ru; тел.: 8-909-837-69-05, (4152) 25-19-69.

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;
– занимаемая в настоящее время должность и место работы;
– учёная степень;
– учёное звание;
– контактный телефон (рабочий, мобильный);
– e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

• Необходимость использования буквы **ё.**

• Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного **тире** (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

- список помещается в конце статьи;
- в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;
- в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;
- далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);
- если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;
- в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];
- нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Предпечатная подготовка и печать
ООО «Омега-Пресс».
Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Заказ № 1348.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.